

Руф Игнатъев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
(уфимский и оренбургский период)

Том I
1859–1866 годы

Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2011

УДК 947(470.56)
ББК 63.3(2)2p36-40P
И 26

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.А. Лабузов

Составитель
доктор исторических наук М.И. Роднов

Игнатъев Р.Г.
И 26 Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период)
/ Ответственный редактор В.А. Лабузов; составитель
М.И. Роднов. Т. I: 1859–1866 годы. – Оренбург: Издательский
центр ОГАУ, 2011. – 230 с.

ISBN 978-5-88838-636-1

Впервые публикуется собрание сочинений известного историка-краеведа XIX в. Руфа Гавриловича Игнатъева, труды, созданные во время проживания его на Южном Урале (в Уфе, Оренбурге и др.) или напечатанные в местных изданиях. В собрание сочинений вошли все выявленные работы Р.Г. Игнатъева – газетные публикации (корреспонденции, статьи, заметки), материалы, опубликованные в научных, статистических сборниках, а также другие произведения. В первый том включены самые ранние труды, созданные Р.Г. Игнатъевым на Южном Урале с 1859 по 1866 гг. Кроме того, вошли работы, авторство которых предположительно принадлежит Р.Г. Игнатъеву, и отдельные его письма. Тексты Р.Г. Игнатъева приводятся в авторском, первоначальном варианте, с точным сохранением научно-справочного аппарата.

Для профессиональных историков, преподавателей, учителей, краеведов, всех интересующихся историей Южного Урала и сопредельных территорий.

УДК 947(470.56)
ББК 63.3(2)2p36-40P

ISBN 978-5-88838-636-1

© Роднов М.И., составление, 2011
© Издательский центр ОГАУ, 2011

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Известный среди южноуральских историков и краеведов исследователь XIX в. Руф Гаврилович Игнатьев (1818–1886) одновременно остаётся автором даже не десятков, а сотен совершенно неизвестных работ по истории, археологии, этнографии, народному образованию и православной церкви в крае. До сих пор не установлено общее количество трудов Р.Г. Игнатьева, нет исчерпывающей библиографии его публикаций, дореволюционные авторы говорили примерно о 500 сочинениях.

Нарастающий в современном российском обществе интерес к наследию так называемых провинциальных исторических школ сопровождается, с одной стороны, признанием значимости их научно-литературного богатства, но, с другой стороны, само их творчество представлено отдельными, отрывочными публикациями и недоступно широкому кругу читателей. Это объяснимо, так как историки-краеведы российской глубинки XIX в. печатались в самых разнообразных изданиях от центральной и местной прессы до всевозможных статистических сборников, адрес-календарей и справочных книжек. При отсутствии сети государственных библиотек и крайне редком формировании личных архивов это привело к тому, что уже через несколько десятилетий работы провинциальных историков и краеведов становились библиографической редкостью. Выявить и собрать подобный, рассеянный по различным, и тоже ставшим труднодоступными, изданиям XIX в. материал одного автора очень сложно. В современной историографии встречаются единичные примеры подобных исследовательских проектов¹.

Уже современники, краеведы, статистики и журналисты Оренбурга и Уфы конца XIX в. понимали значение научно-литературного наследия Р.Г. Игнатьева. Поминая ушедшего коллегу, секретарь Оренбургского губернского статистического комитета П.Н. Распопов 10 марта 1886 г. отметил, что «достойнейшим памятником деятельности Р.Г. [Игнатьева] на пользу приуральского края было бы издание общими силами местных статистических учреждений полного собрания его сочинений. Дело это, при разделении труда, вполне осуществимо, а выполнение его как нельзя более желательно, так как статьи покойного Р.Г., исполненные по большей части живого интереса, разбросаны по местным официальным изданиям и почти недоступны

¹ См., напр.: *Кузнецов А.П.* Этнографические очерки: Научное, литературное и публицистическое наследие. По материалам архивов и периодических изданий (XIX–XX вв.). Калуга, 2007.

для лиц, живущих за пределами исследованных им местностей. Сосредоточение же всего им написанного в одном издании дало бы возможность всякому интересующемуся историей, этнографией или статистикой юго-восточной окраины европейской России, найти много полезных указаний и навести, без особого труда, не одну дельную справку»¹. Но реализовать на практике подобный призыв было крайне сложно, и на протяжении XIX–XX вв. отдельные историки лишь пытались составить список основных трудов Р.Г. Игнатьева.

Дерзкий замысел собрать максимально возможное собрание сочинений Р.Г. Игнатьева и представляет этот проект. Он задумывался, «вызревал» давно, мы обсуждали его с составителем, М.И. Родновым, в течение ряда лет, и сейчас можно признаться, что сначала сами не представляли масштаба историко-культурного наследия многолетнего творчества Руфа Гавриловича. Постепенно, по крупицам собирали информацию о его публикациях, разыскивая одну за другой его статьи. Перед нами из океана забвения «всплывал» целый континент.

В чём же ценность трудов Р.Г. Игнатьева, скромного южно-уральского краеведа XIX в., имеет ли значение этот проект для современной исторической науки? С нашей точки зрения, несомненно. Помимо историографической важности, сочинения Р.Г. Игнатьева весьма актуальны. Хотя историческая наука за прошедшие полтора столетия далеко ушла вперёд и многое в его трудах устарело, уже не соответствует новейшим разработкам, современный исследователь обнаружит здесь немало ценной информации.

Руф Гаврилович Игнатьев – фактически один из первых профессиональных историков Южного Урала, сформировавшийся постепенно из краеведа-любителя. В его трудах есть аналитические описания социально-экономического положения городов и селений Южного Урала (Верхнеуральска и станицы Магнитной, Бирска и Миасского завода), народных обычаев и исторических преданий. Игнатьев записывал рассказы очевидцев даже пугачёвщины, он держал в руках православные святыни нашего края (Табынскую икону Божией Матери и др.) и проводил научное обследование старинных икон. Р.Г. Игнатьев работал с провинциальными (уездными) архивами в Верхнеуральске и Мензелинске и даже с архивными документами, хранившимися в сельских волостных правлениях. В его статьях сохранилась информация об источниках, увы, утерянных в ходе

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1886. 29 марта; Уфимские губернские ведомости. 1886. 5 апреля.

последующей нашей бурной истории. Он изучал ещё допетровские свитки уфимского архива, как раз при нём переданные в Москву (ныне находятся в РГАДА, и степень их сохранности пока не изучена). Наконец, Р.Г. Игнатъев – первый археолог Южного Урала, блестящий журналист, умевший ярко и образно дать характеристику школьному делу и экономике, состоянию православных храмов и обычаям горнозаводского населения или казаков.

Творчество Игнатъева настолько многогранно, что уже современники не знали всего объёма его историко-литературного наследия. Например, ни оренбургские или уфимские краеведы, ни московские археологи не представляли масштабов сделанного Игнатъевым в Великом Новгороде. Первый том собрания сочинений, мы не решаемся назвать наш проект «полным» собранием сочинений, так как вполне вероятно будут открыты новые, неизвестные труды Р.Г. Игнатъева, посвящён самому раннему периоду пребывания Руфа Гавриловича на южноуральской земле. В первый том вошли его статьи с 1859 по 1866 гг., многие из которых были не известны научному сообществу. Р.Г. Игнатъев в эти годы не очень много печатался, но проделал колоссальную работу по сбору исторического, археологического, этнографического материала, изучению местных источников. Именно в середине 1860-х гг. возшла «звезда» самого яркого историка-краеведа Южного Урала той эпохи. Сложно загадывать, что будет дальше, но в этом проекте мы постараемся претворить в жизнь призыв наших предшественников, оренбургских исследователей из далёкого 1886 г., об издании собрания сочинений Р.Г. Игнатъева.

В.А. Лабузов

НАЧАЛО НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ Р.Г. ИГНАТЬЕВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Ещё заметен след.
Ещё нас могут вспомнить.
(из Даниила Гранина)

Каждому историку и краеведу, любителю отечественной истории на Южном Урале, в Башкортостане, Оренбургской, Челябинской областях хорошо известно имя замечательного исследователя, историка-краеведа XIX столетия – Руфа Гавриловича Игнатьева (07.09.1818 – 2.01.1886). Ни одно издание энциклопедического характера не обходится без подробной статьи об этом человеке, оставившем огромное научное наследие, стоявшем у истоков исторических, археологических, этнографических исследований нашего края¹.

Биографию Р.Г. Игнатьева (хотя в литературе до сих пор нередко ошибки и разночтения) в общих чертах восстановил оренбургский историк Юрий Спиридонович Зобов. Р.Г. Игнатьев родился в 1818 г., происходил из мелкопоместных дворян Московской губернии, получил хорошее образование, окончив в Москве Лазаревский (армянский) институт восточных языков и Парижскую консерваторию. В 1837–1844 гг. служил на низших должностях в различных учреждениях Московской губернии (уволен по болезни). В 1847 г. поступает в Тверскую губернскую почтовую контору, а на следующий год назначается почтмейстером в одно из сёл Новгородской губернии, где служит семь лет. Новгородская карьера прервалась внезапно. В декабре 1854 г. за недостачу казённых денег Р.Г. Игнатьев был по суду лишён чина и отдан в солдаты. С ноября 1855 г. он служил рядовым в Оренбургском линейном полку, затем унтер-офицер. За «усердие к службе» в феврале 1858 г. Р.Г. Игнатьев был уволен в отставку (в 40 лет), но остался жить на Южном Урале².

В последние годы в отечественной историографии наблюдается бурный интерес к так называемой провинциальной исторической науке XIX – начала XX вв. Буквально во всех губерниях и областях Российской империи трудились краеведы, истори-

¹ См.: Хусаинова Г.Т. Игнатьев Руф Гаврилович // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 289; Она же. Игнатьев Руф Гаврилович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 3. З–К. Уфа, 2007. С. 127; Зобов Ю.С. Игнатьев Руф Гаврилович // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 140–141; Боже В.С., Виноградов Н.Б. Игнатьев Руф Гаврилович // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2004. С. 547; и мн. др.

² См.: Зобов Ю. Знаток древностей Башкирии // Сохраним выцветшие строки... Уфа, 1988. С. 125–127.

ки-любители, статистики и журналисты, священники и служащие, которые кропотливо собирали сведения о прошлом своего родного края, публиковали статьи в местной прессе, справочных и памятных книжках, иных изданиях. В советскую эпоху это колоссальное наследие было почти полностью забыто, вычеркнуто из историографии под предлогом, что это были малограмотные дилетанты, а не профессиональные исследователи. Но причиной долгого забвения было совсем другое. Провинциальные историки с любовью характеризовали обычаи своего края, их патриотические описания жизни народной коренным образом противоречили образу «мрачного царского режима», который усиленно создавала и пропагандировала советская историография. И лишь теперь из забвения к нам возвращаются имена и труды замечательных историков российской глубинки¹.

Одним из таких провинциальных историков и был Руф Гаврилович Игнатъев. Дворянские роды Игнатъевых относились к числу самых знаменитых, среди них были и графы, и лейб-компанцы, удостоенные дворянского титула за поддержку Елизаветы Петровны при восхождении её на престол, некоторые Игнатъевы приобрели дворянство выслугою².

«Руф Гаврилович происходил из дворян Московской губ., Бронницкого уезда; со смертью его род Бронницких дворян Игнатъевых прекратился»³. Его отец, Гавриил Кузьмич Игнатъев (1770 года рождения) происходил из разночинцев, дослужился до VIII чина коллежского асессора (ассесора), взял в жёны вдову Варвару Сергеевну (по первому мужу Навроцкую, урождённая

¹ *Орешина М.А.* Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. М., 2003; *Пашков А.М.* Карельские просветители и краеведы середины XIX – начала XX века // *Российская история.* 2009. № 3; *Раздорский Л.И.* Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916). Сводный каталог и указатель содержания. СПб., 2007; *Дудырев Ф.Ф.* Н.К. Чупин: фактология и фактологическая работа в историческом исследовании. Челябинск, 1998; *Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003; *Селиванов А.М.* Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII–XX вв.). Ярославль, 2005; *Первушкин В.И.* Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007; *Кузнецов А.П.* Этнографические очерки: Научное, литературное и публицистическое наследие. По материалам архивов и периодических изданий (XIX–XX вв.). Калуга, 2007; *Шупилов А.Д.* Русская провинциальная историография XIX – начала XX вв. Костромская школа. Кострома, 2007; *мн. др.*

² История русских родов (<http://www.russianfamily.ru/i/ignatyevi.html>).

³ Историческая записка о деятельности императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. Приложения. С. 303.

Запольская) с двумя сыновьями – Николаем и Сергеем Никаноровичами Навроцкими (они не были им усыновлены). Умер Г.К. Игнатьев 22 июля 1822 г. в возрасте 52 лет¹.

Руф был единственным ребёнком в этом браке, с детства воспитывался вместе с двумя сводными старшими братьями. Отец умер рано, а в конце (ноябре?) 1839 г. скончалась и мать, Варвара Сергеевна Игнатьева².

Трое братьев: штабс-капитан Н.Н. Навроцкий, коллежский ассесор С.Н. Навроцкий и писец 1-го разряда Р.Г. Игнатьев унаследовали два имения в Бронницком уезде Московской и Елабужском уезде Вятской губерний, билеты сохранный казны и разное движимое имущество. Среди бумаг матери находились документы на право владения двумя поместьями, описи этих имений, экипажам и лошадям, а также «святые иконы, дорогие шали т. п.» Кроме того, сыновьям перешли «билеты сохранный казны, данные на имя Игнатьевой 25 Ноября 1838 года за № 36316-м в 15 000 руб. и за уплатою в 3000 руб. таковой же билет на заложенные вещи в 150 руб. выданный Июля 1839 г. за № 3535 и два заёмных письма, писанные на имя Игнатьевой от гвардии поручицы Анны Чернишевой 28 февраля 1827 года в 3500 руб. и 2 октября 1822 года в 1200 руб.»³ Обращает внимание отсутствие упоминания среди унаследованного имущества какого-либо собственного дома в Москве, возможно Игнатьевы снимали жильё, или у них было поместье в Бронницком уезде (восточная часть Московской губернии). И отметим заёмные письма на имя В.С. Игнатьевой на взятые у неё, а не у мужа, в долг деньги в 1822 и 1827 гг. Супруг к этому моменту скончался.

Первое подмосковное, бронницкое имение было родовым поместьем дворян Игнатьевых, и, возможно, основную его часть унаследовал единственный из сводных братьев – Игнатьев Руф Гаврилович. А вот имение при деревне Баженовке (Самодуровка) Староятчинской волости Елабужского уезда Вятской губернии сначала «принадлежало помещику Петру Запольскому и перешло от него родной сестре – Варваре Сергеевой, бывшей в замужестве за Навроцким и Игнатьевым». Вятское имение унасле-

¹ Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. I. Дворянство жалованное и выслуженое. А–И / под ред. Л.М. Савелова. М., 1914. С. 659.

² Согласно закону в Московских и Петербургских ведомостях в декабре 1839 и январе 1840 гг. были опубликованы объявления о поиске наследников, но никто не объявился (я просмотрел номера «Московских ведомостей», но данного объявления не обнаружил, видимо, оно прилагалось на отдельном листе и не сохранилось в подшивке).

³ РГИА. Ф. 577. Оп. 9. Д. 13. Л. 25 и об., 26, 28 и об.

довали все три брата (у Руфа 50%). По крайней мере, известно, что Николаю Навроцкому от матери досталось 70 душ в Елабужском имении и всего 30 душ в Бронницком¹.

Старший из братьев, Николай, умер бездетным и, видимо, в браке не состоял. Второй – Сергей Никанорович Навроцкий – жил в Москве, в первом браке у него было трое детей: Павел, Варвара (умерла молодой) и Софья. Овдовел, вторая жена – Глафира Васильевна, дети во втором браке – Сергей и Михаил. С.Н. Навроцкий скончался к 1874 г., а его вдова вторично вышла замуж за коллежского ассесора Стефановского. Эти родственники Р.Г. Игнатъева – Г.В. Стефановская и четверо его сводных племянников – являлись совладельцами вятского имения. Более того, Р.Г. Игнатъев до совершеннолетия племянников был опекуном их доли в вятском имении (до 1883 г.), почему это имение и сохранилось, его нельзя было продать до совершеннолетия совладельцев. К 1883–1884 гг. Софья и Павел проживали в Санкт-Петербурге, а Сергей и Михаил с матерью – в Москве, Арбатская часть, 2 участок, в собственном доме². Руф Гаврилович поддерживал контакты с племянниками, переписывался с ними по поводу вятского имения, с общего согласия 19 августа 1884 г. был составлен выкупной акт на имение в Баженовке (5 дворовых, 156 крестьян, 152 ревизских души, 608 дес. удобной земли)³. Видимо, после кончины Руфа Гавриловича в 1886 г. всё его движимое имущество и самое главное, ценнейший архив, а он заботился о нём, оказавшись на Южном Урале туда же перевёз и новгородский архив, перешли к этим родственникам в Москве и Санкт-Петербурге (вероятно, часть игнатъевского архива осталась в Оренбурге).

«Воспитание Р.Г. [Игнатъев] получил в Москве, в Лазаревском Институте Восточных языков, а затем, музыкальное и отчасти сценическое, в Парижской консерватории, во время директорства знаменитого тогда композитора Галеви, от которого имел диплом»⁴. Основанное в 1814 г. (преподавание с 1815 г.) на средства богатейшего армянского купца Е.А. Лазарева, до 1835 г. Лазаревское училище представляло собой просто благородный пансион, затем получивший статус гимназии, и лишь с 1848 г. он был приравнен к университетам и лицеям. Принимались мальчики от 10 до 15 лет, в том числе русские. То есть Р.Г. Игнатъев мог поступить туда с 1828 по 1833 г. Училище (инсти-

¹ Там же. Л. 3 об., 5 об., 33.

² Там же. Л. 29 об., 32, 40 об. и др.

³ Там же. Л. 10, 13 об., 47 об.

⁴ Историческая записка о деятельности императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования. Приложения. С. 303.

тут) отличалось достаточно высоким уровнем преподавания, в числе предметов были и восточные (в основном кавказские) языки. Среди его учеников целая плеяда выдающихся людей России (сейчас в здании Лазаревского института, Армянский пер., 2, находится посольство Республики Армении) – И. Тургенев, граф М. Лорис-Меликов, И. Делянов и др.¹ Видимо для московских дворян Игнатъевых было принято отправлять туда детей. Среди своекоштных воспитанников института (до 1855 г.) встречаем имена Николая, Александра, Дмитрия Игнатъевых². Руф не упоминается (но в книге нет полного списка воспитанников).

Ещё при жизни матери, в 1837 г. Р.Г. Игнатъев поступает на службу, но, можно догадаться, у молодого (двадцатилетнего) одарённого человека, поклонника истории и музыки были другие приоритеты. Ну, а когда у братьев оказалось неплохое наследство?!.. Руф Игнатъев обладал музыкальными способностями, биографы упоминают о его учёбе в Парижской консерватории у знаменитого композитора Ф.Ж. Галеви (1799–1862, среди учеников Ш. Гуно, Ж. Бизе, К. Сен-Санс). Возможно, пребывание в Париже приходится на 1840-е гг.

Именно в это время Руф Игнатъев испытывает денежные затруднения, активно берёт в долг (как и брат Николай), при этом по некоторым обязательствам не может расплатиться. В декабре 1842 г. коллежский регистратор Р.Г. Игнатъев заключил соглашение с отставным поручиком И.И. Шаповым о продаже тому своих имений при деревне Сучкино Варнавинского уезда, деревне Степино Галичского уезда обе Костромской губернии (откуда они у него появились, неизвестно), а также при деревне Костино Бронницкого уезда Московской губернии. За это экспоручик «с своей стороны обязался выплатить за Игнатъева разным лицам долги» в размере 4819 руб. 69 коп. Шапов внёс деньги, но Р.Г. Игнатъев поместья не продал, и тот подал жалобу. В 1843 г. Р.Г. Игнатъев берёт в долг у майорши Ф.И. Хвостиковой (возможно в Бронницком уезде) около 143 руб., в 1845 г. – 1300 рублей серебром у майора К.И. Осташевского (в Москве)³.

¹ См.: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт восточных языков. (Исторический очерк). М., 1959; *Он же.* Над архивом Лазаревых: (Очерки). М., 1982; ресурсы Интернета.

² *Зиновьев А.* Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 31, 112, 117.

³ РГИА. Ф. 577. Оп. 9. Д. 13. Л. 6–7. По сведениям Вятской Дворянской Опекы на губернском секретаре Р.Г. Игнатъеве числились долги Шапову (3971,64 руб.), Осташевскому (1300 руб.), Хвостиковой (342,84 руб.), а также московскому мещанину А.А. Казакову (131,5 руб.), новгородской ме-

Судя по всему, к 1847 г. Р.Г. Игнатъев лишился и своего бронницкого имения и других источников существования (кроме вятской деревушки), пришлось снова идти на службу. Так в 1848 г. он стал почтмейстером в одном из селений Новгородской губернии. И здесь одарённый 30-летний человек вдруг оказался в своей стихии. Древняя новгородская земля, буквально нашпигованная историческими памятниками (до прихода большевиков и немцев было ещё очень далеко), вызвала огромный интерес Р.Г. Игнатъева, он с головой погрузился в новгородскую старину, а хорошее образование, изящный литературный стиль, огромное трудолюбие и чутьё исследователя быстро привели к появлению результата в виде историко-краеведческих трудов. Руф Игнатъев нашёл своё призвание.

В Новгороде выходила неплохая газета – губернские ведомости (редактора неофициальной части не было), где встречались и художественные произведения, и, что естественно для этого региона, исторические материалы, хотя доминировали перепечатки, в том числе из «Оренбургских губернских ведомостей» (№ 24 за 1848 г., № 9 за 1849 г., а в № 20 от 14 мая 1849 г. новгородский читатель познакомился с творчеством уфимца В. Зефирова). Вот в этой газете в № 16 за 16 апреля 1849 г. впервые выходит работа Руфа Игнатъева «Мшага» (возможно, это перепечатка из другого издания) о ямской станции в 60 верстах от Новгорода на пути в Псков. Через пару месяцев появляется продолжение – «Ещё о Мшаге» Руфа Игнатъева¹, затем такая же большая статья «Краткое известие о крестных ходах и некоторых церковных обрядах, бывших в Великом Новгороде до XVIII века»², а потом на читателя обрушиваются подряд три из знаменитых в будущем игнатъевских сериалов «Церковь Рождества Богородицы, что на Молоткове в Новгороде»³, «Осада Нов-

щанке Г. Слемзиной (108 руб.) и коллежскому секретарю А. Иванову (200 руб). На 1884 г. «означенные долговые претензии кредиторов, числившиеся на Руфе Гаврилове Игнатъеве, все сполна удовлетворены деньгами, вырученными с доходов имения, состоящего при деревне Баженовке» (Там же. Л. 45 и об.). То есть доход с единственного оставшегося имения, которое из-за совладения с несовершеннолетними племянниками продать было нельзя, а крестьяне Баженовки по выкупному акту обязывались вносить оброк в 1216 руб. в год (Там же. Л. 47 об.), и был единственным стабильным поступлением денег для Р.Г. Игнатъева, из которых он выплатил долги своей молодости, да и, видимо, сам существовал, так как человек он был, по воспоминаниям, совершенно непрактичным, «без средств».

¹ Новгородские губернские ведомости. 1849. 18 июня (здесь и далее везде часть неофициальная).

² Там же. 6 августа.

³ Там же. 16, 25 июля, 13 августа.

города в 1170 году»¹ и «Новгородский Саввин-Вишерский общежительный монастырь»². Все очень большие по объёму.

В отдельных номерах печатаются сразу по две игнатъевские работы. Он в одиночку заполняет неофициальную часть новгородских «ведомостей», которые резко увеличиваются в объёме. Руф Игнатъев – главный автор газеты. Причём сразу определяется «специализация» Р.Г. Игнатъева – в первую очередь история православной церкви и поиск уникальных документов прошлого. Последние месяцы 1849 г. новгородский читатель почти в каждом номере встречал фамилию вчера ещё безвестного почтмейстера. Он издаёт «Рукопись старицы игуменьи Марии, урождённой княжны Одоевской», причём, «по желанию некоторых из читателей», с продолжением³. Затем, после большой статьи «Краткое историческое описание Новгородского Десятинного девичьего монастыря» в № 45 за 5 ноября, Руф Игнатъев, а именно так по преимуществу подписывал он свои работы, год завершил новым сериалом «О древнем ямском учреждении в России»⁴. Почтмейстер не забыл свою основную специальность и изучил ямщицкую историю.

После такого блистательного, ошеломительного дебюта, а никто из авторов «Новгородских губернских ведомостей» даже близко не мог с ним сравниться по объёму (и качеству) публикаций, следующий 1850-й год стал апофеозом игнатъевского творчества. Открыв годовую подшивку юбилейной и как всегда не маленькой статьёй «1 января 1700 года»⁵, тогда исполнилось 150 лет переходу России на новое летоисчисление, Руф Игнатъев выпускает один объёмный многосерийный материал за другим: «Краткое историческое описание Новгородского детинца или крепости»⁶ в пяти номерах, «Древние памятники Новгородского детинца»⁷ в шести, «Андрей Георгиевич Боголюбский, великий князь Суздальский»⁸ всего в четырёх. А между этими сериалами публикуются «Материал для истории патриарха Никона» (издал

¹ Там же. 3, 10, 17 сентября, 1 октября.

² Там же. 10, 17, 24 сентября, 1 октября.

³ Там же. 8, 15 октября, 19 ноября. Заинтересованный этим материалом князь Владимир Фёдорович Одоевский (1803–1869), известный писатель, философ, педагог, музыковед, вступил в переписку с Р.Г. Игнатъевым, который сообщил ему сведения по истории рода Одоевских, а в ответ просил предложить его статьи редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» (ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 544. Л. 1–2).

⁴ Новгородские губернские ведомости. 1849. 26 ноября, 3, 10, 17 декабря.

⁵ Там же. 1850. 7 января.

⁶ Там же. 14, 21, 28 января, 18 февраля, 11 марта.

⁷ Там же. 25 марта, 1, 8, апреля, 6 мая, 3, 10, 24 июня.

⁸ Там же. 9, 23 сентября, 7, 14 октября.

Руф Игнатъев), «Сказание о побоище православного христолюбивого воинства со зловерными немцы и литвой, на Усть реце идеже весь белая» (то же), «Грамота царя Василия Иоанновича Шуйского, данная в 1609 году Устюжской приходской Крестовоздвиженской церкви, о пожаловании денежной и хлебной руги, да о местной праздничной свече», «Сказание о блаженном преставлении великого государя, царя и великого князя Бориса Феодоровича Всея России», «Выпись из окладных и дозорных книг Новгородского Дворцового Приказа, данная в 1694 году бывшему Воскресенскому девичьему монастырю на землю и угодья» (издал Р. Игнатъев) и такая же публикация документов: «Грамота Царя Михаила Феодоровича, данная в 1613 году торговым людям гостиной сотни на освобождение их от разных податей и повинностей, за их верность и Московское осадное сидение в войну с Польшею»¹. Всего из 52 номеров в 1850 г. в 22-х выходили в основном весьма объёмные статьи Р.Г. Игнатъева, почти в каждом втором. В том же 1850 г. издаётся его брошюра о достопримечательностях Новгорода Великого², созданная по следам газетных публикаций.

Видимо, в 1850 г. Р.Г. Игнатъев начал сотрудничать с Императорским археологическим обществом. Предметом тогдашней археологии в том числе являлась церковная «археология», то есть изучение истории православных храмов, редкой утвари и т. д. Вероятно, сначала «Р.Г. Игнатъев препроводил в Общество в 1850 г. рисунки с древних вещей, сохранившихся в Старой Руссе, предлагал Обществу свои услуги по описанию и снятию рисунков с уцелевших в Новгородской губернии различных древних предметов (утвари, украшений и т. п.) и просил оказать ему пособие для найма рисовальщика. Общество признало полезным подобное предприятие, так как вышеупомянутые предметы особенно часто подвергаются истреблению и поступают в лом, и определило Игнатъеву на первое время 50 рублей для зарисовки по преимуществу тех древностей, которым угрожает порча или разрушение (заседание 13 ноября 1850 г.)»³.

На заседании археологического общества 16 мая 1850 г. секретарь П.С. Савельев среди материалов для готовившегося «собрания русских надписей» представил и данные Р.Г. Игнатъева, который «сообщил надписи, собранные им в Новгородской

¹ Там же. 18 марта, 10 июня, 15 июля, 12 августа, 16 сентября, 23 декабря.

² *Игнатъев Р.Г.* Указатель к обозрению святыни, древностей и достопримечательностей г. Новгорода и его окрестностей. Новгород, 1850.

³ История императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896 / Сост. Н.И. Веселовский. СПб., 1900. С. 246.

губернии, а именно в сёлах Должине, Быстрый Берег и Борках, в подцерковьях Николаевского собора и церкви св. Георгия в Новгороде, под церковью Рождества Богородицы новгородского Десятинного девичьего монастыря и под церковью св. Симеона Богоприимца, в Зверине девичьем монастыре»¹. Материалы Р.Г. Игнатъева также были представлены на заседаниях археологического общества 13 ноября 1850 г. («список древних надписей, снятых им в церквах города Старой-Руссы и в седьмом и осьмом округах военных поселений, равно как несколько снимков с древних вещей») и 11 декабря («списки надписей, сохранившихся в Успенской церкви села Волотова, в Саввине-Вишерском монастыре, в Николаевской церкви села Белой Горы и в церквах старорусского уезда») ². Правда, качество игнатъевских копий оказалось неудовлетворительным³. В 1850 г. также Руф Гаврилович подарил в музей археологического общества один ревельский шиллинг⁴. В течение 1850 г. Р. Игнатъев много ездит по Новгородской губернии, он вообще был очень мобильный человек, и постепенно краевед-любитель набирается опыта, повышает свою квалификацию.

В следующем году в жизни Р.Г. Игнатъева наступил новый

¹ Там же. С. 275; Новгородские губернские ведомости. 1851. 15 января. «Представляя эти надписи, Игнатъев сообщал, что на многих предметах (на старинном оружии, доспехах, колоколах, металлических изделиях, рукописях и т. п.) встречаются надписи на иностранных языках: греческом, латинском, немецком, шведском, итальянском и на восточных. При этом Игнатъев предлагал Обществу и снятые им надписи на иностранных языках с предметов в Новгородской губернии. Общество отнеслось к этому предложению очень сочувственно и постановило для собирания таковых надписей в других губерниях пригласить занимающихся отечественною стариною особым объявлением в газетах (заседание 8 января 1851 г.)» – *примечание Н.И. Веселовского*.

² Новгородские губернские ведомости. 1851. 28 апреля.

³ «Но большинство подобных сообщений показало, что, за отсутствием научно подготовленных сотрудников, не настало ещё время для осуществления грандиозных планов отделения, не считая того, что крупные предприятия вызывали и крупные расходы, тогда недоступные для Общества. Доставленный материал во многих случаях оказывался неудовлетворительным и требовал дополнений или исправлений, на чём в особенности настаивал Савельев. Так, член-корреспон. И.К. Куприянов, на которого отделение возложило проверку на месте новгородских надписей, списанных Р.Г. Игнатъевым, возвращая их обратно в Общество, заявил, что они списаны неверно и что он успел проверить только часть их (заседание 28 ноября 1858 г.). Точно также надписи с сосудов и различных предметов при сличении с подлинниками оказались неточными» (История императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. С. 276).

⁴ Там же. С. 327.

этап. Возглавивший в 1851 г. край генерал-майор Ф.А. Бурачков, военный губернатор Новгорода и Новгородский гражданский губернатор (служил до 1853 г.), интересовался историей и поручает скромному почтмейстеру амбициозный проект обследовать все археологические (уже в обычном понимании) памятники огромной Новгородской губернии, в состав которой входила тогда западная часть современной Вологодской области с Череповцом и Белозёрском. По сведениям новгородского историка Е.В. Тороповой, которая специально отмечала вклад Р.Г. Игнатьева в своих статьях¹, «в середине XIX века было положено начало созданию полноценного фонда данных по памятникам археологии Новгородской области. Первая археологическая карта Новгородской губернии была составлена в начале 50-х гг. XIX в. по инициативе новгородского губернатора Ф.А. Бурачкова внештатным сотрудником Новгородских губернских ведомостей Р.Г. Игнатьевым. Она включала сведения о 209 памятниках археологии, что составляет около 10,5% памятников, известных в настоящее время (современный каталог содержит 2003 наименования). В сводке были представлены следующие категории: курганные древности, городища, жальничные могильники, монастырища и городское поселение – культурный слой»².

Видимо, поэтому первая большая публикация Р.Г. Игнатьева в «новгородских ведомостях» появилась лишь в середине 1851 г. – «Краткое историческо-археологическое описание Новгородской Спас-Нередицкой церкви»³. Читатели даже стали волноваться, где же их самый активный автор, и в № 38 за 22 сентября в газете опубликовали специальное обращение от редакции с программой неофициальной части на октябрь – декабрь. Сообщалось, что «будут помещены следующие статьи: 1) Материалы для истории русского иконописания до конца XVII века⁴; 2) Юридическое право Новгородского Софийского Собора; 3) Исследование о курганах и городищах Новгородского, Демян-

¹ Торопова Е.В. Из истории археологического изучения Новгородской земли (Руф Гаврилович Игнатьев, 1819–1886) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции (Новгород, 26–28 января 1999 г.) Новгород, 1999. Вып. 13. С. 337–342; Она же. Большой знаток новгородских древностей // Чело. 1999. № 2. С. 75–77.

² Торопова Е.В. Памятники археологии Новгородской области: история изучения (XVIII – начало XX в.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 11. С трудами Е.В. Тороповой удалось ознакомиться благодаря помощи известного уфимского историка и археолога В.А. Иванова.

³ Новгородские губернские ведомости. 1851. 21, 28 июля.

⁴ «Начало этой статьи помещено уже в 32 № Губернских Ведомостей». Работа «Материалы для истории русского иконописания до конца XVII века» выходила в номерах за 11 августа, 13, 20 октября, 3 ноября 1851 г.

ского уездов; 4) Церковь Рождества Христова на полях, – или могила Князей Долгоруких в г. Новгороде; 5) Город Старая-Русса и памятники её древностей.

Все эти статьи принадлежат Р.Г. Игнатьеву, известному трудами своими по части отечественных древностей. Сверх того будут издаваемы древние, неизвестные акты: грамоты, окружные послания и др., находящиеся в разных здешних библиотеках, открытых для Г. Игнатьева с разрешения духовного Начальства. Также помещаемы будут известия статистические, и проч. При некоторых статьях будут приложены необходимые для пояснения чертежи, рисунки и *fac simile*.

Редакция Новгородских Ведомостей считает обязанностью объявить здесь о таком содержании своего издания, в полной уверенности, что просвещённые и любознательные читатели всего полезного будут благодарны за предуведомление, тем более, что статьи Г. Игнатьева, по части отечественных древностей заслужили одобрение». Объявление перепечатывалось ещё несколько раз, и хотя не всё обещанное было исполнено, сам факт персонального выделения Р.Г. Игнатьева как основного автора свидетельствует о большом авторитете, заработанном Руфом Гавриловичем среди новгородской «просвещённой» публики.

Тем не менее, видимо, основными в его научной деятельности оставались археологические исследования, связанные с постоянными разъездами по бескрайней новгородской земле. В конце 1851 г. Р.Г. Игнатьев успел подготовить и разместить в газете всего две своих работы: «Краткое известие о ярмарках Новгородской губернии» и «Сельские школы Новгородской губернии. В селениях Померанье и Чудове»¹. Руф Гаврилович обратился к современности, что потом ему очень пригодится.

Хотя в программе «новгородских ведомостей» на следующий 1852 г. указывалось, что будут публиковаться статьи Р. Игнатьева, он продолжал сбор археологического материала, почему доминировали издания документов. Выпустив сначала работу «Церковь Рождества Христова на кладбище»², Руф Гаврилович публикует целую подборку документов: «Грамота Царя Петра Алексеевича, 1698 года, данная Белозёрскому Ферапонтову монастырю, на владение корелами, и чтобы последние строго повиновались монастырским властям», «Грамота Преосвященного Симеона, Архиепископа Вологодского и Белозёрского, Ферапонтову монастырю о богомолбствии за успешное поимание вора

¹ Новгородские губернские ведомости. 1851. 29 сентября, 8 декабря.

² Там же. 1852. 2 февраля, 10 мая.

Стеньки Разина», «Грамота Преосвященного Варлаама Митрополита Ростовского и Ярославского 1629 года Ферапонтову монастырю о церковном чинослужении», «Опись Царских и других вкладов Ферапонтова монастыря», «Духовная грамота Святого Кирилла, Игумена Белозёрского, коею он благословляет Удельного Князя Андрея Дмитриевича, жену и детей его и просит не оставлять созданного им монастыря и иметь за ним наблюдение», «Подорожная грамота XVII века», «Несколько слов о вкладных записях и синодиках»¹.

Затем выходит обещанная очень большая работа Р. Игнатъева «Город Старая Русса и памятники её древностей»², после печатается такая же крупная игнатъевская статья «Церковь святого блаженного Николая-Кочанова в Новгороде»³, которая через два года выйдет отдельной книжкой⁴. Более того, хотя в самой газете (неофициальной части) редактор не указывался, Руф Гаврилович в письме к А.А. Краевскому от 16 ноября 1852 г. прямо называет себя редактором неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей»⁵. Видимо, фактически неофициальную часть газеты комплектовал и редактировал именно Р.Г. Игнатъев. В выходившем в Петербурге «вестнике» географического общества также встречаем: «Новгородские губернские ведомости» (редактор Р. Игнатъев)⁶, возможно, в соседнем городе знали реальную ситуацию в новгородской прессе.

В конце года выходят ещё две его работы: «Торжество восьмисотлетия Новгородского Софийского собора (Из Санктпетербургских ведомостей)» и «Местная хроника. г. Устюжна»⁷. А в номере 45 за 8 ноября 1852 г. публикуется объявление «О предполагаемом описании городищ и древних курганов Новгородской губернии», упорный труд по составлению первого в истории свода археологических памятников подходил к концу. В объявлении отмечалось, что «редакция Новгородских Губернских Ведомостей, по воле Губернского Начальства, предприняла труд сделать подробное описание древних городищ и курганов,

¹ Там же. 17, 24, 31 мая, 28 июня, 20 декабря.

² Там же. 7, 14, 21 июня.

³ Там же. 4, 11 октября.

⁴ *Игнатъев Р.Г.* Церковь святого блаженного Николая Качанова в Новгороде. Новгород, 1854; То же. 2-е изд., исправленное и дополненное священником И. Валдайским. Новгород, 1865 (3-е изд.: 1882).

⁵ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 396. Л. 1.

⁶ *Геннади Г.Н.* Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещённых в губернских ведомостях 1854 года // Вестник императорского русского географического общества. 1855. Ч. 14. [Кн. 3]. СПб., 1855. С. 19.

⁷ Новгородские губернские ведомости. 1852. 8, 29 ноября.

находящихся в большом числе в Новгородской губернии, с обстоятельным объяснением их наружного вида, величины, места их нахождения... Описание это, по собрании обстоятельных сведений, принимает на себя сотрудник Губернских Ведомостей Р.Г. Игнатъев» и скоро материалы будут опубликованы.

Очередной, 1853-й, год Руф Гаврилович встречал с оптимизмом. В газете один за одним выходят его труды: «Новгородские празднички. (Местный очерк, ст. Р.Г. Игнатъева)» – яркий этнографический материал со стихами, затем его же сообщение «Могила девицы Лупаловой, известной под именем Параши Сибирячки» и даже первое художественное произведение «Великий Новгород (Отрывок из неизданной повести Р.Г. Игнатъева)»¹. Обильный накопленный исторический и этнографический материал побуждал беспокойную натуру Р. Игнатъева обратиться к художественному творчеству. И, наконец, читатель видит давно обещанный археологический материал: выходит очень большая работа «Курганы Новгородской губернии. Белозёрский уезд. Статья 1», составлено Р.Г. Игнатъевым². Обратим внимание, что Р. Игнатъев назвал себя составителем, видимо, в этой работе присутствуют сведения, предоставленные местными краеведами, а не только результат поездок Руфа Гавриловича.

Но тут в газете наступили большие перемены. С № 5 от 31 января в конце неофициальной части появилась небольшая подпись – «редактор Кулжинский», затем А. Кулжинский. На смену фактическому, но неофициальному редактору неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» Р.Г. Игнатъеву губернатор Бурачков предпочёл поставить другого – А. Кулжинского. Сначала, видимо, взаимоотношения двух газетчиков были в пределах нормы, Игнатъев много печатается, но с марта 1853 г. Руф Гаврилович полностью исчезает со страниц ставшей уже своей газеты. Более того, в № 34 за 22 августа выходит продолжение «Курганы Новгородской губернии. Статья 3» за подписью «ред.», которым являлся А. Кулжинский. Ответ на эту коллизию находим в работе Е.В. Тороповой.

Новгородский историк отмечает, что «в историографии XIX–XX вв., к сожалению, имя Р.Г. Игнатъева оказалось фактически забытым, в то время как материалы, собранные им, послужили основой для дальнейших исследований, составления последующих сводов памятников, создания первых обобщающих работ по истории и археологии Новгородской земли (А.С. Уваров, А.А. Спицын и др.).

¹ Там же. 1853. 31 января, 7, 14, 21 февраля.

² Там же. 14, 21 марта.

В 1861 году выходит сводная статья о курганах и городищах Новгородской губернии за подписью члена новгородского статистического комитета А.И. Кулжинского. Трудно найти современную научную статью, в историографической части которой нет ссылок на этого автора. Сопоставление текстов статей А.И. Кулжинского¹ с содержанием работ Р.Г. Игнатьева показывает, что они фактически идентичны, в них совпадает даже пунктуация. Из вышеизложенного следует, что А.И. Кулжинский предоставил в Русское археологическое общество под своим именем статью, содержание которой более чем на 90% совпадает с опубликованными материалами Р.Г. Игнатьева. В настоящее время не обнаружено никаких документов, позволяющих убедительно доказать, что А.И. Кулжинский совместно с Р.Г. Игнатьевым в начале 50-х гг. XIX в. занимался составлением археологической карты Новгородской губернии, что позволило бы объяснить столь значительные заимствования. Вопрос о его возможном соавторстве остаётся открытым»².

А.И. Кулжинский был редактором неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» по № 41 от 10 октября 1853 г., со следующего номера редактора в газете нет, хотя именно за подписью «ред.» 5 декабря выходит археологическое продолжение «Курганы Новгородской губернии. Статья 4» (также как следующие статьи 5 и 6)³. Но, самое главное, Р.Г. Игнатьев вновь допущен на страницы любимой газеты. И осенью 1854 г. новгородский читатель опять видит несколько игнатьевских работ: «Семёнов день и празднование нового лета в Новгороде, в XVII веке», «Где был чудный дом Марфы Посадницы», «О обновлении Николаевского Дворицкого собора»⁴, а в номере 44 за 30 октября 1854 г. выходит последняя работа Руфа Гавриловича Игнатьева в новгородской прессе – большая статья «Бронницы». И всё. Далее арест за недостачу казённых денег и отдача в рекруты. Успев передать кому-то на хранение свой новгородский архив, Р.Г. Игнатьев по этапу отправляется в далёкую Уфу, где квартировал 10-й Оренбургский линейный батальон, затем он будет переведён в батальон № 2 того же Оренбургского полка⁵, располагавшийся на пограничной линии.

¹ См. также: *Кулжинский А.И.* Известия о курганах и городищах. VII. Курганы Новгородской губернии. [СПб.], 1860.

² *Торопова Е.В.* Памятники археологии Новгородской области. С. 11.

³ Любопытно, но в указателе Г.Н. Геннади статьи 5 и 6 «Курганы Новгородской губернии» за 1854 г. отмечены под авторством Р. Игнатьева (*Геннади Г.Н.* Указ. соч. С. 19).

⁴ Новгородские губернские ведомости. 1854. 4, 18 сентября, 2 октября.

⁵ См.: *Зобов Ю.С.* Игнатьев Руф Гаврилович. С. 140–141.

На Южный Урал прибыл квалифицированный, сложившийся исследователь, историк-краевед, за плечами которого десятки подготовленных работ (статей), пара книжек, фактическое редактирование губернских ведомостей, опыт проведения археологического обследования в масштабах огромной губернии, а также статистико-экономических и этнографических описаний. В новгородский период сложилась и основная «специализация» Р.Г. Игнатьева – история православной церкви, допетровская Русь, публикация исторических документов, большой интерес к археологии. Его отличали хорошее знание исторической литературы, умение работать с источниками в архивах и библиотеках, проводить полевые, экспедиционные исследования, Р. Игнатьев никогда не был «кабинетным» учёным, всегда много путешествовал, собирал материал на местах.

В рекрутах Руф Гаврилович оказался на взлёте своей карьеры. В «Отечественных записках» готовились издавать его труды, он приобрёл известность в научном мире¹, а в Новгороде вообще был не просто ведущим, а практически единственным серьёзным историком. Мною просмотрена вся подшивка «Новгородских губернских ведомостей» за 1865 г., после ухода Р.Г. Игнатьева газета стала тусклой, состоящей почти из одних перепечаток, никто так и не занял его место. Если бы не жестокие повороты судьбы, Р.Г. Игнатьев вошёл бы в ряды крупнейших российских историков второй половины XIX в. Теперь же за всё приходилось браться сначала. Краевед оказался в совершенно другом регионе, в ином мире. После тысячелетней новгородской историографии, начинавшейся ещё с летописей, которую ни один историк России не мог миновать, Р. Игнатьев попал в окраинную губернию, где, кроме уже ставших редкостью трудов П.И. Рычкова, других исторических работ почти и не было. Ему пришлось заново изучать историю нового края, начинать практически с нуля. Но Руф Гаврилович был сильной личностью.

После «демобилизации» в 1858 г. он остаётся жить на Южном Урале, обосновавшись в Зауралье. 2 апреля 1861 г. из села Тунгатарово Р. Игнатьев отправляет статью в Москву, а в ноябре 1862 г. Игнатьев сообщает свой постоянный адрес: Оренбургская губерния, станция Тунгатарово, Ильтабановские золотые про-

¹ Авторская «плодовитость» Р.Г. Игнатьева была замечена столичной пресой и его труды включались в указатели того времени, см. напр.: *Геннадий Г.* Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещённых в Губернских Ведомостях 1851 года // Вестник императорского русского географического общества / под ред. В.А. Милютина. 1852. Ч. 5, кн. 1. СПб., 1852. IV. Библиография. С. 29–30.

мысли генерал-лейтенанта Жемчужникова и К^о¹. Большая башкирская деревня Тунгатарово – центр одноимённой волости Троицкого уезда (совр. Учалинский район РБ) – находилась в одном из основных районов золотодобычи. Скорее всего, Р.Г. Игнатъев проживал там в летние месяцы, в период «золотого промысла», а зимой, когда работы на приисках прекращались, находился в Верхнеуральске, ряд его статей прямо свидетельствует, что он очень хорошо изучил этот город. В работе Р.Г. Игнатъева о Верхнеуральске (№ 24) приведены его наблюдения за климатом с 1859 по 1863 гг., в том числе сведения о замерзании речек, протекавших через город Верхнеуральск. Это свидетельствует о проживании его именно здесь. Из публикаций Р. Игнатъева также очевидно, что его служба в компании Жемчужникова была связана с постоянными разъездами (в Мензелинск на ярмарку, в Уфу, Оренбург и т. д.).

Но краевед-историк не оставляет попыток вернуться к научно-исследовательской деятельности, к своей любимой истории, хотя осуществить на практике это было нелегко. Примерно первые пять лет пребывания Руфа Гавриловича на Южном Урале стали периодом интенсивного, напряжённого труда по изучению истории совершенно неизвестного ранее региона, Р. Игнатъев знакомится со скудной литературой, внимательно изучает единственную местную газету «Оренбургские губернские ведомости», издававшуюся в Уфе, начинает работать в архивах Уфы, Верхнеуральска, Мензелинска, собирает народный фольклор, предпринимает попытки первых археологических исследований. Эти годы (1859–1865) были временем интенсивного накопления знаний, Р.Г. Игнатъев понимал, что только овладение местными источниками даст ему шанс вернуться к любимой работе.

Тем более, что в отличие от Новгорода, здесь и не было особых возможностей для самореализации. В единственной здешней газете «Оренбургские губернские ведомости» Р. Игнатъев уже в 1859 г. поместил свою первую статью о церкви Александра Невского в Уфе, но это обычное описание храма, рядом с которым находились батальонные казармы, где провёл ряд лет Руф Гаврилович, и немного истории. Следующая заметка Игнатъева в этой газете появится лишь через пять лет, в 1864 г. Видимо, сказались как географическая удалённость его проживания, или негативная репутация недавно освобождённого человека, но, самое главное, с моей точки зрения, ему просто нечего было предложить, Руф Гаврилович ещё не владел материалом. А его публикация в газете «Русский дневник» о Чортовом городище в

¹ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 396. Л. 4 об.

1859 г. показывает поверхностные познания Р. Игнатьева в местной истории. Что годилось столичной публике, то для знающего местного читателя являлось прописными истинами.

Р.Г. Игнатьев из своего верхнеуральского захолустья тем не менее внимательно следил за прессой и обратил внимание на проект, который затеял известный русский писатель П.И. Мельников (Печерский). Он в Санкт-Петербурге организовал издание газеты «Русский дневник», где стремился максимально широко показать жизнь российской провинции, сообщений из-за границы там вообще не было. Почти в каждом номере размещались обширные статьи о жизни российской глубинки. Из Оренбургской губернии регулярно появлялись краткие заметки – перепечатки из местных «ведомостей», но встречались и серьёзные корреспонденции: Ф. Лазаревского «Очерки киргизов Оренбургского ведомства» в № 14, М. К-шева «Мензелинская ярмарка в 1859 году» (№ 54) и о золотопромышленности (№ 69), Г. О. о начале пароходства на Белой (№ 90), анонимная статья «Мусульманские философы» в оренбургских степях (№ 134) и др. Вероятно, Р.Г. Игнатьев оценил идею редактора П. Мельникова – показать провинциальную жизнь и представил свой повествовательный материал на историческую тему о Чортовом городище под Уфой¹. Статья вышла в номере 132 за 23 июня 1859 г., то есть, наверняка, была отправлена Р.Г. Игнатьевым примерно в начале 1859 г., а освободился от солдатской службы Руф Гаврилович в феврале 1858 г. Работа о Чортовом городище содержит довольно обширный научно-справочный аппарат, свидетельствует, что Игнатьев весьма подробно ознакомился с литературой, опрашивал местных жителей, осматривал само городище. Возможно, во время службы (как музыкант) он имел возможность изучать уфимские достопримечательности, работать с литературой. Но дальнейшего сотрудничества с газетой «Русский дневник» не получилось. Через девять номеров, 5 июля 1859 г. редактор П. Мельников объявил о прекращении издания из-за нехватки средств. Благородная идея показа жизни русской провинции не встретила массовой подписки со стороны читателей.

Мой поиск самых ранних южноуральских публикаций Р.Г. Игнатьева во многом обязан замечательной работе казанского историка Людмилы Павловны Бурмистровой, ещё в 1968 г. защитившей кандидатскую диссертацию о губернских ведо-

¹ По всей видимости, это единственная публикация Р.Г. Игнатьева в этой газете, хотя в № 99 за 13 мая вышла статья «Книжная торговля в провинции» за подписью И. Р. Анализ текста не даёт никакой информации об авторстве статьи.

мостях¹, а в 1985 г. вышла её книга², в которой уфимская пресса хотя и не являлась главным объектом изучения, но автор сумела разыскать ряд ценных свидетельств, по «следам» которых удалось восстановить список статей Игнатьева.

В 1860 г. Руф Гаврилович неожиданно обращается в, казалось бы, совершенно неподходящее издание, выходявшее в Санкт-Петербурге. «Иллюстрация, всемирное обозрение с 1000 рисунков, планов, карт и прочее в год» представляло собой заполненный обильными рисунками журнал (или газету) с рассказами об Африке и Италии, далёких островах и европейских войнах, здесь были стихи, художественные произведения, публицистика и очень редко мелькали заметки из российской глубинки. Вот в это издание Р.Г. Игнатьев и представил свою статью «Вопрос о преобразовании губернских ведомостей», которая была опубликована в № 146 за 24 ноября 1860 г. (стр. 326–327). И это был совершенно верный и удачный ход. В стране готовились Великие реформы, и проблема свободной печати, цензуры, гласности являлась одной из самых актуальных. Статью Р.Г. Игнатьева заметила большая пресса и даже цензура, устроившая взбучку редакции. Хотя Л.П. Бурмистрова в духе советской эпохи подала эту ситуацию в известном ракурсе, что якобы «мысли Игнатьева показались "опасными" цензору»³, в действительности было не так всё остро. Цензор Е. Волков на корректуре игнатьевской статьи написал, чтобы работу направили на рассмотрение в Министерство внутренних дел (должен быть отзыв «профильного» ведомства), но редакция почему-то этого не выполнила, а при подписании разрешения в печать сам цензор тоже забыл о своём же требовании. Главное управление цензуры 25 января 1861 г. потребовало от Петербургского цензурного комитета объявить Волкову выговор, а редакцию «Иллюстрации» предупредить, что если впредь она не будет выполнять требований цензуры, то издание будет закрыто⁴.

Но Л.П. Бурмистрова совершенно верно отметила реакцию на статью Р.Г. Игнатьева московской и петербургской прессы. В феврале 1861 г. в одной из самых популярных газет страны – «Московских ведомостях» выходит огромная статья некоего Н-ова под заголовком «О губернских ведомостях», где автор в том чис-

¹ Бурмистрова Л.П. «Губернские ведомости» как исторический источник эпохи падения крепостного права. (На материале Поволжья и Урала). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1968.

² Бурмистрова Л.П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). Казань, 1985.

³ Там же. С. 120.

⁴ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5510. Л. 11, 13.

ле подробно анализирует работу Р.Г. Игнатьева¹. Вероятно, редактор «Московских ведомостей» В. Корш предложил и самому Р.Г. Игнатьеву высказаться в ходе разгоревшейся дискуссии. В номере 155 за 15 июля 1861 г. в литературном отделе газеты выходит очень большая статья Р. Игнатьева «Ещё о губернских ведомостях» (закончена 2 апреля). Сам размер публикации предполагает заранее достигнутую договорённость между В. Коршем и Р. Игнатьевым, вряд ли автор из загадочного Тунгатарово решился бы отправлять в одну из ведущих московских газет такой объёмный опус.

В ходе этого обсуждения редактор В. Корш убедился в профессионализме Р.Г. Игнатьева и предложил ему сотрудничать с газетой в качестве корреспондента (за публикации платили). Руф Гаврилович с удовольствием согласился. Столичная пресса начала 1860-х гг. испытывала острейший дефицит в грамотных, интересно пишущих корреспондентах из провинции. Внутренняя жизнь России освещалась в «Московских ведомостях» скудно, абсолютно доминировали краткие перепечатки из губернских ведомостей, причём в основном официозного характера от предводителей дворянства и т. д. Из «Оренбургских губернских ведомостей» заметочки тоже мелькали регулярно (№ 59, 110, 125, 135, 141 за

¹ «Недавно, именно в № 146-м *Иллюстрации*, затронут был старый вопрос о *Губернских Ведомостях*; автор статьи, г. Игнатьев, совершенно справедливо замечает, что надобно поощрять сотрудничество в *Губернских Ведомостях*, а главное – надобно обратить внимание на редакторов. *С.-Петербургские Ведомости*, соглашаясь с этим замечанием, признают необходимым, чтобы редактор *Ведомостей* не был в зависимости от различных служебных отношений; еслиж нельзя обойтись без того, чтобы должность редактора не совпала с какой-нибудь другой служебной обязанностью, то пусть он будет учителем, инспектором, или всего лучше директором гимназии, но никак не столоначальником губернского правления. Одним словом, для редактора можно указать только две дороги: или он должен иметь сам служебное значение, как например, директор гимназии, или должен стоять вне всякой служебной иерархии, пользуясь, по своей непосредственной зависимости от губернатора, его просвещённым и дружеским содействием. В последнем случае, предлагает г. Игнатьев, было бы не худо отдавать *Губернские Ведомости* на аренду частным лицам, конечно, за самую умеренную арендную плату. Что же касается до мнения г. Игнатьева об исключительно местном значении, какое придаёт он *Губернским Ведомостям*, по возможности удаляя из них всё, что касается до вопросов общего образования, между прочим и перепечатывание статей из других изданий; то, в противоположность ему, в *СПБ Ведомостях* высказано, что, неупуская из виду местных вопросов, действительно интересных для большинства провинции, *Губернские Ведомости* должны сильно позаботиться об улучшении своего учёного и литературного отдела, для чего позволительны и перепечатки из других изданий, сделанные с умом и тактом» (Московские ведомости. 1861. 16 февраля).

1861 г. и др.). В № 155 Р.Г. Игнатъев пишет о губернских ведомостях, а затем сразу берётся за составление корреспонденций. 12 августа 1861 г. он отправляет из Верхнеуральска первую заметку (опубликована в № 196 за 8 сентября), затем шлёт рассказ с историческим очерком о прошлогодней Мензелинской ярмарке (издан в № 257 за 23 ноября), а в день публикации из Верхнеуральского уезда уходит ещё одна статья Р.Г. Игнатъева (вышла в № 276 за 16 декабря). Возможно, редакция (в газете сообщалось: «из письма») брала фрагменты, что-то выбрасывала. Но все заметки достаточно большие, в них автор создал яркие очерки современной жизни (золотопромышленности и торговли), не забыв при этом свою любимую историю и обязательно поднимая в каждой статье какую-либо злободневную тему. Руф Гаврилович не просто отдавал дань эпохе, он искренне верил, что журналистика должна помогать решать важные проблемы современности.

В 1862 г. в «Московских ведомостях» сменился редактор, с № 87 от 22 апреля газету возглавил («за редактора») М. Щепкин, который постепенно начал делать акцент на увеличение информации из провинции, предпочитая статьи описательного, этнографического, статистического характера. Материалы Руфа Игнатъева были тут в самый раз. Выходят его заметки из Верхнеуральска (№ 179 за 15 августа 1862 г.) и Оренбурга (№ 220 за 10 октября и № 238 за 1 ноября), в номере 251 от 16 ноября редакция подряд разместила сразу две игнатъевские статьи: «Из Стерлитамака» и «С золотых промыслов в Оренбургской губернии», что было исключительным явлением. Видимо, редактор М. Щепкин оценил качество игнатъевского материала. Наконец, в № 254 за 20 ноября была опубликована большая работа Р.Г. Игнатъева «Село Тобынск». Заметки Руф Гаврилович в основном писал на тему современного экономического развития, не забывая, однако, про исторические экскурсы и актуальные проблемы современности. Однако на этом столь успешное сотрудничество закончилось. В новом 1863 г. из «Московских ведомостей» ушёл М. Щепкин, курс газеты резко изменился, провинциальные новости опять усохли, снова пошли одни кратенькие перепечатки, а большие очерки описательного характера, на которых специализировался Р.Г. Игнатъев, практически исчезли. И в 1863 г. ни одной работы его в «Московских ведомостях» не появилось, контакты прервались. В письме А.А. Краевскому 15 ноября 1862 г. он сообщал: «в настоящее время я веду постоянно корреспонденцию из Оренбургской губернии в Московских Ведомостях, которые переходят в другие руки»¹. В «Московских ведомостях»

¹ ОР РНБ. Ф. 391. Д. 396. Л. 3.

корреспонденции подписывались, а из Оренбуржья туда отправляли материал также другие авторы: Ф.Л., «Баязит», но так как Р.Г. Игнатьев практически всегда, если была возможность, ставил свою подпись, то в этом томе приведены, по всей видимости, все корреспонденции его для «Московских ведомостей».

Известный журналист и предприниматель А.А. Краевский в 1863 г. организовал в Санкт-Петербурге издание новой, рассчитанной на массового читателя, газеты «Голос», которой требовались добротные корреспонденты в провинции. И А.А. Краевский вспомнил о Руфе Гавриловиче, с которым он состоял в переписке ещё в 1850-е гг., и фамилию которого, наверняка, видел на страницах «Московских ведомостей». Хотя, вероятно, инициатива сотрудничества принадлежала самому Р.Г. Игнатьеву, он познакомился с разосланной программой нового издания. В письме А.А. Краевскому из Тунгатарово 15 ноября 1862 г. Руф Гаврилович заявлял: «Беру смелость предложить Вам ... свои сильные услуги, тем более, что я, как участвующий в трудах Оренбургского Губернского Статистического Комитета, полагаю, могу быть полезным.

Я читал письмо Ваше, разосланное при программе Голоса, знаю желание Ваше и постараюсь его выполнить. Корреспонденция там будет постоянная, по возможности – каждую неделю, но она будет касаться исключительно гг. Челябины, Троицка, Верхнеуральска, а главное горного дела и частной золотопромышленности особенно... Я служу на частных золотых промыслах, безпрестанно в разъездах по этим городам и уездам, во время же известной Мензелинской ярмарки могу быть тоже полезным для Вашей корреспонденции. Кроме того у меня приготовлена статья описание городов Оренбургской губернии и быта Башкир и прочих инородцев»¹.

Это письмо Р.Г. Игнатьева имеет особое значение. Дело в том, что в начавшей выходить с января 1863 г. газете «Голос» в рубрике «Русские (потом внутренние) новости» корреспонденции не подписывались. Видимо, столичные издания конкурировали между собой за провинциальных авторов и практически все заметки были анонимные. Кроме того, по всей вероятности, с «Голосом» сотрудничали другие жители Оренбургской губернии. Встречаются корреспонденции из Оренбурга, Бирска, других мест. Определить, какая из них принадлежала Р.Г. Игнатьеву, помогает только приведённое выше письмо. В конце этого тома, в приложениях приведены четыре предполагаемые статьи Р. Игнатьева. В № 137 от 2 июня была опубликована в «Голосе»

¹ Там же. Л. 3 и об.

статья об Уфе. В ней есть исторический экскурс, в частности упоминается дьяк А.И. Власьев, биографией которого занимался исключительно Руф Гаврилович. Затем, в № 140 от 5 июня 1863 г. выходит статья «Верхнеуральск», а в № 199 от 3 августа статья «Троицк»¹, в которых говорится о частной золотопромышленности, что и обещал Игнатьев Краевскому в своём письме в ноябре 1862 г. Эти три статьи с очень большой долей вероятности, почти наверняка, вышли из-под пера Игнатьева.

Среди других корреспонденций «Голоса» в 1863 г. есть статьи из Оренбурга о расширении города и уничтожении старых укреплений (№ 247), о меновом дворе, где есть ссылка на явно игнатьевский материал из № 199 о троицком меновом дворе, реформе башкирского народа (№ 224) и др. Но здесь, с моей точки зрения, с малой вероятностью можно гипотетически допустить авторство Р.Г. Игнатьева, поэтому они не включены в данный том собрания сочинений.

В 1864 г. в «Голосе» также регулярно появлялись корреспонденции из Оренбургской губернии: из Орска о скачке у казаков (№ 43), приключениях итальянцев в Средней Азии (№ 100, 238), из Оренбурга, Уфы, но по содержанию они, скорее всего, не имеют отношения к творчеству Р.Г. Игнатьева. Ряд корреспонденций из Оренбурга был подписан – С. Ключарёв. Лишь одна статья из Оренбурга с обширным историческим обзором может, предположительно, быть отнесённой к наследию Р. Игнатьева (№ 108 за 18(30) апреля 1864 г.), почему фрагменты из неё и включены в приложения этого тома.

Видимо, это была последняя его корреспонденция в «Голосе». Изменилась редакционная политика, А.А. Краевский теперь публиковал небольшие информационные (телеграфные) заметки, стали преобладать перепечатки, крупные описательные (аналитические, проблемные) статьи почти исчезли. В подшивках «Голоса» за вторую половину 1864 и весь 1865 г. мною не обнаружено ни одной статьи с Южного Урала, которую бы гипотетически можно было отнести к творчеству Р. Игнатьева.

Вообще, 1864-й год был для него наименее плодотворным с точки зрения публикаций. Можно предположить, что сказалось изменение общественно-политической ситуации в стране. Польское восстание 1863 г. привело к ужесточению цензуры, контроля над средствами массовой информации. Работы, так сказать, пронароднического характера с описанием жизни в российской

¹ Статья «Троицк, Оренбургской губернии» из газеты «Голос», явно принадлежащая Р.Г. Игнатьеву, была перепечатана в издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостях» в 1863 г. в номере 36 за 7 сентября.

провинции, с проблемами и предложениями, уже не проходили. И в центральной, и в региональной прессе стали доминировать безопасные перепечатки, телеграммы о пожарах, разливах, ценах и т. п. Р.Г. Игнатъев «переключается» на чисто исторические исследования, публицистика почти исчезает из его статей, одной из последних была публикация в «Оренбургских губернских ведомостях» в 1864 г., где он опять поднимает вопрос о нуждах золотопромышленности¹.

Тем временем, Руф Гаврилович устанавливает контакты с местной общественностью, краеведами, статистиками, любителями старины. Его публикации в «Оренбургских губернских ведомостях» в 1859 и 1864 гг. свидетельствуют о знакомстве Игнатъева с редактором газеты П.Н. Чоголовым. В ноябре 1862 г. в письме к А.А. Краевскому он рекомендует уже «как участвующий в трудах Оренбургского Губернского Статистического Комитета» (находился в Уфе), но ещё не член комитета. По сведениям Ю.С. Зобова, Игнатъев в 1863 г. начал подробное описание памятников древности Оренбургского края². В это же время он активно сотрудничает с губернским статистическим комитетом. В 1861 г. в стране было принято новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах»³, которое резко расширило права и возможности комитетов, превратив их из формально-бюрократических структур при губернской власти в органы реального изучения современной жизни региона.

С 1862 г. в «оренбургских ведомостях» начинают публиковаться журналы Оренбургского статистического комитета⁴, Руф Гаврилович избирается действительным членом его, получает небольшие средства от комитета на проведение научных изысканий. Так, в 1863 г. было «выдано Члену Комитета Игнатъеву в вознаграждение за его труды» 101 рубль, а в 1864 г. «отослано Члену Комитета Игнатъеву на наём писца и другие расходы по предпринятым им археологическим трудам – 25 р. 25 к.»⁵.

Дело в том, что 27 апреля 1863 г. Центральный статистический комитет циркуляром предложил «всем Губернским и Обла-

¹ В «Оренбургских губернских ведомостях» № 10 за 11 марта 1861 г. была опубликована большая статья «Частная золото-промышленность Оренбургского края в 1860 году», но авторство не указано. В 1863 г. материал «Сведения о частных золотых промыслах Оренбургского края за 1862 г.» подписал К. Чупин (Оренбургские губернские ведомости. 1863. 1 июня).

² Зобов Ю.С. Знаток древностей Башкирии. С. 127.

³ Опубликовано в «Оренбургских губернских ведомостях» в 1861 г. в номерах за 23 сентября и 7 октября.

⁴ Оренбургские губернские ведомости. 1862. 7 апреля (заседание 8 февраля), 28 июля (заседание 16 мая 1862 г.) и др.

⁵ Там же. 1864. 4 июля (заседание 23 апреля 1864 г.).

стным Статистическим Комитетам принять участие в собирании сведений об отечественных древностях и вообще о содействии Императорской Археологической Коммисии». Оренбургский губернский статистический комитет, реагируя на циркуляр, «вошёл в сношение с находящимися по уездам действительными своими Членами, из числа которых один, Р.Г. Игнатъев, проживающий в Верхнеуральском уезде, предпринял археологические работы по уездам: Троицкому, Челябинскому, Верхнеуральскому, а в письме своём, от 15-го Марта, он выражает намерение углубиться в Уфимский уезд». Р.Г. Игнатъев, имеющий опыт археологических изысканий, один откликнулся во всей губернии и тут же начал обследование древних памятников.

Оренбургский (в Уфе) губстаткомитет оказывал ему административное содействие и уплатил в сентябре 1863 г. 100 руб. серебром, в феврале 1864 г. ещё 25 руб. (см. выше) «на расходы при переписке материалов из архивов» (он совмещал археологические и исторические поиски). В марте 1864 г. Руф Игнатъев сообщил в комитет, «что собранные им до того времени материалы займут от 30 до 40 печатных листов, часть которых составляют археологические работы; кроме того им доставлены уже до настоящего времени некоторые материалы по истории Пугачёвского бунта, о курганах в исследуемых им уездах и о тептярях».

Секретарь статистического комитета Н.А. Гурвич докладывал в Уфе в апреле 1864 г., «чтобы иметь отчётливое понятие о производимых Г. Игнатъевым работах, я просил его сообщить Комитету программу оных, и ныне я получил в ответ от него письмо от 13-го Апреля, которое имею честь сообщить заседанию. В этом письме Г. Игнатъев предлагает свои труды не только по археологическим описаниям, но и по самой раскопке и составлению археологических карт Троицкого уезда, а вместе с тем ходатайствует о доставлении ему материальных средств, о которых просит Оренбургский Статистический Комитет представить Императорской археологической Коммисии.

Издание трудов Г. Игнатъева по части археологии составит обширную работу и потребует не мало издержек; между тем Комитету предстоят в настоящем году значительные расходы по издаваемой ныне памятной книжке и кроме того много занятий и издержек по предполагаемым статистическим работам».

Комитет просил «Игнатъева составить и сообщить Комитету подробную программу собственно археологических своих работ, как уже произведённых им, так и предполагаемым, а также объяснить, сколько, по его соображению, потребуется расходов на производство работ и к какому времени они могут быть окончены. По получении же от Г. Игнатъева сказанных сведе-

ний, войти с представлением в Императорскую Археологическую Коммисию. – Что же касается до просимого Г. Игнатьевым местного административного содействия, то об этом просить Г. Председателя Оренбургского Статистического Комитета»¹.

«Изголодавшийся» по научно-исследовательской работе Руф Гаврилович с огромным энтузиазмом и без промедления занялся обследованием памятников археологии в зауральских уездах. Его работы в 1863–1864 гг. стали первыми археологическими изысканиями, что прекрасно понимали современники. Спустя четверть века Ф.Д. Нефёдов отмечал, что «только в 1864 году покойный Р.Г. Игнатьев произвёл раскопки в Челябинском уезде по восточную сторону Уральского хребта и результаты своих работ доставил в Москву. Но это был единственный факт»².

Именно археология, скорее всего, помогла установлению постоянных контактов между Игнатьевым из Верхнеуральского уезда и уфимскими статистиками. Забросавший их разнообразным материалом Руф Гаврилович привлёк внимание редактора неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей» Петра Николаевича Чоглокова (и действительного члена статистического комитета), который, из-за усилившихся консервативных тенденций в стране, оказался в сложном положении, видимо, утратил поддержку губернской власти³. «Безопасный» исторический материал о далёких древностях – вот что может привлечь читателя и не создаст проблем с цензурой и начальством. И 1865-й год стал годом триумфального пришествия Руфа Гавриловича на страницы уфимской прессы.

Уже 20 февраля 1865 г. в «Оренбургских губернских ведомостях» выходит публикация Р.Г. Игнатьева, которую редакция (то есть П.Н. Чоглоков) сопроводила благодарственным словом. Первоначально преобладал зауральский материал, и впервые Р.Г. Игнатьев обращается к «башкирской» теме (произведения № 15, 16, 19), рассказывая об озере и горе Аушкуль (рядом с Тунгатарово), приводя вариант легенды «Канур Буга». Найденную Игнатьевым челобитную башкир (№ 15) затем, в 1936 г., ленинградский историк А.П. Чулошников включил в первый том (часть) знаменитой серии «Материалы по истории Башкирской

¹ Там же. 25 июля.

² Нефёдов Ф.Д. Отчёт об археологических изследованиях в Южном Приуралье, произведённых летом 1887 и 1888 гг. // Материалы по археологии восточных губерний. Т. III / Под ред. Д.Н. Анучина. М., 1899. С. 1 (на стр. 2 также упоминается работа Игнатьева из «Уфимских губернских ведомостей» за 1876 г. № 31).

³ См.: Роднов М.И. У истоков уфимской прессы, вкуче с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009. С. 136–137 и др.

АССР». Но при этом почему-то он не указал фамилию Р.Г. Игнатъева, и заново прочитав текст, как бы его снова, по-своему перевёл на современный русский язык. При этом, очевидно, А. Чулошников не видел оригинала, а работал только с газетными номерами. После игнатъевской публикации (№ 15) приведён полный текст чулошниковского «перевода». Он более научный, показывающий, что Р.Г. Игнатъев не владел «академическими» стандартами в работе с первоисточниками, оставаясь любителем, он старался максимально сохранять точность оригинала.

А с августа 1865 г. в «ведомостях» пошли уфимские работы. На заседании Оренбургского комитета 15 апреля 1865 г. ещё говорилось об «отосланных ... Игнатъеву за его труды 25 р. 25 к.»¹, а 31 мая 1865 г. последовал сенатский указ о разделении Оренбургской губернии на две: Уфимскую и Оренбургскую. Все учреждения, в том числе статистический комитет, остались в Уфе, лишь поменяв вывеску с Оренбургской на Уфимскую, с 17 июля меняет название и газета, где публиковался Руф Гаврилович. Видимо, именно в летние месяцы 1865 г. его приглашают в Уфу на службу при статистическом комитете «для занятий по здешней губернии при постоянном пособии со стороны комитета»².

И сразу Руф Гаврилович выпускает заметку о школе при Спасской церкви в Уфе (21 августа), статью о древнем антиминсе (28 августа), после чего на страницах «Уфимских губернских ведомостей» появляются две большие работы – первые итоговые публикации его археологических исследований (в октябре – декабре, уже при новом редакторе Н.А. Гурвиче). Причём в шести выпусках печатали статью «Курганы в при-уральских местах Оренбургской губернии», где Игнатъев попытался дать анализ древнейшей истории Южного Урала в духе модного тогда финно-угорского направления³.

В 1865 г. Р.Г. Игнатъев продолжал и свои археологические изыскания, в частности, осенью вместе с управляющим Миасским заводом К.Д. Романовским (Игнатъев, видимо, осуществлял научное наблюдение, а руководил работами Романовский) «было разрыто несколько курганов»⁴.

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1865. 19 июня.

² Зобов Ю.С. Знаток древностей Башкирии. С. 128.

³ См., напр.: *Europeus Д.П.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей // Труды второго археологического съезда в Санктпетербурге. Вып. 1. СПб., 1876.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1867. 23 февраля. Современные археологи видимо правы, причисляя и К.Д. Романовского к первым исследовате-

Кроме того, в 1865 г. уфимские статистики во главе с Н.А. Гурвичем сумели организовать первое на Южном Урале издание памятной книжки, как тогда говорили, «учёно-литературного» направления, куда пригласили и Руфа Гавриловича. Из-под его пера выходит блестящий очерк о Верхнеуральске, интереснейшее комплексное исследование истории и современности (на 1865 г.) этого небольшого южноуральского городка. Р.Г. Игнатъев, имея за плечами опыт подобных аналитических описаний в новгородский период (Старая Русса и др.), создал блестящую серию работ о станице Магнитной, Бирске, Миассе и др. Для этих публикаций, вероятно, Р. Игнатъев использовал сведения, собранные во время статистических исследований. В 1865 г. он участвовал в переписи населения городов и заводов¹.

В том же 1865 г. Московское археологическое общество обратилось к губернским комитетам с просьбой указать местных деятелей, интересующихся археологией, которые могли бы являться его представителями на местах. Оренбургский статистический комитет указал на Р.Г. Игнатъева, как на лицо, занимающееся отечественными древностями, и 23 февраля 1865 г. он был избран в члены-корреспонденты Московского археологического общества². И в первом томе (выпуск I) трудов этого общества выходит любопытное исследование Руфа Гавриловича о думном дьяке А.И. Власьеве (№ 25). Р.Г. Игнатъев стал одним из самых активных членов Московского археологического общества. Он ведёт с ним переписку, в 1865–1866 гг. отправляет туда свои рукописи о земляном вале близ Саткинского завода³, древнем антиминсе в Уфе, номера уфимских газет (видимо, с его публикациями), статьи для археологического словаря⁴.

В мае 1866 г. «в склад будущего музеума» при Уфимском губернском статистическом комитете поступили «древности, найденные при раскопках курганов около Миасского завода в конце минувшего года; обстоятельное описание этим вещам будет составлено Г. Игнатъевым, находившимся при раскопке». А также «образцы руд и разных сортов железа и стали, выделываемых на Златоустовском заводе», доставленные Игнатъевым⁵.

лям-археологам (см.: *Минеева И.М.* Археологические исследования в музеях Башкортостана: опыт истории и проблемы современности. Уфа, 2004).

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1865. 26 июня.

² Древности. Труды Московского археологического общества. Т. I, вып. 2. М., 1867. С. 81–83.

³ Там же. Т. I, вып. I. М., 1865. Заседания Московского археологического общества. С. 1, 8.

⁴ Там же. Т. II, вып. I–III. М., 1870. С. 79, 331–332, 334.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1866. 5 сентября.

Затем Р.Г. Игнатъев устанавливает тесные контакты и со вновь возникшим в Оренбурге Оренбургским губернским статистическим комитетом. На заседании 8 сентября 1866 г. члены комитета заслушали его письмо, где, в частности, говорилось, что он обследовал археологические памятники восточных уездов, но теперь они отошли к новой Оренбургской губернии. А для продолжения их описания Игнатъеву «необходимы планы и рисунки при личном, конечно, наблюдении моём и указании гг. землемерам и таксаторам, то, вследствие представления моего, его Сиятельство Господин Председатель Императорской Археологической Коммисии, Генерал-Адъютант Граф Сергей Григорьевич Строганов, от 29 Октября 1865 г. просил Его Превосходительство Господина Начальника Оренбургской губернии и Председателя Губернского Статистического Комитета об оказании мне содействия со стороны землемеров и таксаторов в составлении, по личному указанию моему, планов, чертежей и рисунков к археологическому описанию Троицкого, Челябинского и Верхнеуральского уездов, о чём уведомляя меня, Императорская Археологическая Коммисия предлагала мне по этому предмету обратиться от себя к Его Превосходительству, и я докладною запискою, от 7 Декабря, обращался, прося указать, к кому я должен обратиться из гг. землемеров и таксаторов.

Как распоряжение Его Превосходительства мне неизвестно, а описание древностей, в силу циркуляра Центрального Статистического Комитета, от 26 Апреля 1863 г. за № 63, возложено на Губернские и областные Статистические Комитеты, то я имею честь обратиться в Оренбургский Губернский Статистический Комитет и почтительнейше просить его ходатайства и содействия в составлении планов и чертежей к составленному мною археологическому описанию вышеозначенных местностей.

Вместе с тем, имею честь уведомить, что мною собрано много сведений по статистике, этнографии и топографии Троицкого, Челябинского и Верхнеуральского уездов, чем могу быть полезным Оренбургскому Статистическому Комитету и по желанию его не замедлю доставить. О усердии же моём к этому делу могу сослаться на Уфимский Комитет, коего имею честь быть членом, и желал бы быть таковым и Оренбургского, о чём имею честь почтительнейше просить последний, так как и диплом я имею с 1863 года, до разделения губерний на имя Оренбургского Статистического Комитета и должен буду производить археологические работы в местностях Оренбургской губернии.

О последующем имею честь ожидать уведомления Оренбургского Статистического Комитета».

Заслушав это письмо, оренбургские статистики постанови-

ли: «принимая в соображение, что Г. Игнатьевым помещались, в течении нескольких лет, статьи археологического содержания в бывших Оренбургских губернских ведомостях, обличающие в нём усердного розыскателя древностей, пригласить Г. Игнатьева к соучастию в работах Комитета, в качестве действительного его члена; относительно же содействия ему со стороны губернских землемеров и таксаторов, снести перед наступлением летнего времени, от имени Председателя Комитета с Губернским Правлением»¹.

В 1866 г. Руфу Гавриловичу пришлось налаживать отношения с новым редактором «Уфимских губернских ведомостей» Николаем Александровичем Гурвичем², но тем не менее в газете вышло несколько его работ, среди которых два крупных произведения: «Церковь свят. Троицы или старый (Смоленский) Собор в г. Уфе» (№ 26) и «Станица Магнитная» (№ 28). Исследователь проявил себя как мастер анализа документов XVII в. и попытки реконструировать историю древнейшего храма Уфы, а также как автор яркого историко-статистического описания станицы Магнитной (совр. город Магнитогорск). На Южном Урале взошла звезда нового исследователя, который встанет у истоков местных историко-краеведческих изысканий и на протяжении нескольких десятилетий будет неоспоримым лидером.

В первом томе собрания сочинений Р.Г. Игнатьева в хронологической последовательности публикуются его работы, созданные на Южном Урале с 1859 по 1866 гг., включая статьи, предположительно подготовленные им. В случае повторного издания, если текст точно соответствует первому, как с безымянной статьёй «Троицк», приводятся только выходные данные переиздания. Поиски публикаций Р.Г. Игнатьева проводились в разных библиотеках, и не все номера удавалось обнаружить (так, в 1866 г. вышла ещё одна статья Р. Игнатьева о древних памятниках), вероятно, он мог сотрудничать и с какими-то другими, неизвестными нам газетами. Эти работы, по мере выявления, станут включаться в последующие тома собрания сочинения. Составитель и ответственный редактор будут благодарны читателям за подсказку в поисках трудов Р. Игнатьева.

Все публикации даются в авторской (Р.Г. Игнатьева) редакции, с точным сохранением его научно-справочного аппарата (нумерация которого даётся современная, цифровая, а не звёздочками – * – как обычно практиковалось в статьях Игнатъ-

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1867. 14 января.

² См.: Роднов М.И. Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 9–11.

ева), а также с минимальными вмешательствами в тексты Игнатъева (добавлена лишь буква «ё»). Кроме замены формы родительного падежа на современный (-аго на -ого) и некоторых других правок, в томе сохранены язык второй половины XIX в., орфография со всеми их особенностями и опечатками, за исключением явных ошибок при типографском наборе статей. Эпоха творчества Р.Г. Игнатъева пришлась на время значительных изменений в правописании русского языка, прижизненные переиздания его трудов через десятилетие происходили уже по новым правилам. Кроме того, Руф Гаврилович создавал свои труды от руки (не было пишущей машинки), судя по письмам, он имел ясный, чёткий почерк, в которые затем при наборе в издательствах постоянно «попадали» ошибки, опечатки, часто просто в типографии не было каких-то букв или знаков, или наборщика что-то отвлекло. Но исправление этих (в общем явных) опечаток нередко связано с «вторжением» в сам игнатъевский текст. Авторы же работы хотели бы, чтобы читатель видел оригинальный, такой, какой он появился в 1860-е гг., текст, а не нашу «версию» Руфа Гавриловича. Это также представляет определённый интерес для исследователей, изучающих историю книжного и типографского дела (особенно в провинции). Наконец, подавляющее большинство публикаций Руфа Гавриловича Игнатъева предназначалось не для узкой прослойки историков-профессионалов, а для самого широкого круга читателей, интересовавшихся положением в Оренбургской губернии, и любителей старины, истории Южного Урала. Мы (составитель и ответственный редактор) хотели бы донести до современного читателя атмосферу, «аромат» эпохи и уже ушедший язык середины XIX столетия является во многом хранителем «духа» прошлого.

Почти все труды Р.Г. Игнатъева публикуются впервые, через полтора столетия забвения, комментарии (в сносках) от составителя включались в крайних случаях. Из-за поистине огромного объёма информации, которую содержат труды Руфа Гавриловича, а среди неё, естественно, попадают и ошибочные сведения, отражающие уровень историко-краеведческих исследований той эпохи, а также личные познания автора, научные комментарии исключены. Надеемся, что историки Южного Урала в своих работах дадут объективную оценку его научного и публицистического наследия. Если уважаемый читатель обнаружит ошибки, неточности в воспроизведении текстов Р.Г. Игнатъева, мы будем крайне признательны за каждую такую информацию.

М.И. Роднов

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУФА ГАВРИЛОВИЧА ИГНАТЬЕВА,
РАСПОЛОЖЕННЫЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ**

1859 год

**№ 1. Церковь Святого Благоверного Князя
Александра Невского, в г. Уфе**

Безчисленны у нас, в православной Руси храмы Божии, и справедливо могут назваться не только памятниками благочестия, но даже роскошью Русского народа, в особенности же во времена более для нас отдалённые, и потому эти памятники, как звёзды небо украшают собой города и селения. Кроме того, нет ни одного храма Божьего в православной Руси, с основанием которого не было бы связано какое либо событие, начиная от важного, государственного до частного, из обыкновенного семейного быта происходящего. Обет, данный Богу среди дней счастья, славы и бедствия отечества, радость, печаль, всё это ознаменовано, увековечено построением храмов Божиих, и все эти безчисленные примеры представляют собою умиленную, вместе с тем поучительную летопись минувшего и незабвенного.

Примером в этом служит эпизод из жизни Государя, Царя Михаила Феодоровича. К нему в 1618 году возвращается долго страдавший в плену, доблестный родитель его, Митрополит Филарет. Царь-сын, встречает его 14 Июня того года в Москве, близ городского вала, на Успенском вражке, и забывая величие царского сана падает в ноги отцу, а вместе с тем, вспоминая день празднуемого тогда святого, даёт обет и воздвигает на месте встречи храм во имя Святого Пророка Елисея. Здесь царь не столько был обрадован миром с Польшею, как свиданием с родителем. Русской народ знает и верит в важность быть храмомздателем, и что, если о нём часто не знают люди, а по времени и совсем забывают, за то святая церковь вечно молит Бога; а это выше славы человеческой.

Слишком три века протекло с тех пор, как утвердилось владычество царей наших и вместе с тем положило твёрдой оплот свой православие в отдалённом Оренбургском крае, населённом чуждыми, полудикими и не всегда мирными племенами. Г. Уфа, начиная со времени основания своего, с 1586 года до XVIII века, был лишь свидетелем военных тревог; не менее того пострадал он в смутные времена Пугачёвского бунта, когда нынешние: Оренбургский край, Казанская и Симбирская Губернии были театром кровавого поприща этого дерзкого об-

манщика. После Пугачёвского бунта, хотя Государыня Императрица Екатерина II и преемник её Павел I обращали особое внимание и попечение о мирном благе здешнего края; но, это более, казалось, предоставлено было внуку Екатерины, Александру Благословенному, который к довершению всего благоволил осчастливить край своим личным прибытием – край, невидавший в пределах своих ещё ни одного из Венценосцев России. – Узнав о благом намерении Государя благородное Дворянство Оренбургской губернии, одушевлённое единой мыслию положило увековечить память Высочайшего посещения, построением в г. Уфе храма в честь ангела Государева, Святого Благоверного Князя Александра Невского. – Немедленно испрошено было разрешение, собрана достаточная сумма и приступлено к сооружению нового храма, для которого и место назначено было вне города, но где уже, согласно представленного Г. Оренбургским Гражданским Губернатором, Действительным Статским Советником Вражским и Высочайше утверждённого в Мае 1823 года плана, предположено было для увеличения города провести несколько новых улиц, и одна из них должна была получить название «Александровской». – Наконец общее желание, неизъяснимые примеры которого можно видеть только у нас на Руси, сбылось: Государь Император в Сентябре 1824 года изволил прибыть в г. Уфу в сопровождении Генерал Адъютантов: Барона Дибича и Соломки. Излишним было бы говорить с каким восторгом у нас везде встречают Государя, и как встречали его тогда жители Уфы. Августейший посетитель пожелал быть лично при закладке храма, и 18 число Сентября 1824 года было самым радостным днём для г. Уфы.

По окончании Божественной Литургии, соборне совершённой в присутствии Государя и при собрании местного Начальства, Дворянства и многочисленном стечении народа Преосвященным Амвросием, Епископом Оренбургским и Уфимским, начался из бывшего Кафедрального Собора, что ныне Троицкая приходская церковь, крестный ход к месту закладки, где были выстроены находившиеся тогда в г. Уфе войска, именно гарнизонный батальон и казачий полк. По прибытии сюда духовной процессии, Преосвященный Амвросий со всем городским духовенством совершил положенное по церковному чиноположению молебствие на основание храма, и Государь Император изволил собственноручно положить первый камень основания. – Окончанием этого, вечно памятного для Уфы торжества, был воинский парад, произведённый в Высочайшем присутствии. Вообще пребывание здесь Государя Императора Александра 1-го продолжалось несколько дней – и оно составля-

ет лучшую страницу в истории здешнего края. К построению храма особенно усердствовал тогдашний Губернский Предводитель Дворянства Мордвинцов. – Однакоже Александроневская церковь, получившая по поводу её основания название: «Дворянской», строилась 12 лет, в продолжении которых успел осуществиться на самом деле Высочайше утверждённой в 1823 году план новым улицам значительно увеличившегося города¹, из числа которых одна, по имени новой церкви, стала называться Александровской. – Освящение новой церкви происходило 26 Сентября 1836 года и совершено Преосвященным Иоанникием, Епископом Оренбургским и Уфимским, при державе в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича, в правление краем Оренбургского Военного Губернатора, Генерал-Адъютанта, Василия Алексеевича Перовского, при Оренбургском Гражданском Губернаторе И.Д. Талызине и Губернском Предводителе Дворянства Тимашеве, при первом настоятеле храма (ныне Протоиерее) Петре Григорьевиче Несмелове.

Александровская церковь построена крестообразно, с кумполообразным верхом, освещённом несколькими полукруглыми окнами или пролётами; на кумполе крыша круглая на четыре ската, на кумполе же устроена на глухом трибуне глава с медным осмиконечным крестом. – По наруже с Северной и Южной сторон находится по анфиладе из 6-ти Ионических колонн. Колокольня имеет вид четвероугольной, четырёхъярусной башни с кумполообразной крышею, на которой на глухом же трибуне устроена глава, также как и на самой церкви, крытая листовым железом и с таковым же крестом. – Колокольня находится над входом в церковь с западной стороны, в 3-м ярусе в четырёх четверо угольных окнах и в середине помещаются 10 небольших колоколов, весом всего 202 пуда. – Вообще весь фасад церкви представляет тип современной архитектуры. Церковь освещается кроме окон в кумполе ещё 8 большими четырёхугольными окнами, из коих 4 в самой церкви и 4 в олтаре. – Внутренность церкви отличается величественной простотой: к чисто оштукатуренным её стенам очень идёт белым колером сделанный двух-ярусный иконостас, с позолоченными капителями и резьбой в некоторых местах. Царские двери отличной резьбы вызолочены по полименту. – В иконостасе не много икон и они все писаны новою подражательно Итальянскою школою, здешними художниками, братьями Иваном и Андреем Ивано-

¹ По поводу провода новых улиц, город получил название старой и новой Уфы – прим. Р.Г. Игнатьева.

выми Красовскими. – В числе икон наиболее отличаются живописью храмовая святого Благоверного Князя Александра Невского и святителя Митрофана Епископа и Воронежского Чудотворца. – За крилосами находятся точные копии с древних чудотворных икон Казанской Божией матери и святителя и чудотворца Николая, явившейся в XVII веке на р. Каме, близ села Берёзовки, ныне Мензелинского уезда. – Под обеими иконами сделана резная вызолоченная надпись, объясняющая историю построения церкви, которую здесь выписываем: «Градо-Уфимская Александро-Невская церковь заложена 1824 года, Сентября 18 дня в память незабвенного посещения город Уфу в Бозе почившим Государем Императором Александром I-м, собственными руками коего положен первый в основание этой церкви камень. Священно-действие совершал Преосвященный Амвросий 2, Епископ Оренбургский и Уфимский со всем Градским Духовенством, при Губернском Предводителе Дворянства Мордвинцове; сооружена она на сумму всего Оренбургского Дворянства. Освящена 1836 года, Сентября в 26 день Преосвященным Иоанникием, Епископом Оренбургским и Уфимским, при Губернском Предводителе Дворянства Генерал-Майоре, Георгие Николаевиче Тимашеве». – В 1846 году церковь обнесена каменной на цоколе оградой, с красивою чугунною решёткою, лицевая сторона которой обложена изразцом; в ограде трои двухстворчатых с чугунною решёткою ворот с Западного, Южного и Северного входов в церковь. – На устройство ограды израсходовано 3000 руб. серебром, пожертвованных Дворянством. – Жаль, что на церковной утвари, устроенной усердием же дворянства совсем нет надписей. Когда и кем что именно устроено: эти надписи, как уже дознано опытом, в последствии были бы важны для науки, не менее никак исторических актов. Говоря о благолепии Уфимской Александро-Невской церкви, нельзя умолчать и о том, что устройству и благолепию этому, кроме жертв дворянских, обязаны мы многолетней, неутомимой ревности и истинно настоятельской заботливости в деле благолепного устройства храма, настоятеля оного Протоиерея Петра Григорьевича Несмелова. И не трудно объяснить эту сердечную привязанность настоятеля к своему храму: в глазах его не только соорудился храм, но заселилась и самая часть города, для которой храм соорудился. Он был очевидцем и отчасти участником события, совершившегося хотя в небольших размерах, но чрезвычайно верно изображающего собою первобытное распространение учения Христова в нашем крае и тесно соединённой с ним цивилизации. И если, при этих заботах настоятеля о внешнем благолепии храма, в храме этом

удалось ему хотя немного воздвигнуть и внутренних благолепных храмов в сердцах чад своей паствы, то ещё более делается понятною эта настоятельная любовь к храму и эти заботы о его велелепии.

Р. Игнатъев
(Оренбургские губернские ведомости. 1859. 4 апреля)

№ 2. Чортово городище близ города Уфы

Р. Игнатъева.

Обширный, богатый и обильный дарами природы Оренбургский край, столь важный в обширной семье русских областей, *ключ к Азии*, по слову Петра Великого, заключает в себе много необследованного.

Везде по Оренбургской губернии и в принадлежащих к ней землях киргиз-кайсацких орд, даже среди степей, усматриваются остатки древних зданий, курганы, городища, пещеры, валы, надгробные памятники и остатки изваяний, известных во многих местах России под именем *баб*, о которых писали и Рубруквис, монах XIII века, и академик Паллас, издавший в 1787 году своё путешествие по Сибири. Оба эти разновременные писатели-путешественники следовали чрез некоторые места Оренбургского края. Теперь науке предстоит обширное поле решить столь важный вопрос: кому принадлежат все эти памятники, руками каких народов разбросаны они большею частию среди необитаемых мест здешнего края?

Оренбургский край, со времён глубокой древности, населяли народы турецко-татарского, финского и славянского племени. К первому принадлежат: татары, ногаи, киргизы, башкиры, тептяри, мещеряки, каракалпаки и т. д., ко второму, т. е. финскому – чувашаи, мордва и черемиса, к славянскому же – одни болгары, жившие по берегам Камы и Черемшана, по границам Бугульминского уезда Оренбургской, ныне Самарской губернии¹. Впрочем, и новгородцы, основав в XIII веке Хлыновскую волость, имели колонии по берегам Камы². По сказаниям древних арабских путешественников, Оренбургский край населяли народы оседлые и промышленные. Так, край этот, по обилию сохранившихся восточных и славянских древностей, ожидает своего историка. Наука идёт вперёд, и от настоящего времени должно надеяться, что богатая жатва не останется без деятелей.

¹ «Вестн. Импер. Русск. Геогр. Общ.», кн. III, стр. 12. «Библиот. для Чтения», 1836 г., т. XIX, стр. 97 – прим. Р.Г. Игнатъева.

² «Ист. Казани» Рычкова. II. 30 – прим. Р.Г. Игнатъева.

К числу замечательных мест в археологическом отношении принадлежит самый губернский город Уфа, основанный, по свидетельствам историческим, в 1586 году, а по преданиям коренных издревле жителей этих мест, башкир – несколькими столетиями ранее XVI века. Чьё известие справедливо, трудно доказывать народу, никогда не знавшему письменности и которого вся история устное предание, как и всякое предание искажаемое, преувеличиваемое и чем более относящееся к времени более и более отдалённому, тем более обращающееся в баснословие. Такого рода легенда существует между уфимскими башкирами о замечательном из древностей города Уфы – *Чортове Городище*¹.

Чортовым Городищем называют находящаяся в 4 верстах от города небольшое пространство, образуемое крутым берегом реки Уфы и обрывистым оврагом, перешеек которого был укреплен рвом и валом, давно уже осыпавшимися. Местность Чортова Городища вообще гористая и имеет вид полуострова, образуемого рекою Уфой. С южной стороны Городища – обширная долина, идущая к городу. Кроме остатков укреплений, в Городище заметны несомненные следы жилых мест: это доказывает, что Городище было когда-то обитаемо.

Здесь, на Городище, по древней башкиро-ногайской легенде, переданной в 1730 году первому оренбургскому губернатору, Кирилову, башкирским старшиною, муллою Кедрясь-Муллакаевым, и другим муллою, Аядаром, жил какой-то ногайский хан Тюрят-Бабату-Клюсов, владетель обширного города Уфы, раскинувшегося по берегам рек Уфы и Беловоложки, или Белой, на 15 вёрст. Впрочем, в Уфе хан только зимовал; летом же он, со всем подвластным ему народом, кочевал на реке Дёме, за 50 вёрст от этого города, близ озера Большой Азарат и реки Ислак, где и теперь ещё видны развалины каких-то двух каменных зданий: говорят, что одно из них было дворец, другое – мечеть. Легенда эта, переданная губернатору Кирилову, включена первым описателем, академиком Рычковым, в изданное им в 1757 году «Топографическое описание Оренбургской губернии», книгу уже теперь весьма редкую. По словам той же легенды, башкиры и ногаи составляли один народ, подвластный Золотой Орде, а после царству Казанскому. Из Уфы хана и его подданных выгнал великий дракон, одним дыханием умерщвлявший людей. Испуганный хан сначала откочевал за 50 вёрст, на р. Дёму; но здесь его встретила весть ужаснее самого дракона: что

¹ Рычков, «Топогр. Оренб. губ.», II, 194, называет это городище «Татарским». Чортовым же городищем названо городище близ Бирска. Стр. 201 – прим. Р.Г. Игнатьева.

русские хотят покорить Казань и Землю Ногайскую. Хан бежал за Кубань, где подданные его смешались впоследствии с кавказскими племенами. Так исчезло с лица земли ханство Ногайское. Когда бежал из Уфы хан, то и великий дракон скрылся в расщелину горы на Чортове Городище. Такова легенда; но ими начинается история каждого народа, и не все легенды и не всегда в основании своём плод вымысла.

В отношении Чортова Городища обратимся к более или менее разъясняющим легенду бесспорным историческим фактам. Древнее существование Уфы не подлежит сомнению. Если она не была городом в том значении, как мы понимаем город, или крепостью, в чём наши предки видели единственное назначение города, то, по крайней мере, здесь, по берегам р. Уфы, существовала обширная башкиро-ногайская колония, полукочевая, полuosедлая, как и нынешние башкиры, только по зимам живущие в селениях, а летом кочующие на привольных местах вблизи селений. В 1505 году, данник великого князя Иоанна III, казанский царь Мегмет-Амин, по совету жены, хотел отложиться от России и посылал, для каких-то переговоров, в Москву, «какого-то князя Уфимского»¹; а прежде этого, в 1468 году, домогаясь покорения Казани и низвержения царя Ибрагима, Иоанн III посылал войско опустошить берега р. Белой². Вот причина удаления отсюда башкир и ногаев и, может быть, бегства уфимского хана за Кубань. Факт этот сходен с вышеприведённой легендой. Нынешняя Уфа – при реках Уфе и Белой, а древняя Уфа, конечно, была на месте Чортова Городища. Самое слово «городище» уже означает бывший город, какового рода прозвища не даются без причины, даром месту, никогда не бывшему обитаемым. У башкир и ногаев могли быть свои князья и ханы и в отношении Казани точно такие же, как у нас ханы-правители киргизов и калмыков. Между уфимскими татарами существуют целые селения князьков, выводящих свою родословную от князей ногайских.

Если это так, то почему же уфимское городище зовут «Чортовым», а не «Ханским» или «Ногайским»? «Чортовым» его, кажется, называли русские люди, поселившиеся при основании, в 1586 году, г. Уфы; азиятцы зовут его «старым городом», не мешая тут никакой демонологии; между русскими тоже не существует суеверных поверий об уфимском городище. Так напрасно было бы думать, что такое название городища происходит от «чорта» или городской «черты», ежели в последнем значении сло-

¹ Карамз., т. IV. 208 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² «Ист. России», Соловьёва. V. 83 – прим. Р.Г. Игнатьева.

ва принять древнее Московское урочище Черторья, или Черторье, и многие тому подобные. По письменным актам уфимское городище не имеет никакого особого названия; гористые места около его названы «Абызовскими», что напоминает обызов и улемов, духовных лиц магометанской иерархии. В «Оренбургских Губернских Ведомостях» 1852 года, № 29, напечатана граммата царя Алексея Михайловича, данная в (7170) 1662 году на рыбные ловли в Уфимском уезде Звенигородскому Савво-Сторожевскому мужескому монастырю. В граммате этой читаем: «На луговой стороне, по Белой реке, межи рыбным ловлям от Абызовых гор, от городища, а те горы на городской стороне выше деревни уфимца Потехи Андреева сына Уракова». Далее в граммате указывается на другую межу: «А повыше Поджерновского песку, против городища, на Ногайской стороне». Мост чрез р. Белую на выезд из города и теперь называют *Ногайским*, конечно, потому, что так прежде называли все пригородные земли по берегам рек Уфы и Белой.

Около Чортова Городища и по всему протяжению рек Уфы и Белой встречается целый ряд курганов, маров или сопок, различных видов, наиболее же в виде четвероугольных наносных холмов. Курганы эти, конечно, имеют отношение к Городищу и явно указывают на глубокую древность обитаемости берегов Уфы и Белой и вообще местности самого города Уфы. Курганы – остаток язычества, обычай, не терпимый учением ислама. Из летописей усматриваем, что татары, будучи ещё в язычестве, насыпали курганы на поле битв и над прахом героев, на пример, в 1224 году при р. Калке «погребли заживо в кургане вождя Гемябега»¹. В Оренбургском крае магометанство началось с 922 года, по Р. Х. между болгарами, для чего калиф Муктадир прислал своего миссионера Ибн-Фоцлана², и только в XIV веке, при потомках Чингис-хана Узбеке и Берке, магометанская религия сделалась господствующею и в здешнем краю, и в самой орде. По крайней мере, наши летописи указывают на всеобщее распространение ислама между подданными Узбека и Берки³. В это время и был нанесён окончательный удар язычеству; здесь же конец и всем его памятникам.

В 1819 году, по вновь утверждённому плану г. Уфы, велено распространить значительно город и провести несколько новых улиц. При этом случае скрыто несколько курганов и, как сказано в «Оренбургских Губернских Ведомостях» 1850 и 1852 годов, в

¹ Полн. Собр. Рус. Лет. Т. III, стр. 40 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Истор. Рус. Сборн. 1840 г. Стр. 341–349 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Воскр. Лет. Ч. II, стр. 281 – прим. Р.Г. Игнатьева.

№№ 40 и 17, в курганах находили оружие, конские приборы, монеты, разные мелочи, но больше всего человеческие и конские остовы и кости, но что будто бы между человеческими остовами не было ни одного ни женского, ни детского, между найденными вещами, ничего, что бы относилось к женским уборам, и что гораздо ранее того, в 1781 году, при построении здесь, в Уфе, наместнических присутственных мест, найден конский прибор из чистого золота и что эту археологическую редкость уфимский наместник, генерал поручик Якобий, отослал ко Двору.

Ясно, что эта местность была театром давних кровавых побоищ. По преданию башкир, Уфа часто страдала от набегов сибирских татар, бывших язычников даже в XVI веке, при покорении Сибири Ермаком¹. Из актов уфимской провинциальной канцелярии видно, что в 1589 году приходили сюда набегом сибирские царевичи Аблай и Тевкель и были разбиты под Уфою, в Аблаевском лесу, взяты в плен и отосланы в Москву, за что царь Фёдор Иоаннович пожаловал уфимских воевод, дворян, шляхту, стрельцов, пушкарей и других служилых людей золотыми деньгами и велел записать имена их в книгу *золотую*.

Ещё есть другой факт, хотя не определяющий, но дающий некоторый повод предполагать о битвах под г. Уфой. В царствование Иоанна Грозного, вскоре после взятия Казани, в 1557 году вспыхнул мятеж во всей Земле Казанской, по берегам Камы и в Башкирии, то есть в Оренбургском крае. Казанские патриоты, пользуясь удалением главных сил русских, думали возстановить падшее царство; но Грозный принял решительные меры и послал сильное войско. Не смотря на жестокую зиму, воеводы: Андрей Курбский, Алексей Адашев, Иван Шереметев и Семён Микулинский, скоро усмирили мятеж, опустошив земли закамские до пределов Вятки, истребив в лесах и снежных степях Башкирии более 10 000 татар и взяв в плен князя Янчура, черемисского богатыря Алеку и более 20 000 пленников, всякого пола и возраста². Не относя этих событий прямо ко времени курганов, предполагаем, что, может быть, преследуемые русскими, защитники Казани удалились к Уфе, гористое местоположение которой и даже самого её городища представляло все удобства обороны, особенно летом, при вскрытии рек. Возвышенности Чортова Городища представляют тоже всё нужное для военнопонаблюдательного пункта. Ежели бы не зима, то ещё бы затруднительнее была победа. Может быть, татары не предвидели таких скорых мер со стороны русских. Кажется, что судьба Баш-

¹ Карамз., Т. IX, прим. 657 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Карамз., Т. VIII. 134 – прим. Р.Г. Игнатьева.

кирии решилась вместе с Казанью; но собственно башкиры сохранили вид произвольного подданства и платили только *ясак*, т. е. подать. Уже в духовной граммате Грозного 1572 года Башкирия названа прямо принадлежащею нам, вместе с царством Казанским, чувашами и черемисами¹; напротив того, башкиры, живущие в пределах нынешней Пермской губернии, были в неприязненных отношениях и, вместе с сибиряками, грабили и разоряли берега Камы².

Но возвратимся к Городищу. Независимо от курганов, на Городище и по гористым местам берегов Уфы и Белой видны пещеры, или шахтаны. Предания русских относят их к христианским пустынноикам и доказывают этим раннее существование христианства в нынешнем Оренбургском крае; башкирцы же говорят, что здесь жили их предки, покуда не построена была Уфа, и укрывались от киргизских и сибирских набегов. Башкиры говорят, что, по причине набегов и по неудобности вносить *ясак* за несколько сот вёрст в Казань, по их усердной просьбе, основана Уфа. Едва ли. Утверждение власти над новым краем, наблюдение над Сибирью – вот что было причиною основания Уфы. Иначе, всё это было бы ранее 1586 года. Когда противу построения Уфы протестовал владетель независимых от нас ногаев, князь Урус, ему отвечали, что это только мера для обуздания кубанских козаков³, и не более, а не завоевание.

По актам генерального межевания 1778 года, Городище с околородными землями значилось за уфимскими козаками, судя по указу Петра Великого 1725 года⁴, учреждёнными в его царствование. Впоследствии, за уничтожением уфимских казаков, Городище вошло в число казённых земель.

Неопределённость и малочисленность фактов исторических вознаграждается с другой стороны преданиями даже не очень отдалёнными, но более или менее поэтизированными.

В XVIII веке Городище было разбойничьим станом башкирского батыря (богатыря) Бахтиара. Укрепясь на высотах Чортова Городища, Бахтиар не боялся уфимских воевод, грабил и убивал под самым городом. Жители Уфы даже платили ему дань. На выезде из города к Чортову Городищу есть овраг, называемый «Черкаловым». Здесь замучен был Бахтиаром богатый гражданин Черкалов, где-то зарывший свои богатства и не открывший тайны даже под страшною пыткой. По рассказам башкир, Бах-

¹ Акт. Археогр. Т. I. 341 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Карамз., Т. IX, пр. 656, 671 и 840 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Миллер. «Ист. Сиб.», стр. 80. Карамз., Т. X, стр. 17, пр. 40 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Полн. Собр. Зак. Т. VII. № 4690, стр. 443 – прим. Р.Г. Игнатьева.

тиар был даже поэт. Песни его проникнуты пылкой любовью к какой-то Зюлейке, которую он, как могучий горный орёл, унёс не неприступную гору т. е. на Городище, что Бахтиара не брали ни зверь, ни меч, ни вода, ни огонь. Зюлейка выдала Бахтиара, и смелый разбойник был казнён в Уфе.

Вот всё, что можно сказать о Чортове Городище, покуда ктонибудь из посвящённых в науку не произведёт как на Городище, так и в курганах археологических поисков. До сих пор клады и находки попадали людям тёмным, и потому они или уничтожались тотчас же, или оставлялись без внимания. Между тем, эти находки объяснили бы всего лучше, к какому времени и народу относятся курганы. Всего этого будем надеяться в будущем, благодаря судьбе, сохранившую ещё для науки многие памятники местных древностей. Желательно, чтобы древности Уфы и его городища обратили на себя просвещённое внимание.

Теперь Городище – место любимых загородных прогулок уфимских жителей. С высоты Городища открывается роскошная панорама города и его живописных окрестностей, видных отсюда на 15 и 20 вёрст. Самая Уфа, расположенная частью на горах, а частью на равнине и окружённая с трёх сторон реками Уфой и Белой, при раскинутости строения и множестве садов, кажется обширным городом. Вся эта картина летом оживляется движением судоходства по этим рекам; а с настоящего года начали ходить и пароходы по Белой. С Городища в особенности хорош вид на Успенский мужеский монастырь, памятник времён царя Михаила Фёдоровича, обновлённый повелением Императора Павла I. Не менее живописны виды дачи г. Балкашиной и селения Чесноковки и Богородского: первое замечательно победою храброго Михельсона, 25 марта 1773 г., над мятежными скопищами Пугачова и освобождением Уфы от семимесячной осады, последние – чудным явлением иконы Казанской Божией Матери, бывшим в XVIII веке, во время башкирского возмущения. Икона хранится в Уфимском Воскресенском соборе.

(Русский дневник (Санкт-Петербург). 1859. 23 июня)

1860 год

№ 3. Вопрос о преобразовании губернских ведомостей

Провинциальный театр, как бы он ни был ограничен, находит сочувствие, губернские ведомости – никакого, или почти никакого, в читающей публике; этого конечно, нельзя сказать о наших журналах и газетах, всегда готовых знакомить нас с известиями из губернских ведомостей. Не говорим уже о немногом числе лиц, для которых эти ведомости доставляют факты по многоразличным отраслям любознательности. Провинциальному театру часто сочувствуют люди образованные, не увлекаясь ни снисхождением, ни поощрением, ни даже исключительной привязанностью к какойнибудь личности. Провинциальный театр подвергается рецензии, и почти всякий журнал с удовольствием печатает её; губернские ведомости и этого не удостоиваются, исключая попыток на рецензию их «Современника» 1850 и 1851 годов и «Москвитянина» 1850 года (№ 4), обратившего внимание на напечатанную в одних ведомостях раскольничью рукопись. Неужели губернские ведомости ниже всякой рецензии? Не в оправдание, но в объяснение этого положения, можно указать на худо, или вовсе непонятную цель губернских ведомостей, на их многолетний застой, если не всех, то многих из них, особенно тех, которые несколько лет только перепечатывают чужое, как медицинские и агрономические статьи из специальных журналов, или наполняют свой неофициальный отдел объявлениями о вновь выходящих книгах и журналах на будущий год. Кому всё это нужно знать – тот узнает и без губернских ведомостей. Некоторые из этих ведомостей не только приняли перепечатывание чужого за основное правило программы, но даже сами себе назначили формальную меру столбцов для неофициального отдела. Неужели в каждой губернии нет ничего своего и не о чём печатать?

Учреждение губернских ведомостей принадлежит к одному из самых благонамеренных предприятий, но они должны служить не для одного обнародования правительственных и местноначальственных распоряжений, не для одних объявлений о купле и продаже, о бродягах и пригульном скоте; при губернских ведомостях есть отдел неофициальный, цель которого – учёно-литературная, применённая к местности, ясно выражена в «Своде законов». В статье, относящейся к этому нет ни слова о перепечатывании. Изучение местности дело великое. Сколько бы очевидной пользы принесли губернские ведомости, если бы они были верны своему назначению; для неофициального отдела, по положению о губернских правлениях 1838 года, назначен даже

особый редактор, нестесняемый никакою другою обязанностию, который даже может быть лицо не служебное.

Мы хвалимся современностью, стремлением к просвещению, говорим и пишем, что литература наша далеко ушла вперёд, число журналов безпрестанно увеличивается, словом наступил век прогрессивной любознательности, когда нас занимает своё родное, а если и заимствуем чужое хорошее, то для пользы своему. Мы обратили внимание на самих себя и изучение своего отечества. Предметы изучения его так многосторонни и так многосложны. Чтобы изучить целое, необходимо знать отдельные части его, а для изучения этих отдельных частей и назначены у нас губернские ведомости. Где бы, например, было лучшее место для крестьянского вопроса, как не в губернских ведомостях, где под рукою все данные, нужные для разъяснения этого вопроса в каждой губернии особо, согласно её местных удобств, выгод и потребностей, наконец, сколько предметов для наук и литературы представляет каждый отдельный угол России, живущий своей особенною жизнью в прошедшем и настоящем. Жатва богатая для деятелей и деятельности; но для этого нужно обратить внимание на губернские ведомости, сделать, чтобы их читали; а чтобы их читали – нужно прежде улучшить их; за подписчиками дело не станет; теперь их нет и никогда не будет, если губернские ведомости будут в таком виде и направлении, как теперь, не смотря на дешевизну их – 4 руб. 50 коп. и с пересылкою, во все города. Не дешевизна, а достоинство, направление журнала привлекает читателей. Пять или десять человек, занимающихся казёнными подрядами в своей губернии, не много более того читателей, для которых опять таже цель – подряды; вот и все лица, интересующиеся губернскими ведомостями. Они рассылаются, исключая присутственных мест и начальственных лиц во все сельские и волостные управления, во все удельные приказы и во все церковные приходы, и по этому могли бы ещё иметь значение газеты народной; но и этой цели не поняли. Многие губернские ведомости начинали принимать характер исторический, но и ему не оставались положительно верными; вообще нигде и ни в каком случае, не усвоили себе никакого принципа, никакого направления; появлялись порою литературные статьи, лёгкие рассказы, но до того плохие, что оставались незамеченными. Губернским ведомостям необходимо дать всё, что требуется для хорошей газеты, допустив на столбцы их беллетристику; столичные газеты и журналы от этого ничего не потеряют. Сознание будущего губернских ведомостей невольно наводит на грустную мысль их настоящего, покуда ещё блуждающего в потёмках общего равнодушия. Чтобы разрушить этот мрак, надобно было

поощрить сотрудничество, и главное, обратить внимание на редакторов, более обезпечить их и придать им более значения в общественном мнении. Человек пишущий, сознающий в себе литературное призвание не возмётся быть редактором губернских ведомостей, даже в таком случае, если бы считал для себя достаточным 300 рублей серебром в год, назначенных за редакторство, и если бы даже горячо любил свой родной край; теперь им нет сочувствия, нет простора, нет хорошего сотрудничества. Одно невольное столкновение с чиновным миром, по своему смотрящим на мир литературный, уничтожит всякое доброе начало. Для таланта и труда порядочного есть журналы столичные. Кому охота, чтобы труд его, замеченный весьма немногими, пошёл на растопку печки в волостном правлении, или канцелярии частного и станowego пристава, для избежания разсылки экземпляров по приходам и волостным правлениям. Редакция губернских ведомостей невольно вверяется людям, неимеющим ни особой охоты, ни призвания к своему делу; к тому же обязанность эта, по большей части, возлагается на лицо служебное, сверх его должности, и редакция идёт себе так, между делом; правда бывают и исключения: люди со способностями делаются редакторами губернских ведомостей, но эта жертва временная, в виде искуса, в ожидании другого места.

В некоторых местах совсем нет редакторов, обязанность эта вверяется столоначальнику из учёных, т. е. когда нибудь бывшему приходским или уездным учителем, и вот источник, откуда происходит идея о перепечатывании, изобретение людей недалёких, исполняющих всякую обязанность *ex officio*; дело идёт скоро и легко, в несколько минут неофициальный отдел наполнен, целая неделя человеческой жизни и литературного труда прошла счастливо, на будущую неделю – Бог подаст.

Есть ещё тип редакторов, учёных по должности и сознающих потребность быть историографами, статистиками, чем хотите, и тут уже горе всей губернской старине. Если только где уцелели старые архивы от пожара, потопа и нашествия варваров, тотчас появляются в ведомостях древние тарханы, межевые грамоты, изменённые по своему и вообще изданные при полном отсутствии всякого понятия о требованиях науки. Это бы ещё всё ничего, факт всё-таки будет фактом, как бы ни искажил его варварский произвол, но избави Бог от учёных статей, писанных людьми, далеко не учёными. Конечно, из всего этого есть исключение, и в губернских ведомостях появляются статьи дельные, созданные под влиянием безкорыстия; но с улучшением ведомостей, благонамеренных сотрудников явилось бы более. Публика сумела бы оценить и губернские ведомости, лишь бы

они этого заслуживали. Замечательно, что губернские ведомости ничуть не лучше, даже в тех губерниях, где есть университеты и лицеи.

С улучшением губернских ведомостей и открытием в них полной свободы для литературы и политического отдела, пусть останется неизменным, настоящий их принцип – изучение местности. Нужно также увеличить самые столбцы неофициальной части, неограничивая никакою произвольною формальностию. Большой простор губернских ведомостей и изменение формата, конечно, требует улучшения самых губернских типографий, но из них многие и в настоящее время нисколько не уступают в средствах многим столичным. На губернские типографии обращается более или менее внимание и они доставляют казённый доход от печатания, конечно, не губернских ведомостей, но бланков, билетов и т. д. так, что остаётся, или по крайней мере, должна оставаться ещё порядочная сумма. Кроме того в губернских городах безпрестанно открываются частные типографии, конечно, не без потребности и выгод.

Наконец, можно было бы губернские ведомости отдать частным лицам, с обязательством печатать официальный отдел и с платою за печатание губернской типографии, для соблюдения её интереса. Взнявшие на себя издание ведомостей постараются об их улучшении и собственной пользе. При общем стремлении к усовершенствованию литературному, наверное, предприятие это нашло бы сочувствие во всех концах России.

Вопрос об улучшении губернских ведомостей, впрочем, так многосторонен и также должен применяться к местности, во всех её отдельных проявлениях, что, как все подобные современные вопросы, должен быть обсужден большим числом практических лиц. Одно только поклонничество старому времени может не хотеть развития каждого уголка нашей Руси. Будем надеяться, что, при усовершенствовании современной литературы, общее внимание обратится и на губернские ведомости. Если образованные государства не стесняются числом периодических изданий и журналов, то и мы идём теперь тем же путём, и истинные патриоты должны желать скорейшего присоединения губернских ведомостей к семье русских журналов, приращением которой должно гордиться истинное просвещение.

И куда губернские ведомости будут вполне зависеть от влияния и воззрения на них губернского начальства, положение ведомостей не изменится и не может улучшиться, а потому несчастные ведомости не найдут ни издателей, ни читающей публики. Говорить о том, почему влияние на губернские ведомости вредно для них, значит повторять то, что уже было высказано

«Русским Вестником» и «Русским Дневником». Развитию губернских ведомостей препятствовали иногда, и без воли местных властей, по разным причинам, из желания угодить властям, в том, о чём они не просили, но предполагалось, судя по окружающей их обстановке, что они именно желают этого.

Как бы то ни было, однакоже, и это истина безспорная, что для блага и реформы губернских ведомостей, и чтобы ведомости были органом выражения местных нужд и потребностей, необходимо, чтобы они были вне всякого влияния губернских властей, вне всякой, даже предполагаемой необходимости делать им угодное.

Лица, просматривающие губернские ведомости, не получают за это никакого вознаграждения, и потому не оказывают никакого усердия к делу, скорее отвлекающему их от настоящих обязанностей; от такого труда они спешат отделаться самым простым и лёгким способом и часто, не читая, не одобряют статей; отчёта никто не требует; редактор найдёт, чем пополнить неофициальный отдел перепечатыванием, или метеорологическими наблюдениями и объявлениями о приехавших и выехавших; тут уже смотреть нечего:

Подписано – так с плеч долой

Так издаётся большая часть губернских ведомостей; особое внимание оказывается лишь сотрудникам с авторитетом в губернском мире, людям с родством и значением, почему же они авторитеты в мире науки, об этом не спрашивают. Иногда даже не является перечень о происшествиях в губернии, потому что это канцелярская тайна... Начальник губернии утверждает к выпуску в свет оба отдела, официальный и неофициальный, уже напечатанные, с утверждения цензора. Это кажется нам излишним. Официальная часть ведомостей состоит из правительственных и губернских распоряжений, но всё это может быть доставляемо редакции от губернского правления и потом печатается с разрешения цензуры, как печатаются правительственные известия в наших газетах и журналах; до неофициального отдела, как частного, тем более нет дела губернскому начальству, разве бы редакция дозволила себе что либо противозаконное, в таком случае оно может принять зависящие меры. Власть начальников губернии так обширна, многостороння, что ему некогда отвлекаться газетой, требующей не одних административных познаний; это дело людей, посвятивших себя литературе и науке.

Наконец, нельзя ли совсем отделить официальную часть от губернских ведомостей и издавать её под этим именем особо, как газету казённую, правительственную, как например изда-

ются у нас сенатские ведомости. Отчего же не быть особой учёно-литературной газете особо и издаваемой частным лицом и главное независимым в каждой губернии:

Р. Игнатъев.

(Иллюстрация (Санкт-Петербург). 1860. 24 ноября)

1861 год

№ 4. Ещё о губернских ведомостях

Давно уже в литературе нашей, в числе многих современных жизненных вопросов, поставлен вопрос о необходимости преобразования *Губернских Ведомостей*. Литературное большинство и большинство общественного мнения давно решили, что *Губернские Ведомости* не должны оставаться в теперешнем их жалком, безвыходном положении и в застое.

Каждая из областей русских живёт собственной своею отдельною жизнью, имеет свои нужды, свои потребности, и крайнюю нужду в органе для выражения своих нужд и потребностей; этот орган – *Губернские Ведомости*; но увы! этот орган – немой; из *Губернских Ведомостей* всего чаще ничего нельзя узнать о том крае, во имя которого они издаются; часто случается, что из груды *Губернских Ведомостей* журналы и немногие труженники науки, изучающие святую Русь, извлекают едва-едва две-три строки. Почтенный их труд – труд пчелиный. Провинциальное общество волею и неволею, по собственной или чьей бы то не было вине, обращается к литературе центральной или столичной; но печатное слово должно раздаваться повсюду, где только существует человеческое общество. Реформа *Губернских Ведомостей* необходима; кажется, теперь можно бы дать им новую жизнь, расширить тесную рамку их нынешней, отжившей своё время программы. Вопрос этот не второстепенный, не ничтожный, о котором можно говорить слегка, к слову, или который можно совсем оставить впредь до благоприятного случая. Он безотлагателен, он слишком важен. Без пособия провинциальной литературы мало сделают одни центральные журналы при всей их благонамеренности, при всём желании послужить обществу. *Губернские Ведомости* могли бы быть важными пособиями в разрешении многих современных и будущих местных и общих вопросов. Теперь, например, приводятся в исполнение законы по крестьянскому делу, и современная литература обращается к провинциальным газетам и письмам за сведениями о настоящих экономических явлениях и о будущих условиях быта крестьян и помещиков и т. д. Но едва ли этому призыву вполне удовлетворяют настоящие *Губернские Ведомости* и даже большая часть провинциальных корреспондентов разных журналов, по причине, не касающейся впрочем предмета настоящей статьи.

По вопросу о необходимости преобразования *Губернских Ведомостей*, современная литература высказала много различных мнений; но все мнения, однакоже, приводят к одному ре-

зультату, что нужно изменить программу, обратить внимание на редакторов, на выбор и обеспечение их, назначить гонорарий за статьи в *Губернских Ведомостях*, и тем привлечь хороших сотрудников. Всё это прекрасно. *Псковские* и ещё некоторые из *Губернских Ведомостей* уже объявили о гонорарии от 8 до 16 р. с печатного листа; но если бы они назначили и гораздо более с нынешней программой, то очень мало успеют в своём деле. Вопрос всё-таки остался не разрешённым и в самом главном: кто должен издавать *Губернские Ведомости*, губернское ли начальство, или частное лицо, частная компания, за арендную плату? Кто может быть лучше редактором *Губернских Ведомостей*: директор, учитель гимназии, секретарь губернского статистического комитета, или лицо совершенно стороннее, не обязанное никакою службой? Многим мнениям как бы препятствовал высказываться принцип *Губернских Ведомостей* – обнародование в губернии распоряжений правительства и губернского начальства, словом, что теперь составляет официальный отдел *Ведомостей*: в неофициальный, или литературный отдел, по настоящей программе, допущены лишь скучные статьи местного содержания.

Прежде всего, в судьбе *Губернских Ведомостей* и вообще провинциальной литературы самое важное – это цензура. Цензура *Губернских Ведомостей* принадлежит гимназическому начальству; цензорами бывают директор, или, по назначению его, лица ему подведомственные: власть цензора самая ограниченная, в малейших недоразумениях подлежащая цензуре учебного округа, или университетской. Далее *Губернских Ведомостей* власть этой цензуры не распространяется. Автор, желающий напечатать своё сочинение в том городе, где он живёт, должен наперёд послать свою рукопись за сотню вёрст в столицу, или город своего учебного округа, для цензуры, а потом уже, когда цензура рассмотрит, разрешит и возвратит рукопись автору, тогда, и только тогда, автор может печатать свою рукопись в губернской или частной типографии. По существующим узаконениям, типография должна послать отпечатанный экземпляр сочинения в ту же цензуру, и ждать разрешения о выпуске из типографии; кроме того, есть много таких обстоятельств, по которым автор должен быть на-лицо, для необходимых объяснений с цензором. По этому, у нас очень мало печатается в провинции. Прибавьте сюда неразвитость книжной торговли, ибо редкий губернский город имеет книжные лавки. След., нет никакой выгоды печатать в губернском городе. Г. Н-ов, в № 38-м *Московских Ведомостей*, справедливо замечает, что желательно, чтобы губернской цензуре предоставлены были права петербургской

или московской цензуры. С этим замечанием нельзя не согласиться, точно так же, как и с высказанною г. Н-овым, горькою истиной о губернском обществе, о губернской литературе, о жалком положении редактора *Губернских Ведомостей*. Губернской цензуре даже можно было бы предоставить, чтобы статьи для *Губернских Ведомостей*, а равно и всё прочее, печатаемое в провинции, в случае сомнения местной цензуры, решалось на месте, *коллегиально*, в учёном совете местной гимназии; не худо было бы, еслиб цензор был лицо, не принадлежащее к гимназии, а назначенное на это особо от правительства и не занятое, кроме обязанности цензора, какойнибудь другой обязанностью, хотя бы преподаванием в гимназии, или в другом учебном заведении. Директору гимназии, который вместе с тем директор всех училищ в губернии, при современном безпрестанном увеличении числа училищ, при его обширной обязанности – не до цензуры; учителя гимназии преподают не в одной губернской гимназии, но и в женских училищах, гимназиях и частных домах; они едва успевают просматривать и нынешний литературный отдел *Губернских Ведомостей*, состоящий более из перепечаток. С изменением программы *Губернских Ведомостей*, особенно с предоставлением губернской цензуре прав столичной, цензура будет обременительнее. В этом случае мы не можем согласиться с *С.-Петербургскими Ведомостями*, когда-то высказавшими своё мнение, что директор гимназии и учителя – лучшие редакторы *Губернских Ведомостей*; и теперь большая часть редакторов – учителя гимназии, а дело всё-таки не подвигается – от недостаточности программы и времени.

Губернские Ведомости могут быть отданы в арендное содержание частным лицам, с обязанностью печатать правительственные и губернские распоряжения, казённые объявления, словом всё, что теперь составляет официальный отдел *Губернских Ведомостей*: в таком случае, само собой разумеется, в пользу издателей должны быть предоставлено: во первых, доход за печатание казённых объявлений, во вторых, суммы, отчисляемые из городских доходов и земских сборов на выпуск *Губернских Ведомостей* церковными приходами, и в третьих, доход с присутственных мест и должностных лиц за выпуск ими *Губернских Ведомостей*. В уплату же за арендное содержание вычитать из первых двух сборов 10 проц. в пользу казны. При этом интерес казны может быть обеспечен верным залогом. При таких условиях, будет полная возможность частному лицу быть издателем *Губернских Ведомостей*. Само собою разумеется, что об увеличении числа подписчиков, о лучшем издании газеты, о выборе и вознаграждении редакторов и сотрудников позаботят-

ся сами издатели, для своей же пользы. В таком положении, губернскому начальству нечего будет заботиться об издании *Губернских Ведомостей*, даже при губернских правлениях совсем будет излишним «газетный стол»: объявления, всегда составляемые присутственными местами, могут прямо от них, вместе с деньгами за печатание, за удержанием из них в пользу казны 10 проц., присылаться в редакцию *Ведомостей*, как и все распоряжения gubernского правления, печатаемые в *Ведомостях*. Частная редакция *Губернских Ведомостей*, должна в точности исполнять все требования gubernского начальства в отношении точного и немедленного печатания всех его распоряжений, пользуясь, сверх предоставленных ей сборов, ещё и gubernскою типографией. Но и самую типографию полезно было бы сдать на аренду тем же издателям, за особую плату, смотря по состоянию типографии, с предоставлением всех типографских доходов, в пользу арендующих. За то, принявший на аренду gubernскую типографию, в число платы за аренду должен печатать для gubernского правления: сыскные повестки, рассылаемые при *Губернских Ведомостях*, о розыске разных лиц в городские земские полиции; указы, рассылаемые по всем низшим присутственным местам в губернии, и не при *Губернских Ведомостях*, а прямо при указах gubernского правления; циркуляры, бланки и т. д. Издержки эти могут быть, приблизительно, рассчитаны и вычтены из арендной платы за содержание типографии. Положим, типография отдана за 5000 р.; за работы для gubernского правления и, пожалуй, канцелярии начальника губернии можно удержать в пользу арендующего 1500 руб., что будет очень достаточно. Между тем, с отдачею gubernской типографии в арендное содержание, gubernское начальство снимает с себя заботу о типографии, найме факторов, наборщиков, печатников и т. д., и о заготовлении разных типографских принадлежностей.

При новой программе должен увеличиться и объём *Ведомостей*; поэтому и цена их может увеличиться до 5 и 6 рублей (с пересылкой) за годовое издание; присутственные места и должностные лица, для которых необходимо следить за распоряжениями gubernского начальства, могут и не подписываться на *Губернские Ведомости* по увеличенной цене, а получать по желанию одни эти распоряжения, печатаемые в виде особых приложений. Что же касается до общих правительственных распоряжений, то присутственные места уже обязаны иметь *Сенатские Ведомости*, и все новые изменения в законодательстве, прямо сообщаемые местам средней инстанции – Сенатом, а низшей – gubernским правлением. Так называемые сыскные статьи могут быть рассылаемы даже и не при *Губернских Ведомостях*, а пря-

мо от всякого губернского правления в прочие губернские правления и во все полицейские места губернии, куда именно рассылаются сыскные статьи. Это нисколько не затруднило бы *ревизионный стол*, надзирающий; за немедленным исполнением предписаний начальства и побуждающий к немедленному выполнению этих предписаний, напротив того, сыскные статьи, при каждодневной деятельности корреспонденции ревизионного стола, рассылались бы скорее, а не ожидали бы по целым неделям рассылки *Губернских Ведомостей*, выходящих раз в неделю, именно по субботам, и рассылаемых потом в разные почтовые дни, согласно местными почтовыми правилами. Сыскные статьи слишком важны; но у нас, к сожалению, смотрят на них, как на клочёк печатной бумаги, которую и читать не стоит, и подлинно никто и не читает сыскных статей, тогда как не худо бы иногда знать их частному лицу, например занимающемуся промышленностью и т. д. Не худо иногда случайно узнать об отыскиваемой, и почему именно, личности, принятой на службу в частной или торговой компании, или в работу на мануфактурах и в разных промыслах.

Все эти перемены необходимы для улучшения *Губернских Ведомостей*. Но было бы ещё лучше, если бы в провинции явилось, независимо от *Губернских Ведомостей*, ещё два-три журнала. В больших городах, особенно где есть университеты и лицеи, это и теперь возможно. Тогда соревнование между ними много способствовало бы к развитию провинциальной литературы. Частная редакция уже потому необходима, что направление её будет направление века и большинства литературного, а не направление двух-трёх личностей, теперь произвольно располагающих *Губернскими Ведомостями*.

Если бы не явилось желающих быть издателями *Губернских Ведомостей* и вместе с тем – арендаторами губернских типографий, то, конечно, нельзя ни на кого лучше возложить редакцию, как на секретаря губернского статистического комитета, обезпечив его, как говорит г. Н-ов в № 38-м *Московских Ведомостей*, содержанием и пенсиею, сделав его лицом по возможности независимым, состоящим под непосредственным покровительством губернатора. Мнение бесспорное, особенно, если секретарём губернского статистического комитета будет определён литератор, а не чиновник с протекциею и форменным дипломом; иначе большого успеха трудно ожидать, хотя бы он прежде того служил где нибудь преподавателем географии и статистики: степень педагога и диплом ещё не дают права быть редактором. Мало ли людей с дипломами, коснеющих в канцеляриях, и которые, как только примкнули к последним, тотчас утратили всё

университетское и стали «Иосифами Ферапонтовыми», в роде героя в рассказе А.Ф. Писемского: «Старческий грех». Доказано, что высшие учебные заведения не творят ни учёных, ни литераторов, ни даже чиновников, а только способствуют тому, другому и третьему – сделаться учёным, литератором и пр. Мало-ли кто польстится на должность секретаря губернского статистического комитета и редактора *Губернских Ведомостей*, поставленную, по желанию г. Н-ва, на VI степень чиновничей иерархии, по пенсии на III степень, с жалованьем, сверх оклада по должности, за должность редактора 1000 руб. в год. Но не дай Бог, чтобы ктонибудь, какимнибудь случаем попав на это место, сделался учёным по должности... Горе газете, где редактор только учёный по должности!... Это уже испытали многие *Губернские Ведомости*, не раз за 300 р. в год приобретающие такого рода редакторов неофициального, или литературного, отдела. Взятые эти 300 руб., по долгу совести – не брать денег даром (о, великая добросовестность!), делались учёными по должности: историографами, археологами; писали, чтобы высказать своё рвение перед начальством, недопуская сотрудников, несмотря на то, что сотрудники эти – даровые не знающие никакого гонорария, кроме удовлетворённого патриотического чувства к газете своей родины. Но что же из этого вышло? – Вышло то, что лучше бы эти господа совсем не делались учёными по должности, и тем более учёными педантами, и не прибавляли бы собою ещё несколько тёмных строк в тёмную и без того историю *Губернских Ведомостей*. Попастись в редакторы было легко. Кто мог предварительно обсудить призвание и способность человека к этому важному делу? Неужели губернское правление, определяющее редакторов? О редакторе может судить общественное мнение и литература, а не одни только благонадёжные чиновники.

Но положим, что губернское начальство не ошибётся, уважение будет оказано не протекции, не диплому, а личному достоинству человека, как литератора и редактора, уже заявившего свою способность прежде того участием в журналах. В таком случае он должен быть поставлен точно в такое же положение, как и частные редакторы, о чём мы говорили выше. Губернское правление и присутственные места должны давать ему материалы для официального отдела, а не составлять его в губернском правлении. Газетный стол и здесь не нужен; редакция должна быть при губернском статистическом комитете, в полном распоряжении редактора, и состоять из людей вольнонаёмных; казённые объявления могут быть присылаемы от присутственных мест прямо в редакцию, и если они касаются дел частных и за них взыскиваются деньги, то последние должны быть отсылае-

мы в губернское правление, с обозначением, что вместе с тем составленная публикация сообщена редакции и с отметкою на публикации, для видимости редакции, что деньги тогда-то отосланы в губернское правление; самые публикации, по окончании года, должны быть отосланы редакциею в казначейство губернского правления для поверки с книгами. Само собою разумеется, что подписка и статьи принимаются в редакции; редакция должна заботиться и об исправном доставлении *Ведомостей*, посылая их прямо по адресу, а не в городские и земские полиции, как теперь рассылаются *Губернские Ведомости* по церквям, так что церкви получают несвоевременно, а иногда и совсем не получают газеты, по крайней мере многих №№ её. Это мы говорим по опыту, и ссылаемся на всех сельских священников. Редактор, если он будет лицо, поставленное от правительства, должен быть как бы издателем *Ведомостей*; в руках его должна быть сумма, которою он мог бы распоряжаться для гонорария и других издержек по редакции. Редактор должен быть лицо, вполне доверенное и самостоятельное, и тогда только можно что нибудь ожидать от *Губернских Ведомостей*. Сменять редактора, хотя он и секретарь губернского статистического комитета, должны лишь закон и общественное мнение...

Но мы всё таки стоим на своём мнении, что лучшая редакция для *Губернских Ведомостей* «редакция частная», которая заботилась бы главным образом об улучшении газеты, а не о служебном возвышении, не была бы временным искусством для занятия лучшего и высшего места.

Кроме всего здесь сказанного, возможен ещё один способ издания *Губернских Ведомостей*: они могут оставаться в своём теперешнем виде, и при существовании газетного стола, но без неофициального или литературного отдела, как газета официальная, каковы например *Сенатские Ведомости*. Но в таком случае необходимо, чтобы существовала ещё другая, собственно учёно-литературная местная газета, при которой было бы вовсе не нужно *Губернским Ведомостям* оставаться вместе с тем и газетой учёно-литературной. Примером могут служить *С.-Петербургские* и, кажется, *Московские Губернские Ведомости*, которые за существованием других литературных органов, не имеют особенной надобности в литературном или неофициальном отделе. Особая учёно-литературная газета, помимо губернской редакции, может под каким угодно названием и с какой угодно программой издаваться кем бы то ни было и печататься в казённой или частной типографии, по воле самого издателя.

Теперь о программе *Губернских Ведомостей*. Кем бы они не издавались, частным ли лицом за аренду, или при губернском

статистическом комитете, они должны допускать от времени до времени беллетристику, рассказы, стихотворения, учёные статьи преимущественно местного интереса, иметь постоянный политический отдел и телеграфные депеши, где есть на это возможности. Для *Губернских Ведомостей* необходим ещё отдел «юридический», где бы помещались: судебная статистика и процессы, оконченные в местных присутственных местах. Сведения по судебной статистике могут доставляться статистическим комитетом. *Губернские Ведомости* должны иметь корреспондентов в уездах, о чём они до сих пор не заботились и не могли заботиться, не имея права на выдачу гонорария; кроме того, они должны быть органом статистического комитета, т. е. печатать известия об его действиях, протоколы заседаний; труды же комитета, по обширности своей, должны, конечно, печататься особо и издаваться как издаются у нас вообще труды учёных Обществ. Не худо, если бы был и критический отдел, или по крайней мере помещался бы иногда критический разбор всего, выходящего в губернии: в больших университетских городах есть к тому полная возможность.

Программа *Губернских Ведомостей* могла бы быть следующая: I. *Правительственные распоряжения*: распоряжения же губернского начальства, заключающиеся в определениях, перемещениях, увольнении чиновников, в производствах в чины и наградах, публикациях присутственных мест, могут, как мы говорили выше, издаваться особыми приложениями. II. *Отдел политический*, где местная редакция найдёт это нужным, и телеграфные депеши. III. *Отдел учёно-литературный*: статьи учёного и общественного содержания, новости, рассказы, стихотворения. IV. *Критика и библиография*. V. *Отдел юридический*. VI. Смесь, куда могут входить биржевые известия и письма из уездов. Редакция должна стараться о приобретении статей сельскохозяйственных, агрономических, прямо касающихся и применимых к местности; в том же направлении должны быть статьи о мануфактурной и всякой другой промышленности. В настоящее время не худо *Губернским Ведомостям*, даже при нынешней их программе, иметь особый отдел, посвящённый крестьянскому делу, в том виде, как того требует правительство, современное общество и литература. – Формат, время выхода газеты должны зависеть от редакции: нет необходимости, чтобы газеты всех губерний держались одной наружной формы и обрезавали свои листы по одной мерке. При другой программе, при других редакторах и сотрудниках, *Губернские Ведомости* будут расходиться не в одной своей губернии а повсюду; здесь явится ещё соревнование одной губернской газеты с другою, а это со-

ревнование принесёт пользу литературе. Ещё раз повторяем, что без существенной реформы мало поможет гонорарий.

Если *Губернским Ведомостям* суждено преобразоваться и водвориться в семье русских, покуда только центральных газет, то безошибочно можно предсказать, что начало многих из них будет робкое. Сотрудники и корреспонденты журналов не тотчас примкнут к новому порядку; гласность ещё не развита и провинциальное большинство ещё против неё; даже найдутся такие глубокомысленные люди, которые в самых безвинных повестях и рассказах будут видеть свои образы даже там, где никто и не думал писать с них портреты. Причина понятна, и пожалуй иным сотрудникам достанется добрым порядком от сильных мира губернского. Не смотрите на наших провинциалов, что они как будто идут вслед за современностью. Отчего же для моды не завести воскресной школы, женской гимназии, публичной библиотеки, литературных вечеров? Провинция всегда была не прочь от модных фраз, платьев, танцев и романов. Отчего кстати не сказать модных слов: прогресс, гуманность, эмансипация? Но всё это по преданию дедов и отцов... Ведь Русские при Петре I надели же иностранное платье, а всё-таки остались верными временам монгольским. Однако же время и просвещение возьмут своё рано или поздно; доброе начало сделано, Россия идёт вперёд, младенчеству и отрочеству *Губернских Ведомостей* должен же придти конец.

В заключение повторим то, что уже было высказано в одном прошлогоднем журнале: вопрос о преобразовании *Губернских Ведомостей* так важен, что должен быть обсужден большинством людей специально-практических; в этом вопросе замешаны многие стороны общественного образования. Всё высказанное здесь повергаем на суд литературы, в полной уверенности, что на зов наш откликнутся те из просвещённых деятелей, для которых дорого всё, что клонится ко благу и преуспеянию дорогого нам отечества, ныне стремящегося к новой, светлой и отрадной жизни. Можно быть твёрдо уверено, что каждый из современных журналов с готовностью даст место на своих страницах всякому дельному замечанию, служащему к разрешению настоящего вопроса.

Р. Игнатъев.

С. Тунгатарово Оренбург. губ.

2-го апреля.

(Московские ведомости. 1861. 15 июля)

**№ 5. Корреспонденция Р.Г. Игнатьева
из Верхнеуральска, 12 августа 1861 г.**

Нам пишут из Верхнеуральска (*Оренбургской губ.*), от 12-го августа:

«С 20-го июля, с Ильина дня, всегда грозного по приметам наших предков, и до 12-го августа, когда пишу это письмо, идут непрерывные дожди, такие дожди, каких никто и не запомнит: дороги испортились, мосты сорваны водой, сильная затополь угрожает хлебам и только что скошенному и неубранному сену. А между тем Оренбургская губерния и так страдает от прошлогоднего неурожая; цены на жизненные припасы поднялись до размеров, небывалых в здешнем краю, до сих пор отличавшемся изобилием и дешевизной; теперь эта дешевизна год от году переходит и скоро перейдёт – в предание; скоро, кажется, в изобильной Оренбургской губернии на всё будут Петербургские и Московские цены... Вот ценность необходимых жизненных продуктов: в Верхнеуральском уезде пуд ржаной муки стоит 75 к., пшеничной 90, крупичатой 1 р. 25 к., крупа ячная 90 к., пуд овса, здесь овёс продаётся на пуды, 95 к., пуд сена стоил 3 и 2 ½ к. сер. Настоящее бедствие угрожает ещё большим возвышением цен; тяжело оно для земледельцев и для золотопромышленников. Надобно сказать, что население Верхнеуральского уезда составляют: казаки Оренбургского войска, государственные и заводские крестьяне, Башкирцы, Мещеряки, Тептяри; помещичьих крестьян здесь нет. Впрочем, для Башкир, Мещеряков и Тептярей, как не для земледельцев, ни недород, ни продолжительное ненастье неопасны. Земледелие их существует разве только на бумаге; правда, по предписанию начальства высевается ими по две, по три десятины, но и то не многими, большая же часть из них буквально не жнут, не сеют, оставаясь верною временам кочеванья по степям древней Башкирии.

Настоящее бедствие тяжело и для золотопромышленников: работы остановились или производятся с величайшими усилиями, при изнурении рабочих и лошадей; на известных в губернии, Троицких промыслах вода до того затопила разрезы, откуда берутся пески, что едвали остаток лета не придётся употребить на одно выкачивание воды и очищение самых разрезов. Кроме того в начале нынешнего года золотопромышленность была очень неудачна; стояли морозы и снег лежал в полях до половины апреля, работы на других приисках едва начались с мая, ибо мерзлость земли не давала возможности вскрыть золотоносные пески, и золотопромышленники должны были понапрасну содержать рабочих, нанимаемых обыкновенно к 1-му апреля и не

в одной своей губернии, но более в соседних губерниях, Казанской, Пермской, Вятской и частью Тобольской (из одного впрочем Кургановского уезда). Полагаем, что всё это нанесёт большой вред здешним промыслам. Осень, когда оканчиваются промыслы, лучше покажет результаты. Впрочем, дело золотопромышленности – лоттерея: если случится напасть на богатую золотом местность, то и убытки сглажены, даже и с излишком; золотопромышленник боится погоды, останавливающей работы, а не неурожая, в который дешевеют рабочие. Зажиточный крестьянин, или занимающийся земледелием не пойдёт в тяжкую работу на золотые промыслы; нет, это – удел бедняка, пролетария... Эти рабочие заслуживают названия несчастных более, нежели многие из арестантов. Так казаки Оренбургского войска, занимаясь хлебопашеством, мастерствами не идут в работу на промыслы, даже на те, которые находятся на их землях, тогда как Башкирцы идут на эти работы».

Р. Игнатъев.

(Московские ведомости. 1861. 8 сентября)

№ 6. Корреспонденция Р.Г. Игнатъева из Мензелинска, ноябрь 1861 г.

Ярмарка в Мензелинске (*Оренбургской губер.*). Наша ярмарка принадлежит к числу тех немногих ярмарок, о которых знают везде, в Москве и Петербурге. Значительность мензелинской ярмарки постоянно растёт; как привоз, так и сбыт товаров увеличивается год от году. Не излишним находим в этом, хотя и слишком кратком очерке и в довольно общих чертах, ознакомить читателей *Московских Ведомостей* с самым гор. Мензелинском, который должно сказать правду, несмотря на свою ярмарку, на выгодное географическое положение, – город бедный, сам по себе не промышленный, оживающий, после годовой мертвенности, на какие нибудь две недели по случаю ярмарки. Через гор. Мензелинск проходит почтовый тракт из Уфы на Елабугу и Вятку; здесь единственный почтовый и коммерческий тракт в Ирбит, на ирбитскую ярмарку; Мензелинск и его уезд граничат с губерниями: Пермской, Вятской, Самарской, Тобольской, и все торговые сообщения с этими местами производятся не иначе, как через Мензелинск; судоходство по рр. Белой и Каме соединяет Мензелинск с внутренними губерниями, с Казанью и Нижним-Новгородом. Из всех этих мест груз обыкновенно, особенно в мелководье, идёт до Уфы, а отсюда сухим путём до Мензелинска. Кроме того, близ Мензелинска находится значи-

тельная хлебная пристань Бирска (Оренбургской губернии), и в полноводье судоходство продолжается от Уфимской до Бирской пристани. Всё это, а в особенности дорога в гор. Ирбит, послужило несколько десятков лет тому назад к основанию мензелинской ярмарки, которая служит как бы началом Ирбитской; те же самые торговцы, по окончании Мензелинской ярмарки, отправляются на Ирбитскую; всё несбытое в Мензелинске сбывается в Ирбите. Мензелинск – торговое перепутье в Ирбит.

Мензелинск, в уезде которого во времена Грозного и покорения Башкир были владения именитых людей Строгановых, основан в 1584 году, воеводою князем Иваном Одоевским, для защиты Башкир от Киргизов, и для *грозы* над самими, безпрестанно бунтовавшими, Башкирами. Словом, это была пограничная крепость, «Мензелинский острожец», куда в 1782 году крепость не называли уездным городом Уфимского наместничества, потом переименованного в Оренбургскую губернию. Мензелинск населён был стрельцами; козаками и высланными на службу *смоленскими дворянами*, и теперь здесь более десятка тысяч мещан и крестьян называют себя «потомками смоленской шляхты». Так расплодился эта великолепная шляхта!..

Любопытно было бы проследить фактически начало и самое развитие мензелинской ярмарки, но неоднократные пожары, истреблявшие архивы, отняли всякую к тому возможность. Впрочем, кто не знает, как наши чиновники составляли в доброе старое время официальные сведения, да и теперь нередко фантазируют на всётерпящей и многомилостивой бумаге... На одной фантастической официальности и импровизированных цифрах на далеко уйдёшь; но всё-таки мы жалеем о такого рода сведениях.

Мензелинск, если смотреть на него с Уфимского или Бирского тракта, расположен на левом берегу р. Мензель; местоположение этого города частью ровное, а частью высокое и обрывистое; среди города по глубокому рву протекает ручей Кучканка и разделяет город на две части, из которых одна носит название «Кучканка»; весной от тающего снега на возвышенных местах города образуется ручей, в виде каких-то водопадов, и называется: «Скородумкой». Вместе с снегом исчезает и ручей Скородумка. В Мензелинске считается 1844 жителя, 2 церкви, 727 домов, в том числе только 8 каменных, уездное и приходское училище, женское училище 2-го разряда и наконец женская община при одной из церквей. Город выстроен без всякой планировки; правильных улиц не существует; идя по улице непременно наткнётесь на дом, ибо всякий строился там, где ему хотелось; многие дома построены на скорую руку и скорее по-

хожи на балаганы, чем на дома; они бывают обитаемы и отдаются в три-дорога только во время ярмарки, а всё остальное время стоят заколоченные. Вообще Мензелинск, выручавший 7 лет тому назад за квартиры 9000, теперь выручает 11 000 во время ярмарки. Для Мензелинска ещё в 1838 г. утверждён план, но чтобы отстроиться по этому плану надобно переломать и пересортировать целый город. Жители отзываются бедностью, и действительно бедны. Самое помещение такой богатой ярмарки, как мензелинская, – в деревянных лавках, лавчонках и балаганах. Впрочем, в этом отношении, улучшению самого города уже начало сделано; торгующее здесь купечество положило – все ярмарочные строения возвести каменные, на что по смете вычислено 120 000 р. сер. Всё это скоро исполнится и изменит вид города к лучшему, чем Мензелинск будет обязан иногородному купечеству... Оренбургские Губернские Ведомости в продолжении нескольких лет постоянно следят за ходом здешней ярмарки и, по официальным по крайней мере сведениям видно что не далее как в 1857 г. привезено сюда товаров на 3 850 000, в 1858 году на 5 500 000, в 1859 г. на 5 760 000, в 1860 г. на 5 248 500 и в настоящем 1861 г. на 5 108 320 р. сер. Но мы сказали, что значат официальные наши цифры и сведения: по цифре 1860 года можно судить как бы об упадке ярмарки в этом году, но на деле было совсем другое и сами купцы говорят, что они, как в 1860, так и в 1861 году, привезли товаров и продали более предшествовавших лет. Само купечество предполагает, что чрез несколько лет мензелинская ярмарка сравняется с ирбитской. Наиболее значительные предметы здешней торговли следующие: кубовая краска (индиго), бумажный товар, чай, сахар, хлеб, игольный товар, тесьма, разного рода меха и москательные товары. В последнее время, т. е. в ярмарку 1860 года, одного индиго продано более чем на 2 000 000 р. сер. В мензелинском уезде и в Вятской губернии по берегам р. Камы есть целые селения красильщиков, которые в нерабочее время, ездят по окрестным селениям своей и Оренб. губ., нанимаясь красить холст. Не менее важный предмет мензелинской ярмарки – торг лошадьми: этим торгом обыкновенно начинается ярмарка. Так-называемый конный торг продолжается с 27-го декабря по 1-е января, т. е. до начала двух-недельной, уже настоящей, ярмарки. Но купечество вообще желает, чтобы ярмарка начиналась не с 1-го января, а с 25-го декабря; тогда они [не] спешили бы, как теперь, заканчивать поскорее торговлю, чтобы поспеть на ирбитскую ярмарку, и успели бы лучше устроить свои дела. Говоря не столько по официальным сведениям, сколько по собранным на месте частным известиям и именно по мнению самих торгующих, на мензелин-

ской ярмарке приблизительно продаётся бумажного товара на 70 000, чаю и сахару более чем на 50 000; игол, тесьмы, шнура на 120 000, мехов разного рода, выделанных, на 25 000, сырых кож и овчин на 80 000, кожевенных изделий и сафьянных на 20 000, сукон, полотен, материй шелковых и шерстяных товаров на 200 000, москательных товаров на 60 000, шапочного и картузного изделия на 50 000, изделий стальных, чугунных, медных, железных на 30 000 и 40 000, галантерейных вещей на 10 000, церковных вещей на 16 000, бакалейных товаров на 50 000, позументов и апликовых вещей на 17 000, мёду и воску на 23 000, табаку простого на 15 000, всякого рода масла на 15 000, сундучного товара на 30 000, хлеба на 76 000, поташу на 15 000, рыбы на 10 000 и прочих товаров на 40 000 р. сер. Хлеб, чай, сахар и всякого рода масло продаются без остатка. Относительно же сбыта поташа, хотя Вятская губерния, ближайшие к Мензелинскому, Бирский и Уфимский уезды и вообще Оренбургская губерния изобилуют поташными заводами, однако главный сбыт поташа происходит на Нижегородской ярмарке. Одни заводы Оренбургской губернии производят более 70 000 пудов поташа, но уделяют только часть его для Мензелинской своей ярмарки.

По официальным, на этот раз справедливым сведениям, видно, что в настоящем 1861 году средняя цифра городского дохода с ярмарки простиралась до 13 000 р. сер. Здесь нельзя не вспомнить давно поднятого в литературе вопроса о том, что городскому обществу лучше бы самому распоряжаться своими доходами и удовлетворять потребности города. Тогда не таков был бы Мензелинск, и ненуждался бы в 120 000 руб. от иногородного, торгующего здесь, купечества. О Мензелинске и его ярмарке в будущем 1862 г. мы также надеемся сообщить в *Редакцию Московских Ведомостей*. *Р. И-въ.*

(Из письма в Редакцию Московских Ведомостей).

(Московские ведомости. 1861. 23 ноября)

№ 7. Корреспонденция Р.Г. Игнатьева из Верхнеуральского уезда, от 23 ноября 1861 г.

Из Верхнеуральского уезда (*Оренбургской губернии*), от 23-го ноября. Сообщаю несколько сведений о золотопромышленности в операцию 1861 года. Операция настоящего года, как я объяснял это в № 196-м *Московских Ведомостей*, встречала некоторые препятствия, то от слишком поздней весны, то от продолжительных дождей, затоплявших и канавы, или разрезы, от-

куда берутся золотосодержащие пески, и золотопромывальные машины. Теперь дополню, что в прежнее время операция кончалась 15-го октября, и в нынешнем году, на этом основании, золотопромышленники рассчитывали так же окончить работы 15-го октября; на этот срок нанимали и заключали многие из них свои условия с рабочими; но случилось иначе. К 1-му октября выпал глубокий снег, начались морозы, реки замёрзли, промывка золота стала невозможна и работы прекратились, кроме, и то не везде, – заготовления песков к будущей операции, и на многих приисках рабочие распущены ранее 15-го октября. Климат обширной Оренбургской губернии разнообразен и непостоянен: после раннего холода, с 20-го октября вдруг настала другая весна; все признаки наступившей было зимы исчезли; термометр доходил до 7% тепла, и только теперь, в конце ноября, зима начинает вступать в свои права. Не смотря на дождливое лето, урожай удовлетворительнее прошедшего года; цены на хлеб понизились значительно против прежнего; от дождей, затопивших во многих местах нашей губернии луга, по замечанию *Оренбургских Губернских Ведомостей*, причинён только вред сену, лежавшему в стогах, тогда как дожди начались по окончании сенокоса, с 20-го июля до половины августа... Хотя холода и дожди нанесли многим золотопромышленникам убытки, заставив их потерять вполне золотое для них время, однакоже, в настоящую операцию добыто золота более 125 пудов, открыто и заявлено вновь несколько приисков; более 14 000 человек рабочих из Русских, Казанских Татар, Башкир работало на здешних приисках, при 7000 рабочих лошадей и быков. Как жаль, что в Оренбургской губернии, не смотря на закон, позволяющий повсеместно золотой промысел, он производится только в уездах Троицком, Челябинском и Верхнеуральском, на землях Башкир, Тептерей и казаков Оренбургского казачьего войска! – Теперь все нетерпеливо ожидают желанной реформы в золотопромышленности; все единодушно и единогласно желают свободы золотого промысла. Золотопромышленность не должна быть в руках капиталистов из привилегированных сословий. Башкирцы и Тептери считаются здесь вотчинниками, а по закону о праве собственности на землю (424 ст. 1 ч. X т. Зак. Граж.), владельцу принадлежит всё то, что заключается не только на поверхности, но и в недрах земли, и кто из благомыслящих людей не согласится с дельным мнением *Оренбургских Губернских Ведомостей*, что Башкирам и Тептерям должно позволить свободную добычу золота на их собственных землях?

Наконец желательно, чтобы в Оренбургском крае скорее начался и развился промысел торфа, столь необходимого при

видимом истреблении лесов, при будущих железных дорогах, пароходах и т. д. Теперь ещё никто не решается на это дело.

(Из письма в Редакцию Моск. Вед.)

(Московские ведомости. 1861. 16 декабря)

1862 год

**№ 8. Корреспонденция Р.Г. Игнатьева
из Верхнеуральска, от 22 июля 1862 г.**

Из Верхнеуральска (Оренбургской губернии). Наш город один из тех далёких, могу сказать забытых, городков, каких у нас не мало на Руси. От Петербурга до него 2581, от Москвы 1908, губернского города Уфы 596, от Оренбурга слишком 600 вёрст. Верхнеуральск стоит себе в стороне, при верховьи золотосного и плодородного Урала, до Пугачёвщины Яика. Верхнеуральск город нетрактовый, в глубине Башкирии; но кругом его богатства всех царств природы, земледелие, горно-заводская промышленность, золотой промысел, о котором уже было говорено прежде в *Московских Ведомостях*. Климат в Верхнеуральске северный, морозы зимою доходят до 35 градусов, а нынешний год снег и холода продолжались до Троицына дня; потом пошли дожди, бури, наводнения; многие дома снесены наводнением, множество леса повалено бурей в Верхнеуральском уезде и окрестных уездах. Но говоря о Верхнеуральске, не излишним нахожу сказать об историческом его значении. При императрице Анне, в то самое время, когда созидалась в древней Башкирии Оренбургская губерния, губернатор князь Урусов основал при верховьи р. Яика крепость Верхне-Яицкую, с целью отражения набегов Киргиз-Кайсаков и для наблюдения за Башкирами, Калмыками и другими туземными и не мирными Азиятцами, коренными обитателями края: и не были без дела пограничные или полинейные крепости – то и знай тревоги и набег; но гарнизоны из роты ландмилиционных солдат, полсотни казаков, за силою земляного вала 2, 3 пушки наносили смерть и страх Азиятцам... В Пугачёвщину 1773 года, Верхнеяицкий комендант полковник Ступишин, вооружив женщин и детей с своею ротою, казачьею полусотнею и 2 пушками, отверг предложение или лучше грозный приказ Пугачёва – сдать крепость, и чтоже? Пугачёв, имея 20 000 чел., отошёл без выстрела, как говорит предание, выбрав коменданта *злым и упрямым*, между тем как тот же Пугачёв, не тронув Верхне-Яицкой крепости, разорил все прочие по линии и по р. Яику. В здешних архивах есть много документов касательно Пугачёвщины и прекурёзные ордера и возвания Ступишина; но они не были в руках историка Пугачёвского бунта. Пушкин ограничился одним Оренбургом и *не посетил архивов других городов* бывшего театра Пугачёвщины – Оренбургской губернии. После Пугачёвщины, Яик переименован в Урал, и Верхнеуральская крепость, при учреждении в 1782 году вместо Оренбургской губернии Уфимского наместничества,

названа уездным городом Верхнеуральском. Теперь в Верхне-Уральске около 3400 жителей, 3 церкви, но уж не современные Верхне-Яицкой крепости и 1 мечеть; жители здесь Русские, Башкирцы, Тептяри, Татары переселенцы Казанские, люди из них многие торговые и промышленные. Город разделяется на собственно город и предместье, населённое казаками Оренбургского казачьего № 6 полка; полковой штаб здесь же, в Верхнеуральске. Что касается до большинства жителей из Русских, то это более из переселившихся сюда в разное время даже и до Пугачёвщины из разных мест и почему же? По причине некогда бывшей баснословной жизненной дешевизны; отставной чиновник, отставной военный, бедняк посадский искали здесь спасения от бедности и спокойной жизни после трудов праведных; здесь было спасение всем карманно-униженным и карманно-оскорблённым... Не далее как лет 6, 7 тому назад необходимые жизненные припасы стоили здесь на серебро: мука ржаная 15 коп., пшеничная 20 к., крупчатая 1 р. за пуд, пуд сена 1 ½, пуд овса 10 к., фунт лучшей говядины 2 к., баранины 2 к., телятины 7 к., дрова берёзовые и сосновые 1 ½ р. саж. Теперь всё это стоит вдвое, а иногда и с половиною, а по письменным архивским документам доброго старого времени, именно в 1797 году ценность всего, что названо выше, составляла ¼ часть; 1 рубль платили за квартиру, в год за комнату, за 1 ½ руб. с отоплением; но на квартирах жили только пролетарии старого времени, всякий по дешевизне леса заводился домиком каким бы то ни было, но всё-таки своим, а не чужим. В Верхнеуральске нет ни одного каменного дома, ни казённого, ни частного, но между тем нельзя сказать, чтоб это был город совершенного застоя промышленности, напротив – здесь есть несколько заводов, а именно: 5 кожевенных, принадлежащих купцу Макарову и другим, 2 салотопенных купцов Лисицына и Соснина; винный и кирпичный гжи Пономарёвой и компании, недавно открыт чугунолитейный завод. Верхнеуральск улучшается, обстроивается, хотя он всё ещё как во дни предок «деревянный город». Но в нём недостаёт главного: здесь всеми сознаётся необходимость народного образования, а между тем всего одно приходское училище, да и то с недавнего времени. В Верхнеуральске слишком 3000 постоянных жителей разных сословий и для них нет уездного училища; к сожалению их нет, в Оренбургской губернии, в городах Стерлитамаке, Белебее; а Стерлитамак город торговый, промышленный, здесь богатая хлебная пристань. Потребность народного образования, училищ в этих городах достойна гласного заявления. Времена, когда достаточно было полного курса у пономаря и грамотея из солдатиков и лавочника, давно прошли;

этот полный курс недостоин теперь и сельской школы; сын бедного чиновника, даже менее того, стремится приобрести по возможности более научных познаний; для бедных родителей хотя бы чиновных, при жизни в отдалённом городке, не всегда есть возможность отдавать детей в гимназию за сотни вёрст, где нужно иметь средства содержать детей, платить за квартиру, ученье, стол, одежду, книги и т. п. Здесь всего лучше даётся на помощь бедняку курс уездного училища, да и какойнибудь мелкой руки торговец, ремесленник, уездный чиновник совершенно считает достаточным на всю жизнь курс уездного училища; но для этого нужно, чтоб оно было в своём городе, а не за сотни вёрст. Не угодно ли небогатым людям, хоть здесь в Верхнеуральске, посылать детей в уездные училища: в гг. Уфу, Оренбург, Троицк, близкие к нему в сравнении с другими городами: но от первого 596, второго 600, последнего 178 вёрст, и притом дороговизна содержания в этих городах, особенно в Оренбурге и Троицке!.. Тут у бедняка остынет всякий жар к образованию... Да, уездные училища для людей, не имеющих средств, необходимы в каждом городе, а в жертвователях на училища нигде недостатка нет. Верхнеуральск не менее всякого города нуждается в женской школе; на это нашлись бы и средства, нужно только время!..

22-го июля, 1862 г. Р. Игнатъев

(Из писем в Редакцию).

(Московские ведомости. 1862. 15 августа)

№ 9. Письмо из Оренбурга

Весны у нас, как об этом и было сказано в *Московских Ведомостях*, небыло: снег не сходил и морозы не прекращались почти до Троицына дня, по крайней мере во многих местах Оренбургской губернии; почти до конца мая, растительность не могла оживиться, но за то она быстро, тотчас же оживилась по мере прекращения холода, и к первому июня, как говорят, «лес оделся листом», травы, хлеб, яровое явились точно такими, какими им следовало быть к этому времени при нормальном ходе явлений природы. Но после резкого перехода от зимы прямо к лету от накопившихся глубоких снегов разлились реки, затоплены низменные места, в разных уездах нашей губернии снесено наводнением несколько деревень. Жарких дней было, в общей сложности, очень не много да и то в начале июня, но в конце его и в начале августа опять начались холода, даже морозы «утренники», погубившие хлебы в Троицком и Верхнеуральском уезде,

тогда как здесь в конце июня, при хорошей погоде и перепавших дождях можно было надеяться на урожай. Впрочем, есть места в этих и других уездах, где хлеб и яровой посредственны, сена в нынешнем году, говорят, довольно. Заметно, что с 1858 г. во всех местностях, прилежащих к Уралу, идёт параллель неурожаев и быстрого возвышения ценностей на провиант; в 1860 и 61 годах урожаи впрочем были хорошие, особенно в некоторых из уездов Оренбургской губернии например в Мензелинском, тогда как в соседнем к нему Бирском уезде урожаи были чрезвычайно скудны. Много хлеба нужно для горных заводов: это селения с тысячами жителей не хлебопашцев и эта потребность не может быть удовлетворена при малом развитии земледелия посредством урожаев двух даже трёх лет, и заводы в прошлом году действовали убыточно. В прошлом году заводчики предполагали просить правительство о понижении подати с меди, о наложении тарифа на заграничные чугунные и железные изделия и о дозволении учредить частный банк для залога недвижимых имуществ.

Навигация по судоходным рекам Оренбургской губернии началась в нынешнем году позднее; первые пароходы прибыли из Рязани в г. Уфу в конце мая, но по обыкновению посредством пароходства и судоходства в нынешнем году отправлено на Нижегородскую ярмарку лесных изделий, леса, меди, железа, поташа, кожевенных товаров и проч. как говорят на 1 000 000 руб. серебром. – Главный сплав металлов производят здесь чрез р. Белую, а отсюда уж в Каму и Волгу; в р. Белую горные и поташные заводы сплавляют свои произведения по рекам, речкам и ручьям, на которых расположены эти заводы, и которые все впадают в р. Белую. – Многие заводы расположены и при самой р. Белой, в мелководных же местах до этой реки груз отправляется сухопутным; для сплава употребляются барки, коломенки, подчалки, подшивы; наконец пароходство здесь буксирное. Пароходство доставляет сюда мануфактурные, колониальные и другие товары. Из числа горных заводов только следующие, но самые значительные заводы отправляют водою свои произведения, а именно: медиплавильные *Благовещенской* гг. *Дашковых* Уфимского уезда на р. Белой, *Преображенский* (Оренбург. уезда), г. Пашкова, при р. Урман-Зюлайре; *Стерлитамацкого* уезда, *Воскресенский*, *Верхоторский*, *Богоявленский* наследников г. Пашкова, на р. Торе и Усалке, *Архангельский*, *Верхне и Нижне-Авзяно-Петровские* господ Касаковской и Тимашева при реке Авзяне; железные: *Катаво-Ивановский*, *Усть-Катавский*, *Уразань-Ивановский*, *Минский*, *Симский*, *Миньярский* Уфимского уезда при реках Катаве, Уразане, Миньяре и Симе, принадлежащие гг. Белосельским-

Белозёрским, Сухозанету, Балашёвым; Троицкого уезда казённые заводы *Златоустовский, Кусинский, Саткинский* на рр. Ае, Кусе, Сатке и принадлежащий к ним *Артинский* завод в Красноуфимском уезде Пермской губернии; Верхнеуральского уезда *Белорецкий, Тирляндский, Каганский и Узянский* гг. Пашковых и Демидовых, при рр. Белой, Тирляне, Узяне, Каге. Произведения других заводов Оренбургской губернии идут сухим путём, но взамен того идут водою грузы произведений горных заводов Пермской губернии. В год, по судоходным рекам Оренбургской губернии, пройдёт груза до 1 500 000 пуд. Кроме того произведения 32 поташных заводов Оренбургской губернии, находящихся в уездах: Уфимском, Стерлитамацком и Бирском отправляют на Нижегородскую ярмарку до 70 000 пудов, а город Стерлитамак выделывает кожевенного товара почти на 200 000 руб. Пароходство, одно из самых благодетельных учреждений для здешнего края, существует только с 1839 года; желательно, чтобы пароходы теперь буксирные и для пассажиров, сделались вместе с тем и почтовыми. Наш край сильно нуждается в скором сообщении с столицами, внутреннею Россиею, и эта потребность чувствуется всё сильнее и сильнее. Почта в лучшее время года из Москвы и Петербурга приходит в Уфу губернский и центральный город Оренбургской губернии в 9 и 12 дней, в г. Оренбург 2 днями позже, но как почта из Уфы и чрез Оренбург не во все места отходит по два раза в неделю, но по одному разу, то в уездах получается чрез 18 и 20 дней; весной и осенью во время ненастьев, мятелей или буранов, почта запаздывает несколькими днями; всякая новость доходит уж не новою, а иногда самая корреспонденция доходит, особенно в распутицу, в таком виде, что ею нельзя воспользоваться. Хорошо, еслиб когда нибудь случилось то, что недавно было высказано одним из журналов, советующим немедленно отправлять уездную почту, собственно лёгкую, верхом как посылается эстафета. Теперь, благодаря учреждению нижегородской железной дороги, время для движения почты должно значительно сократиться: но из Нижняго-Новгорода почта могла бы быть доставляема на пароходах в Казань, Уфу и Пермь. Впрочем, вопрос о почтовом пароходстве давно поднят, дай Бог скорей ему осуществиться на самом деле. Почтовое начальство здесь сделало очень доброе дело для Оренбургских золотопромышленников, сократив время прохода почты в г. Екатеринбург Пермской губернии, центр управления золотыми промыслами Оренбургского края. Почта прежде из уездов Троицкого, Верхнеуральского, Челябинского отправлялась на Уфу и Кунгур, а теперь чрез Челябину, и прежде получалась в Екатеринбурге в 2 недели, а теперь в 1 неделю.

В настоящее время в Оренбургской губернии происходит в Оренбурге и Троицке меновой торг: давно уже пришли караваны из Хивы, Бухарии, Киргизских степей. Оренбург, ещё со времён императрицы Елисаветы в 1750 годах открыл меновую торговлю; Екатерина II в 1769 году устроила там великолепный меновой двор в 4 верстах от Оренбурга на берегу Урала, но теперь Оренбургу является новый соперник – Троицк и дело идёт к тому, что откроется мена и в крепости Форт-Перовский, близ границ Кокана. В Троицке мена начинается с начала, а в Оренбурге с половины июня; в Троицке тоже прекрасно устроенный меновой двор на берегу р. Уи, при которой лежит Троицк. Нынешний год первые караваны прибыли сюда в конце мая и тотчас же открылась торговля. В Оренбурге начало менового торга бывает всегда торжественное. Русское купечество собирается в церковь Вознесения в гостинном дворе, а оттуда после службы бывает крестный ход на меновой двор, где существует церковь во имя Св. Захария и Елисаветы. Внутренность Оренбургского и Троицкого меновых дворов, обнесённых каменною стеною с 2-мя воротами, разделяется на три части: Русскую, Бухарскую, Хивинскую; потом есть особый двор для Киргиз, исключительно торгующих скотом и войлоком или кошмою; трактиры, питейные выставки и т. д., как не касающиеся главных предметов торговли, имеют особые временные помещения, деревянные домики, балаганы, шатры, палатки, мечеть – необходимая принадлежность менового двора. И подлинно, ничего нет своеобразнее картины менового торга; трудно, особенно в слишком коротком очерке, объяснить всю эту русско-азиатскую пестроту, эти лавки в азиатском вкусе, многие из них с каминами с прямыми трубами или «чувалами» и очагами какого-то особенного устройства, наконец незнакомого с азиатским бытом поразят эти кочевья Киргиз близ менового двора в войлочных шатрах или кошмах в виде сенных стогов, эти стада всякого рода скота, лошадей, верблюдов, одних верблюдов десятки тысяч; оригинальна очень выставка надгробных памятников с позолоченными арабскими надписями из корана, в виде пирамид, увенчанных чалмою: их привозят Хивинцы. Хивинцы очень хорошие каменотёсы: нарезные арабские буквы, золочённые, серебрянные, изпещрённые красками самыми яркими сделаны рельефно и большею частью мелкой, искусной работы. Во время мены страшная дороговизна квартир в Троицке и Оренбурге: платили нынешний год от 15 до 25 руб. сер. в месяц за одну, две комнаты; в особенности на это щедры Бухарцы, которые привозят даже и жён, но помещают их в 10 верстах от Оренбурга, в Семеновском посаде, или Каргале. Киргизы не терпят другой крыши кроме своего войлока.

Вот предметы для менового торга, которые доставляют в Оренбург и Троицк Хива, Бухара и т. д. фрукты (сухие), хлопок, цитварное семя, пряжа хлопчато-бумажная, лазурик, платки, шали, выбойка, бязи белые и крашеные, марены, сусь или алады, шёлк-сырец, занавесы, мягкая рухлядь, халаты, ковры, одеяла, кушаки, ярмолки, мерлушки бухарские и киргизские, надгробные памятники и разные мелочные товары. В замен того из Оренбурга и Троицка идут: железо, медь, чугун, сталь, иглы, олово, бумажные и полотняные изделия, шёлк, сукно, кожи, чай, сахар, сундуки, зеркала, посуда, красильные материалы, писчая и обёрточная бумага, разная мелочь и главное *звонкая монета* всякого рода. По официальным данным, её идёт из Оренбурга до 35 000 и Троицка до 50 000 руб. сер. в год. Трудно и даже невозможно объяснить частные сделки торговцев. «Можно утвердительно сказать, что меновой торг с Азией одна из важных причин, куда девается наша звонкая монета»... «Ни Хива, ни Бухара не имеют своего собственного серебра и золота, то и другое им даёт Россия»... С одной стороны даже становится странным, почему Оренбургская и Троицкая русско-азиатская ярмарки называются меною, тогда как Азиятцы не всегда меняют товар на товар, но прямо за всё требуют наличными и не иначе как звонкою монетою; наше купечество припасает её всегда ко времени мены и просто на деньги покупает большею частию товары; для Хивинцев и Бухарцев нужен благородный металл: они ценят русские деньги как металл, которого у них нет, не более того. В Оренбурге и Троицке наше купечество так дорожит звонкою монетою, что избегает всяких мелких расчётов с покупателями, не продаёт по мелочи, во избежание сдачи, и это выгодно для менял, у коих свои лавки для размена бумажных денег на золото и серебро; берут за размен по 3 и 5 коп. с рубля; менялы, более из Татар, необходимая принадлежность Оренбургских рынков. Мена кончается в сентябре.

Р. Игнатъев.

(Московские ведомости. 1862. 10 октября)

№ 10. Письмо из Оренбурга [второе]

Письмо из Оренбурга. С наступлением сентября прекратилась Азиатская или меновая торговля Оренбурга и Троицка; Азиатские гости разъехались, торговали они хорошо и вывезли, как и всегда, в Хиву и Бухару довольно звонкой монеты, имеющей для них, впрочем, ценность только как металла. Из официальных сведений видно, что на оба меновые двора Оренбург-

ский и Троицкий, средним числом привезено хлопка, шелковых и бумажных тканей, аптекарских, москательных товаров, мерлушки бухарской и киргизской и проч. более чем на 1 900 000 руб., выменено или лучше сказать вывезено во внутреннюю Азию сукон, полотен, красильных материалов, кожевенного товара, железа, меди, чугунных вещей, чаю, сахару, шёлку, сундуков, зеркал, посуды более чем на 500 000 руб. В нынешнем году, не смотря на хороший привоз, был дорог хлопок, по 8 и более руб. пуд. Говорят, что караван с хлопком, шедший из Хивы, на пути был куплен Бухарцами, которые его и доставили и продавали из барышей на наших меновых дворах.

Погода почти везде в Оренбургской губернии стоит холодная; в нынешний год едва ли не скоро окончатся и навигация и золотопромышленность. К новостям прошедшего августа принадлежит – известная комета, о которой так много было писано в журналах: она видима была с 14-го августа, с 11 и до 2 часу ночи, свет хвоста был яркий, ядро же казалось тусклым. Уж не появление ли кометы, которую здешние Башкирцы называют: *Юндуз-Хыпыртки*, т. е. звезда с хвостом, по башкирскому взгляду было причиною несвоевременных холодов, наводнений и бурь весною? По известиям из других губерний везде жалуются на то же самое, на дороговизну и т. д.

Важно для Оренбургской губернии разрешение золотопромышленности в Киргизских степях. Кстати о золотопромышленности: отменён наряд казачьих команд на золотые прииски, высочайше дозволено заменять их вольнонаёмными. Казаки Оренбургского войска – земледельцы и ремесленники; наряд куда бы то ни было на полицейскую службу отрывал их от занятий, более необходимых для их благосостояния, и пожалуй от настоящей обязанности казачьих войск – линейной службы. Казаки не были полезны или незаменимы для чиновников горной полиции и совершенно бесполезны на приисках, где 1 или 2 казака не могли да и не уполномочены были смотреть за нравственностью 200 чел. рабочих и за порядком на прииске; за этим следят сами хозяева, прикащики; между тем, содержание каждого казака с лошадью, по справочным местным ценам, стоит от 8 до 15 р. сер. в месяц, и деньги эти платит золотопромышленник, с которого на содержание полиции и казачьих команд взыскивается горная подать. Вопрос этот возник, впрочем, давно в здешних местах, как только отменён был наряд казачьего полка в Москву, на полицейскую службу. Желательно было бы, чтобы это самое положение было введено в Сибири и Киргизской степи.

Осень и зима – скучное вообще время в далёких уголках по замкнутости жизни, по раздельности общества; впрочем в Орен-

бурге есть театр и труппа артистов под дирекциею г. Иванова, о чём уже было говорено в *Московских Ведомостях*. В Уфе выстроен вновь городской театр, хоть деревянный, но хорошо устроенный; хотели пригласить на зиму артистов из Казани, но, говорят, дело не состоялось; зимою, впрочем, будут происходить благотворительные спектакли. Замкнутость городской жизни, впрочем, разнообразят ярмарки, принесения чтимых народом икон, как-то, например в настоящее время в Оренбург из бывшей крепости, а теперь села Тобынского, Стерлитамакского уезда, иконы Божией Матери Тобынской или весною в Уфу иконы Св. Николая Чудотворца из села Бердовско-Камской. Тысячи народа стекаются тогда в эти города; целые города, начальства, войска выходят на встречу чтимым иконам. Оба списка древние, Византийские; последний найден в лесу, на берегу Камы, в XVI веке близ села Берцовки¹, принадлежавшего тогда именитым людям Строгановым, и в то самое время, когда Ермак собирался идти добывать царство Сибирское. Целый месяц и более чтимые иконы гостят в городах и потом тысячи народа провожают их обратно.

Крестьянское дело, не смотря на неминуемые недоразумения со стороны неприготовленной к нему массы, не совсем понимающей «своё новое положение», идёт успешно; бывшие крепостные оживают духом, предчувствуя что-то хорошее в будущем, а главное хотят учиться, учить детей. При этом, как очевидно, не могу умолчать об одном случае, как о самом отрадном факте. В с. Васильевском, Оренбургского уезда, открывали училище для мальчиков, и когда после молебствия, священник обратился к миру с пастырским словом о необходимости грамотности, откликнулись женщины и громко заявили свои требования: «как же это, батюшка, а нешто для наших дочерей не нужна грамота? Нынче не то время, не приходится быть тёмными людьми, нужно и их учить уму-разуму!»: Священник, разумеется, одобрил эту мысль и изъявил свою готовность, и вот теперь учат и девочек. Надобно заметить, что стремление грамотности преимущественно заметно среди временно-обязанных крестьян, тогда как цифра училищ на стороне здешних государственных и удельных крестьян. *Р. И-въ. 23-го сентября.*

(Московские ведомости. 1862. 1 ноября)

¹ Опечатки в тексте, надо: Берёзовки-Камской.

№ 11. Из Стерлитамака

Из Стерлитамака (*Оренбургской губ.*), 27-го октября. Стерлитамак принадлежит к числу промышленных городов России: значительная пристань при р. Белой, сообщение с поволжьем, торговля хлебом, лесом, лесными изделиями, кожевенные заводы. Стерлитамакский уезд один из хлебородных в Оренбургской губернии и замечателен в отношении горного дела; на здешних заводах ежегодно добывается до 400 000 пуд железа и меди; поташные заводы выделывают каждый год по 120 000 пуд поташа и шадрика. Железо, медь, поташ и шадрик идут в Казань, Нижний-Новгород и на Мензелинскую ярмарку. В Стерлитамакском уезде при селе, бывшей крепости или городке Табынском, несколько лет тому, найдена фаянсовая глина, по исследованиям не уступающая знаменитой Рошфордской; но ещё кто знает, что таится здесь в недрах земли? Никому ещё покуда не приходило на мысль поискать золота, торфа и графита... Не смотря на богатство природы, на хлебную пристань, на кожевенные заводы в самом городе, производящие кожевенного товара на сумму до 200 000 руб. сер., на зажиточность многих из жителей, Стерлитамак, судя по его наружной обстановке, кажется бедным городком, каких ещё у нас не мало на Руси. Стерлитамак теперь часто был опустошаем пожарами, особенно в прошедшем году, но и до пожаров был не лучше. Стерлитамак стоит на почтовом и коммерческом тракте из Уфы в Оренбург и отстоит на расстоянии от первого в 125, а последнего в 226 верстах; коммерческий тракт в особенности важен для Азиатской торговли, во время так-называемого менового торга в Оренбурге. В Стерлитамаке считается более 7000 жителей, 2 церкви, 1 мечеть, строения каменного очень мало, но оно отличается хорошою архитектурю, собор Покрова Богородицы и мечеть. Говорят, что один здешний хлеботорговец, из магометан, когда-то предлагал построить новый православный собор на свой счёт... Сначала не согласились, а потом когда согласились, то передовой человек из магометан уже и сам, в силу собственного самолюбия, отказался и вот Покровский собор несколько лет строился и только-что недавно состроился на общественный счёт. В храмовой праздник Покрова Богородицы (1-го октября) бывает здесь ярмарка, самая, впрочем, незначительная, полезная только городу и его окрестностям; однако же для этой ярмарки приезжают торговцы из Уфы, Оренбурга, Бугуруслана и Бугульмы Самарской губернии, более смежных с Стерлитамаком. В Стерлитамаке кроме судоходной р. Белой, впадающей в Каму, протекают реки Стерля, впадающая в р. Белую, и Ашкадар. Слово Стерлитамак по

татарски значит – устье р. Стерли. Стерлитамак может похвалиться хорошим местоположением и окрестностями: в 3-х верстах от него находится известная здесь в Оренбургской губернии гора Алатава, имеющая вид пирамиды. Об этой горе, видимой на десятки вёрст, рассказывают очень много: что на вершине её есть озеро, водятся лебеди, что когда-то нашли на дне озера *корабельное дно* (!?). В сущности этого ничего нет и не бывало озера, как это оказалось по не одному исследованию. Верьте после этого преданиям, хотя большинство их не выдуманно и по крайней мере взято с чегонибудь... Стерлитамак разделяется на собственно город и две слободы: «Татарскую и Кожевенную». Из них первая населена Казанскими Татарами, Башкирцами и Тептярями; последняя же – кожевенниками, исключительно старообрядцами безпоповщинской и бегло-поповщинской сект; все они выселились сюда из разных мест России, или по своей воле как люди предприимчивые, или высланы правительством во времена императрицы Анны, когда устраивался и заселялся здешний край, строились крепости по Киргизской линии и основан Оренбург. Нового человека с первого раза поражает Кожевенная слобода своею мрачностью, мертвенною тишиною в неработное время; все дома как на один покров, ворота с навесами, медная литая икона или крест красуются на каждых воротах; выходящий со двора прежде молится воротной иконе, а потом кланяется на все стороны. Ярмарка, как нарочно, имеет особое помещение (деревянные лавки и балаганы) близ Кожевенной слободы и несколько дневным шумом возмущает спокойствие жителей. Здешние слобожане люди трезвые и трудолюбивые. Стерлитамак был русско-татарским селом: Русские сошлись сюда из разных мест ещё по преданию со времён царя Фёдора Ивановича. В тоже время выселились сюда Казанские Татары; выселенцы поняли местные выгоды и пристань и судоходство возникли давно, а горнозаводское дело началось с половины XVIII века. В 1782 году село Стерлитамак сделалось городом Уфимского наместничества, а потом в 1798 году уездным городом Оренбургской губернии. Несколько лет тому, чрез Стерлитамак стали ходить из Уфы до Оренбурга и обратно почтовые пассажирские экипажи, но на первых порах их встретило не сочувствие публики, не смотря на дешевизну – 5 рублей за место в экипаже, спокойное и удобное и сверх того с правом безденежной клади до 1 пуда. Никто не хотел ездить, экипажи часто отходили пустыми, без пассажиров, с одною почтою; но за то на следующий год пассажиров считали сотнями, а теперь уж иногда нельзя достать мест, и многие за два, за три дня записываются в Уфимской, Стерлитамакской и Оренбургской почтовых

конторах. Почтовое начальство год от году улучшает экипажи; экипажное заведение в Уфе при почтовой конторе добросовестно делает своё доброе дело; экипажи отходят из Уфы в Оренбург и из Оренбурга в Уфу по два раза в неделю. Дорога не шоссейная, но порядочная, станционные хороши дома, но важный недостаток – нет гостинниц; ничего нельзя порядочного отыскать даже и в самом Стерлитамаке, где тоже нет ни гостинниц, ни трактиров, ни даже какого либо официального приюта для приезжающего. В случае, еслиб нужно было прожить два – три дня в Стерлитамаке, нужно отыскать квартиру, но квартира оказывается неудобною, а хозяин-спекулянт берёт дороже иногда столичного... На Стерлитамакской пристани сплавляется разного рода хлеба до 500 000 пудов, леса на 50 000 руб. сер. Предположительно, буксирное пароходство принесёт здесь большую пользу, хотя пароходы по мелководью не могут подходить прямо к городу, да и вообще большие пароходы не удобны. В 1861 году здешний помещик г. Левашёв и компания положили основание такого рода буксирному пароходству. Пароходы эти, взяв груз идущий из Стерлитамака близ города и потом идущий из Оренбурга при дерев. Пьянчиной и Мелеузкой, могут следовать по течению р. Белой до Уфы, где груз и взятые на буксир суда передаются здешним пароходам, начавшим ходить от Казани в Уфу с 1859 года. Уфимские пароходы уж следуют до Казани и Нижнего. О судоходстве и промышленном сбыте Стерлитамака скажем после, говоря вообще о пристанях и судоходстве Оренбургского края. Здешний край ещё не достиг далеко того, чего ему суждено достигнуть; но начало есть и за то спасибо, что он начинает пробуждаться от векового забытья... Первые его поселенцы искали только местных выгод и выгод жизненных; для них они покинули родину, пустились на колонизацию, не думая вовсе о центральных рынках, об остальной России, о расширении своих выгод, да и не могли думать, встречая тысячи препятствий: недостаток путей сообщения, климат. Те же самые, очень основательные, причины пугали промышленных людей центральных рынков пускаться в Оренбургский край, да и теперь времена страха не прошли, хотя и проходят. Пароходство, будущая Уральская железная дорога сделают то, чего никогда бы не сделали ещё тысячи лет... Но независимо от промышленности, полагаем, первая современная потребность каждой местности – озаботиться делом просвещения. Ведь это дело стоит теперь на первом плане в жизни Русского народа: он желает учения, а остальное, само собой истекая из того же светлого источника, само собою и придёт... В Стерлитамаке нет ещё слова о женском училище, но нет и уездного училища, и содержать де-

тей в Уфе и Оренбурге доступно только достаточным; да и то дело заглазное; нужно поручать детей чужим людям, а это не всегда-то хорошо. Пункты, на которых существуют училища в Оренбургской губернии, назначены во времена былые, при издании указа о народных училищах в XVIII веке, или в начале настоящего столетия при учреждении гимназий и уездных училищ. Во времена-оно может быть для Оренбургской губернии всё это было очень достаточно... Недавно было писано в *Московских Ведомостях* о необходимости уездного училища для Верхнеуральска, города бедного в сравнении с Стерлитамаком, но одинаково нуждающегося в училище, как для первоначального образования, так и для людей недостаточных, чтоб содержать детей в гимназии, да и по званию и потребности не простирающих желания далее уездного курса. Ужели б здесь не помогли великому делу люди достаточные, заводчики, купечество и т. д.? Дай Бог, чтоб скорее осуществился проект о уездных курсах или *прогимназиях*, и тогда, они возникнут во всех городах и будут истинным благодеянием и для городов отдалённых от гимназий и для тех, для которых достаточен курс прогимназий.

Р. Игнатьев.

(Московские ведомости. 1862. 16 ноября)

№ 12. С золотых промыслов Оренбургской губернии

С золотых промыслов Оренбургской губернии, *20-го октября*. Ранние холода с 1-х чисел октября прекратили работы на большей части золотых приисках Троицкого, Челябинского и Верхнеуральского уездов; другие же хотя с затруднениями, но продолжали работы по 15-е октября, согласно большей части контрактов с рабочими. Некоторые из здешних золотопромышленников разъезжаются, а другие напротив того остаются всю зиму; даже есть такие, которые постоянно проживают на приисках со всеми удобствами жизни землевладельца. Рабочие, а их всегда бывает не менее десятка тысяч, тотчас распускаются по домам, с окончанием золотой операции и надобно заметить, что при выходе рабочих с приисков здесь не видано, не слышано тех беспорядков, которые совершаются в Сибири, и о которых даже читать страшно. Оренбургских промысловых рабочих не сопровождает никакая полиция, исключая Башкир, которым сопутствует назначенный их начальством офицер, или урядник. Почему это так? Кажется Русский человек везде один, – вот вопрос, требующий разрешения. Мы, местные жители, за это не берёмся, но только удивляемся выходу рабочих с Сибирских золотых промыслов.

На золотые промыслы Оренбургской губернии нанимаются крестьяне всех ведомств: мещане, отставные солдаты в губерниях Казанской, Вятской, Пермской, Тобольской (Кургановского уезда), кроме того, Башкиры, Тептяри, мастеровые горных заводов Оренбургской губернии, и высшая плата рабочему, исключая мастеровых, плотников, печников, кузнецов, не превышает 5 руб. сер. в месяц, с хозяйским содержанием по контракту. Золотопромышленники начинают предпочитать контрактацию *вольные* работы, сплатою с золотника добытого золота от 1 руб. 80 коп. до 3 руб. сер., и здесь есть много выгод. Промысловое управление, оставляя за собою строгость надзора, не заботится о содержании рабочих и лошадей, при увеличивающейся дороговизне, так что пуд муки ржаной теперь доходит до 1 руб. сер.; не заботится о найме рабочих, не посылает корреспондентов за сотню вёрст, в Казанскую или Вятскую губернию и т. д.; артель рабочих, снабжённая всем необходимым, сама является к услугам, и побуждаемая единственно собственным интересом, работает во сто раз усерднее, нежели заключивший контракт по бедности и неуплате подате – *Контрактный рабочий!* Слово это перешло здесь в народную укоризну; так называют здесь того работника, который думает только о том, как бы ему отбыть число договорных дней. Никогда не выдавшие золотых промыслов владельцы или члены компаний, вверяясь великолепным обещаниям, отдают промыслы на аренду, но, увы! аренда золотых приисков то же, что аренда населённых имений, во время крепостного права. Золотопромышленность то же крепостное право на недра земли. Правда, это крепостное право и временное, но арендатор год другой даёт хороший доход, и в то же самое время, под влиянием чисто золотой лихорадки, выберет все лучшие места и, разумеется, не поддержит ни машин, ни какого приискового имущества, и когда, что называется выжмет сок, тогда, оставя аренду, сдаст промыслы в таком виде, как некогда сдавал Еврей какомунибудь барону, возвратившемуся из крестовых походов, его наследственный замок. Временный владелец, разумеется, думает только о своём времени. Пусть в этом случае ктонибудь уличит нас в неправде. На Оренбургских золотых промыслах, в настоящем году, добыто золота, предполагают, менее 100 пуд., но об этом скажем после: в конце октября золото только поступает в казну, сводятся счёты и т. д.

От золотого промысла переходим к вино-акцизной системе. Есть ли теперь на Руси самый отдалённый уголок, которого бы не занимала эта мысль? Где нет толков, споров, хлопот, желания пуститься в виноторговлю? В Оренбургской губернии в будущем году много появится новых винных заводов; некоторые и из зо-

лотопромышленников пускаются на устройство заводов, на снятие кабаков, выставок; выгоды кажутся несомненны; потраченные капиталы немедленно возвращаются в карман предпринимателя. И дай Бог! Этому желает правительство, желает вся святая Русь; но здесь, невольно является несовсем светлая мысль, что во всём этом непременно примут участие служители бывшего откупа. Но кто из нас не понимает, что значат воспитанники акцизно-откупного комиссионерства, начиная от кандидата в высшие акцизно-откупные должности, до кандидата в сидельцы? Строгий закон, строгий надзор, без добросовестности исполнителей никогда ещё не достигали цели; недобросовестность всегда найдётся вопреки всякой строгости, вопреки всяких запрещений; что запрещено, то и приманчиво. Закон строго запрещает винную продажу на расстоянии не менее 50 вёрст от золотых промыслов (ст. 2538 VII т. уст. горн.), но что же? Не смотря ни на какие преследования, рабочие на казённых и частных золотых промыслах, точно также попадают в пьянстве, как и при открытой винной продаже, точно также находят случай сбить хищническое золото при помощи сидельца питейного дома. *Р. Игнатъев.*

(Московские ведомости. 1862. 16 ноября)

№ 13. Село Тобынск

Село Тобынск, Стерлитамакского уезда (Оренб. г.), славится в народе «святым местом», привлекающим десятки тысяч богомольцев, о чём вряд ли знают и наши духовные журналы и все те, которым Оренбургская губерния известна лишь по имени. В промышленном отношении, с. Тобынск славится судоходною пристанью при р. Белой; в окрестностях добывается белая фаянсовая глина, словом Тобынск – место замечательное в нашей губернии. Слово Тобынск происходит от р. Тобынки; здесь же протекает судоходная р. Усолка и впадает в р. Белую. Тобынск был крепостью, городком Тобынским, основание которого относится к XVI веку, к первому приходу русских людей в Башкирию, между 1554–1586 годами, в то самое время, когда границею нашею были прибрежные места по рр. Каме, Белой и другим рекам; когда для укрепления этих мест возникли русские, укрепленные города: Уфа, Самара, Бирск, Мензелинск и другие. Киргизы, но более того, возмущающиеся Башкирцы, не раз находили на ничтожную Тобынскую крепостцу и даже сожгли её в 1738 году, из злобы на правительство за построение Оренбурга и окончательное их подчинение губернской власти, тогда назы-

ваемой «Оренбургскою военною экспедициею». Императрица Анна велела возобновить Тобынский городок, как необходимую крепость и теперь ещё между жителями остались предания о комендантах, ландмилиции, пушкарях, казачьих атаманах, даже стрельцах, о том, что выслано их было много сюда из Москвы при Петре I, при уничтожении стрелецкого войска, что высланные Московские стрельцы послужили основанием Оренбургского купечества. Пугачёв, в 1773 году, разорил Тобынскую крепость, и с тех пор она стала лишь селением, так как границы наши в Азию значительно подвинулись и прежние военные пункты потеряли всякое стратегическое значение. В век Елисаветы и Екатерины II увеличивалось более и более население окрестностей Тобынска чрез основание горных заводов.

В Тобынской церкви хранится древний образ Казанской Божией Матери, чтимый народом; частые пожары истребили, может быть, письменные документы, имевшиеся в здешней церкви о этом образе; но предание говорит, что один из Башкир, копая землю в степи, в окрестностях бывшего городка нашёл его и показал своим товарищам. Поощряемые, продолжает легенда, каким-то фанатиком муллою, Башкирцы силились расколоть этот образ топорами, но никак не могли; когда же узнали об этом Тобынские жители, то тотчас отняли у фанатиков святыню христианства, с тех пор славную в народе. Как бы то ни было, но этот памятник, по живописи или пошибу, ясно доказывают древность православного населения в здешних местах.

Стечение богомольцев со всех мест Оренбургской губернии много служит к благосостоянию Тобынских жителей, особенно во время ярмарки, в 9 пятницу, после праздника Пасхи; эта ярмарка одна из значительных в Оренбургской губернии, где сбывается хлеба, конского корма, сукон, красного товара, кож, мехов, железа, меди и т. д. на 40 и 50 т. р. приблизительно. Значительный перегруз на суда и барки при с. Тобынском составляют произведения ближних к нему горных заводов: *Богоявленского* г. наследников Пашкова, *Верхне-Авзяно-Петровского* и *Нижне-Авзяно-Петровского* г. Тимашева: 1-й из них, находясь при р. Усолке, впадающей при с. Тобынском в р. Белую, выплавливает меди до 14 и более тысяч пуд, полагая грузу на каждую барку (Коломенку) до 2 т. пуд, а оба последние, находясь при р. Авзяне, впадающей в р. Белую, производят до 74 тысяч пуд железа. Оба завода свозят своё железо сухим путём на Бельскую пристань, отстоящую в 5 и 10 верстах от заводов. Оттуда груз принимают барки и коломенки по 5 и 6 т. пуд на каждую до с. Тобынска; в Тобынске же, по перегрузке на барки, каждая из них берёт по 9 т. пуд. груза. В первом случае, осадка барок простирается на 14,

а последнем на 26 вершков. Нельзя сказать о хорошем устройстве барок, построенных здесь обыкновенно из соснового, вязового и дубового леса, с горно-заводских и Башкирских дач вообще в Стерлитамакском, Оренбургском и Уфимском уездах. При неудачной конструкции с двумя тяжёлыми потесами для управления на каждом конце, здешние суда совершенно зависимы от направления струй, с трудом отгребаются от скалистых берегов, гибнут о подводные камни. Не даром судорабочие, проходя опасные места к Тобынску, делаются очень религиозными, и забывая береговые похождения, поминают в усердной молитве каких-то благочестивых пустынников прибрежья р. Белой... Горные заводы, имея в руках средства – сотни рабочих, занятых ежегодно рубкою строевого леса и постройкою десятков барок, могли бы устранить препятствия, сбросить суда и строевой лес, уничтожив подводные камни посредством нагрева или пороховых взрывов. Стоило бы раз потрудиться, ради своей пользы и уважения к человеческой жизни; к тому же работы-то эти и не многосложны и не дороги: стоит только соединиться между собою заводам и жителям прибрежья рек Бельской системы, не исключая обитателей благочестивого городка Тобынска. Стерлитамакский уезд хлебородный в Оренбургской губернии, Тобынская пристань тоже – хлебная пристань; при перегрузке при этой пристани на большие суда железа и меди, на опорожнённые барки, коломенки, мог бы нагужаться хлеб для продовольствия самих заводов, горнозаводских крестьян неземледельцев, или почти не-земледельцев. Ведь дороже же стоит для заводов, имея в виду судоходство, покупать провиант за Уралом, в Оренбургской новой линии или прежде того доставлявшийся по тракту с платою за провоз, от 50 до 80 вёрст, от 15 до 25 коп. с пуда, особенно осенью или весною или во время сильных дождей. Для горных заводов окрестностей Тобынска, вообще для заводов Стерлитамакского уезда, потребно в год более 200 т. пуд хлеба, судя по официальным известиям. Незнаем, однакоже, до какой степени справедливы они. Итак барки, сдав груз у Тобынской пристани, возвращаются пустыми, тогда как самое обратное их плавание принесло бы большую выгоду. Пароходство, как утверждают, принесло б пользу только при половодье, весною, и не иначе как в 40 сил и чтоб плоскодонные пароходы сидели в воде не глубже 1 ½ футов. Но и временное пароходство принесло б огромную пользу: ведь Тобынская пристань доставляет грузы в Уфу, где теперь постоянно ходят буксирные пароходы в Казань, а главный сбыт металлов, идущих во внутренние губернии, на Нижегородскую ярмарку, бывает всегда в мае месяце, следовательно в половодное время. От Тобынска до Уфы, если барки

идут с грузом бичевою, то с опорожненных барок люди должны возвращаться в заводы пешком 200 и 300 вёрст. Сколько затруднений избежали б тогда частные лица от пароходства при Тобынской пристани, начиная от приобретения строевого леса в Башкирских дачах, до найма мастеров, лоцманов, до опасностей плавания при несовершенстве барачного и судового устройства. Бог знает, когда ещё на всё это обратится внимание, а покуда, исключая металлы и прочие грузы из производительностей Стерлитамакского и граничащего с ним Оренбургского уезда, всё что выменивается по азиатской торговле в Оренбурге, идёт сухим путём на гг. Казань и Самару; по несовершенству дорог, недостаточности перевозных средств, транспорты, запаздывают, на Нижегородскую ярмарку. Не смотря однакоже на уклонение от опасностей водяного пути, несовершенства устройства судов по р. Белой и её притокам, в год построится и пройдёт 400 и более судов с хлебом, лесом, поташем, шадриком, железом, медью, спиртом и т. д. Сколько для 400 барок нужно рабочих людей, чтобы плавать по одной р. Белой и притокам её и сколько их нужно для прочих судоходных рек Оренбургской губернии? Здешний край, при его неизчётных богатствах природы, крайне не богат производительными силами; эти тысячи, десятки тысяч бурлаков, по старому названию «вольных людей», были бы полезны в других отношениях, при пароходстве, если б оно возникло когданибудь везде, где только возможно в Оренбургской губернии. Вопрос впрочем старый, затронутый ещё бывшим журналом: *Вестник Промышленности* за 1860 год (т. IX и X). Судорабочие, – тип никем не затронутый, между тем любопытный для изучения со всеми его нуждами; нужда гонит бедняка в бурлаки, горькая жизнь на воде, но вместе с тем слишком привольная на пристани, в старые годы делала бурлака более другого способным пристать в товарищи предшественникам и последователям удальцёв в роде Стенки Разина и т. п. С одной стороны произвол хозяина или прикащика барки, который «силён на воде», а с другой и сам рабочий, который хитёр, коварен и обидчив на берегу, порождают безчисленные недоразумения, споры, иски; средства отстранять их и праведный суд дадут нам новое судоустройство и учреждение мировых судей; с ними русские люди, благодаря настоящему правительству, конечно скорее забудут старину: перед хорошим днём и вчерашнее кажется за времена оные. Всякое прибрежное село, всякая пристань носит отпечаток влияния бурлачества во всю то слишком размашистую, то сжатую натуру русского человека... Полагаем, нужно желать уменьшения бурлачества, уничтожения варварского устройства судов и барок, заменю его новым. Вот во-

прос, который бы необходимо требовал разрешения от людей специально знакомых с делом постройки речных судов? По крайней мере, мы в настоящей статье заявляем его, говоря о пристани Тобынского городка, о нуждах этой пристани в пароводстве, в увеличении её деятельности, в возможности её чрез улучшение судоходства сделаться ей значительною и хлебною пристанью края и такою, которая, будучи чрез р. Белую соединена с рр. Камою и Волгою, споспешествовала бы с своей стороны сбытом всего, что производит богатый край, что приобретает от торговли с Хивою и Бухарою и т. п. в гг. Оренбурге и Троицке на рынках внутренних губерний. Мы живём во время нашего великого возрождения, во время трудов тяжёлых и великих; плоды трудов увы! пожнёт наше будущее поколение, предшественники же наши не много нам дали. Наше время – время самоотвержения для великой будущности... Теперь каждая местность должна заявлять свои нужды: вот, по нашему мнению, настоящий, современный предмет всякой корреспонденции, а не какие нибудь другие провинциальные новости, покуда большею частью обыденные, избитые, редко интересные в нашей центральной, покуда ещё, журналистике. Желательно, чтобы журналы, считая в том числе и месячные, раскрыли пошире свои страницы для провинциальной корреспонденции, которая будет высказывать свои нужды, а не одну свежую новость: но в этом состоит прямое дело всех вообще *Губернских Ведомостей*, если б эти *Ведомости* были не теми, какие они к сожалению, теперь; впрочем *Губернские Ведомости* с одной стороны и не виноваты, ибо сами местные жители не принимают в них участия, а с другой стороны, напротив того, они кругом виноваты, ибо не всегда дают ход корреспондентам. Конечно нам нужно дело, а не слова, не громкие фразы; нужно указание на то, что можно скорее и вернее исправить. Оренбургский край, да и не один этот край, не богат ещё, в промышленном отношении «людьми дела». Оренбургскому краю нужно желать увеличения пароводных сообщений; край должен быть вечно благодарным первым учредителям пароводства между Уфою и Казанью. Теперь существующая компания могла б обратить внимание на исследования возможности вообще пароводства по р. Белой, могла б обратить внимание на сподручные, по нашему мнению, ей пристани по этой реке с её притоками в Уфимском и Стерлитамакском уезде, начиная со старого чтимого народом городка Тобынска.

Р. Игнатъев.

28-го октября.

(Московские ведомости. 1862. 20 ноября)

1864 год

№ 14. Из Верхнеуральского уезда

В кружках здешних золотопромышленников, давно и нетерпеливо ожидавших реформ горного устава, произвели не мало толков и опасений появившиеся в 12 книжке Горного журнала за 1863 год, впрочем не слишком давно здесь полученной, предположения о переменах в уставе о золотопромышленности, извлечённые из доклада № 20 Высочайше утверждённой Комиссии для пересмотра податей и сборов. Здесь, за исключением подати с металла, о которой никто и нигде не спорит, предполагается новый тяжёлый налог по 50 коп. с погонной сажени пространства земли отведённой под золотые прииски в размере от 100 до 250 кв. саж. в ширину и до 5 вёрст в длину. Подать, таким образом составляющую довольно почтенную цифру, предполагается взимать к 1 Ноября каждого года чрез Уездные Казначейства, тотчас по выдаче планов и актов; за просрочку далее 1 Ноября полагается 10% штрафа, а за не взнос к 1 Марта прииск отбирается в казну. Наши Оренбургские золотопромышленники имеют свои доводы называть предполагаемый налог тяжким. При бедном содержании здешних золотых россыпей, лучший прииск в нашей губернии не даёт более 10% дохода, отсюда же должно уплачивать подати и пошлины, гербовую бумагу, расходы на отправку золота в г. Екатеринбург, посылку и содержание там корреспондентов, прогоны, разъезды, предвиденные и непредвиденные расходы, столь обыкновенные в нашей юридической жизни при хлопотах в присутственных местах... и так, за всем этим чистой прибыли остаётся не более 7%. В настоящее время у нас, в Оренбургской губернии и так много приисков, которые не разрабатываются по недостатку средств и плохой надежде на содержание россыпей. Может быть предполагаемый налог сделан с целью убить монополию; но увы, вместо монополии, если налогу суждено осуществиться, он, говорят, убьёт нашу золотопромышленность... В местах богатых золотом налог, пожалуй, и не устрошит; монополия с отвагою прежнего откупа пойдёт на захват золотых приисков; но правительство желает сделать золотой промысл свободным для каждого, для всех сословий, следственно далеко и не капиталистам, а самый богатый прииск в Оренбургской губернии ниже посредственного в Сибири, то с 7% чистой прибыли за всеми расходами, при новом налоге на погонную сажень, золотопромышленник будет трудиться даром: само собою после этого мало будет охотников пуститься в рискованное дело золотого промысла, так справедливо названного лотереєю капиталов и трудов. Предположение

ещё не закон, но уже у нас, в наших краях было причиною, что не богатые люди, хотевшие приобрести, разумеется, за сходную цену вырабатывающиеся прииски, отступаются от них и от желания пускаться в лотерею. Но здесь ещё было всё готово и строение и машины, на заведение которых нужно время, чтобы, исправив прежде всё необходимое, приступить к работам и что же? покуда ещё нужно только приготовиться к работе, не добыв ни 1 доли золотника, а уже нужно вносить подать не за качество, а за количество земли; вдруг почва оказывается бедною; не проникая без разработки вперёд в недра земли, промышленник ошибся в содержании почвы, он судил, да и не мог иначе, по признакам золота, и вот пропал капитал и труд, он разорился, а беспощадный налог казнит за то, что он разорился по причинам прямо от него независимым.

При рассмотрении как главных, так и второстепенных вопросов, каковы золотопромысловые администрация, хозяйство, Коммисия единственно основала свои выводы из данных о Сибири, да и в заседаниях Коммисии участвовали лишь сибирские золотопромышленники, а потому Оренбургские очень справедливо замечают, что хорошо в Сибири, то неприменимо в Оренбургской губернии или Пермской, а ещё более того для кавказского или закавказского золотого промысла; всякий из этих промыслов возник и существует при своих особых различных условиях, по этому полезнее бы было предварительно обсудить самый вопрос на месте, составив Комитеты из золотопромышленников и людей специально знакомых с делом. Если благоразумною мерою правительства предоставляется земству ведать свои нужды, если великое дело освобождения 20 миллионов совершилось лишь после предварительного обсуждения местных условий, то не менее подлежит тому же обсуждению столь важный вопрос, как золотопромышленность, здесь поспешность также неуместна, как и в других реформах...

Операция настоящего года по видимому началась при благоприятных условиях, цены на припасы не высокие, весна ранняя, так что к 25 Марта следы снега разве остались на вершинах благословенного Урала.

Р. Игнатьев.

(Оренбургские губернские ведомости. 1864. 2 мая)

1865 год

**№ 15. Царские грамоты и челобитье о землях башкира,
Тархан Акинчака Таникеева, XVII века¹**

Интерес настоящего факта, по нашему мнению, заключается в указании его на древние права башкир, их службы государству, пожалование за службу землями, как на пример, жалованы были предки Акинчика Таникеева, который и сам является значительным землевладельцем в пределах нынешних Троицкого, Челябинского и Верхнеуральского уездов, как это видно из обозначенных в царских грамотах рек и урочищ. Если правительство давало в награду земли в вечное, потомственное владение, значит, в XVII веке, в башкирии или нынешней Оренбургской губернии, было много казённых земель и за исключением тех, которые отошли под города и крепосцы, начавшие возникать ещё со времён Грозного и Царя Фёдора по рр. Каме, Уфе, Белой и Таре?

Предлагаемые ныне грамоты и челобитье Акинчака Таникеева хранятся, в копии в архиве главной конторы Златоустовских заводов и у потомка Таникеева, муллы и Имама дер. Абзяковой, Троицкого уезда, Кунак-илди Сантимирова. Последняя прислана при указе Оренбургской Военной Экспедиции 18 Марта 1735 года за № 940, на имя сына и внука Аканчукова Кинзинкея Аканчукова и Имангула Кинзинкеева. В указе говорится, что предок их Сеиткул Сарыбаев за верную службу жалован в 1651 году золотыми новгородками и записан в оберегальной памяти: указ подписан коллегиально членами Оренбургской Экспедиции Статским Советником Шеднером, полковником Кошелевым, Тевкелевым и капитаном Анфимовым, за скрепою Секретаря Василия Протопопова и справою Канцеляриста Семёна Серебрякова. В копии с грамот и челобитной писанной в ½ лист почерком XVIII века, соблюдено правописание подлинника, ко-

¹ Мы очень благодарны Р.Г. Игнатьеву за доставление этих памятников старины. Тем более они имеют значение, что наши Оренбургские архивы почти не тронуты, исключая архивов находящихся в самом Оренбурге, в которых немало порылся наш учёный-ориенталист, академик В.В. Вельяминов-Зернов; но изыскания почтенного академика относятся исключительно к истории Киргизской степи. Ни в Актах Исторических, ни в Актах Археографической экспедиции (издания Археографической Экспедиции) почти не встречается ни одного акта, касающегося Оренбургского Края. Все эти огромные томы наполнены письменными памятниками, относящимися до старо-русских губерний. В особенности г. Игнатьев оказал бы не малую услугу для Истории Края, ежелиб доискался до более древнейших письменных памятников, а именно до памятников XVI столетия – прим. редакции «Оренбургских губернских ведомостей».

торое передаём и в печати, за исключением препинательных знаков, которых там нет, за исключением точек, да и то поставленных по произволу писца; несколько точек означает места, которые по ветхости не удобно читать.

«От великих Государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея великия и малые и белые россии самодержец, на Уфе, в приказной избе, ближнему окольному и воеводе Василею Фёдоровичу Стрелиневу. в нынешнем 7200 – 1692 году, Маия в 5 день били челом нам великим государям Уфимскаго уезда, сибирской дороги, Каратабынской волости, Тархан Ахинчишко Таникеев стоварищи в прошлом году, прадеды, деды и отцы их какой истари вотчинною своею землёю в Урочищах начиная от чюрагай до горы пестрывлени, камерной горе аикар там и знак, а на другой стороне тойже горы поставлен знак бурзенской волости называемый пусторяк (буздаряк), от него повороты на речку сарау, соной на Кырыли биячибил и до вершине речек Кызил добереты-таккаика, а отнеё в Уральские горы ресташи-выбекая, изонных на реку белую чрез большой брод, а отнеё на степь Сартуз и Камыз-зяндика горы, а отонаго Какамки сырык потоккуя, а насторону пакты и речка тюлюк-барандак, Кундурушму до устья оной, на лес старой уткалов, на вершину р. Урака и до устья оной на речку Ай до устья, горы Шунгарыуя потом уральскую Мулдыбыик по речке Миасу и горе укне-имякне а на озеро идрязи поворот отонаго на реку Тикюс и по оной до брода картмали сооного по речке сумляне и до брода буракая, лежащего чрез реку Миас до устья реки Уя и достеги, состоящей за р. Тоболом до озера Юбелея и отонаго до вершине реки до чёрного тока и местечка акиар-гиргу, откого поворот до чюрига-икая, а кним въежжают вту старинную их вотчину разных волостей башкирцы и всяких зверей бьют и отганивают, а они де стой старинной волости платя ясак по триста лисиц и оттех де людей и отнасилства они оскудели и взять того ясаку негде и великим государям пожаловать бы их велеть тех насильных людей, которые не платят стой вотчины ясак сними а их имать и присылать на Уфу и тем людям велеть великих государей чинить указ, чтобы им впредь отнасилственных людей ясаку не отбивать и по той великих государей грамоте ближнему окольному и воеводе Василею Фёдоровичу Стрелиневу против Акинчиковы челобитья стоварищи угодыями их ни кому насильством владеть без грамот и без дач не велели, а велеть им владеть по прежнему, как владели деды и отцы их по старым межам и урочищам потом и тебе дать им великих государей грамоту, спрочетом, чтоб им стоя вотчины платя ясак спустя вконец не разъезжали, и как ктебе сия наша великих го-

сударей грамота придёт и тем башкирцам вотчинами их угодьи владеть по прежнему, как они прежде сего владели велети, в их угодья откупщикам не вступатися и убытков и раззорения им не чинить; а прочесть сию грамоту нашу великих государей и списав с неё список оставить на Уфе в приказной избе, а подлинную нашу великих государей грамоту отдать им башкирцам сросписками впредь для оных воевод и приказных людей и откупщикам впредь до спора по оной план дать. Подлинник писан столбцём и на склейках надпись: «скрепа дьяка Мишки Неупокоева, пошлины 2 руб. 25 алтын взято».

«Великим государям, царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя россия самодержцу, ногайской дороги, дёмской волости башкирец Акинчишко Тархан Таникеев. в прошлых, великие государи, давних де годех дед мой и отец жили по сибирской дороге и впрошлых же, великие государи, годех отец мой вышел ззилбарской¹ дороге на ногайскую дорогу в дёмскую волость близ г. Уфы. Отец мой Тяняк служил вам, великим государям, Тарханом, да идед мой Сеиткул Сарыбаев вам великие государи служил Тарханом же, и за многие ближния и далёкия службы царским жалованием жалован был, и в том записан в оберегальной памяти на вечно и землями жалован в Уфимском уезде на сибирской дороге и тою землёю лесными угодьи, бобровыми гоны владел и вам великим государям ясак платил по триста лисиц и по грамоте блаженныя и вечно достойныя памяти вашего великие государи, цари и великие князи, родителя царя и великого князя Алексея Михайловича всея руссии велено было того Сеиткула Сарыбаева от всяких насильств и обид вашим великих государей и царей, воеводам что на Уфе всячески оберегать, а дана та великаго государя и царя грамота на Москве в лето 7153 – 1645 г., за дьячею подписью Ивана Черемисинова, да подьяка Петра Шушерина, а отец мой Тяняк тоже во многих ваших, великие государи, цари и великие князья Иоан Алексеевич и Пётр Алексеевич послугах за всегда и про все находился он, да и по вашему великих государей указу послан был по часту на ваши великих государей службы в станицу до яку и до ашкадару и вонных далних и ближних посылках и вашим великих государей указом пожалован он вотчинами, бортными угодьями и бобровыми гоны и звериными ловлями, пашнями и санными покосами и всякими угодьями владел отец мой и я холоп ваш а дёмския волости башкирцы вродстве о споре челом били и по всей населённой ... дёмския волости, да и

¹ Вероятно сибирской, здесь же ошибка переписчика с подлинного – прим. Р.Г. Игнатьева.

башкирцы меня холопа вашего стоняют и вбуйне владеть не дают, и у меня, холопа вашего, окроме вотчины той инде нигде нет, а служили вам, великим государям втарханах всякую службу не престанно. Милосердые государи, цари и великие князья Иоанн Алексеевич и Пётр Алексеевич всея великия и малыя и белыя россии самодержцы, пожалуйте меня холопа своего, велите, государи, втой дёмския волости на ногайской дороге по прежнему жить и вотчиною владеть против прежняго с моею братиею башкирцами в равенстве, и в том на Уфе послать свою великих государей грамоту, спрочетом впредь для оных воевод: великие государи смилуйтеся!

Список с царския грамоты слово вслово: «от царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя россии самодержец, на Уфу, стольнику нашему и воеводе, князю Ионе Фёдоровичу Чубозятинскому. Били нам, великим государям, челом, Уфимскаго уезду Тархан Акинченко Таникеев стоварищи всею волостью тоеж волости набашкирцев агыпышка автиева стоварищи против а наших великих государей потягостех вкои денги по шти рублей платят за земли пашни и рыбныя ловли и бобровые гоны и всякие звериные ловли тож владеют стоварищи и зверей всяких побивают, а называются де они – Ногайской дороги, а не хотя платить и наших великих государей ясаку и всяких податей давать онои же. Огышко стоварищи искони ясак и всякие подати платили и ямския денги платили сними вместе по прежнему потому, что они огышко стоварищи их волости и вотчины у них сними вместе и платили всякие доходы собча, а буде он, огышко стоварищи платить всяких доходов непохотят и не велеть им владеть землями и рыбными ловлями и бобровыми гоны и всякими звериными промыслы и лесными угоды и тоб наших напрасно ясаку и всяких податей за него огышку стоварищи не искали, а велеть им, Акинчишки стоварищи огышкиною долею владеть им, чтоб всякия подати не заплаченныя им Акинчишки стоварищи раззорённым не быть, а как тебе, воевода, о том на Уфу грамота придёт, тебе Уфимскаго уезду башкирца Акинчишку стоварищи от сбора ясаку Уфимскаго уезду с ясашных людей наших великих государей указ учинить против челобитья, чтоб Уфимскаго уезду башкирцы и разноверцы вплатеже ясаков отнюдь ни кто вызбылых не был, да к нам отом ни каких жалобников не было. Дана на Москве влето 7204 – 1696 г. Февраля во 2 день, а подписал великих государей дияк Фёдор Ефимьев, справил подъачий Сёмка Яшкифоров.

Сообщил Р.Г. Игнатьев.
(Оренбургские губернские ведомости. 1865. 20 февраля)

Из этих документов (трёх), опубликованных Р.Г. Игнатьевым в «Оренбургских губернских ведомостях» № 8 за 20 февраля 1865 г. вместе, а авторство его ясно видно из комментария и подписи, все три фрагмента раздельно были перепечатаны в 1936 г. в «Материалах по истории Башкирской АССР» (часть 1), но без указания имени автора (публикатора документов). Текст документов несколько отличается от игнатьевского, это позволяет предположить, что составитель «материалов» А. Чулошников скорректировал, «исправил, перевёл на современный язык» первоначальный текст, источником для него являлись «Оренбургские губернские ведомости», упоминавшегося Игнатьевым первоисточника он не видел. Сначала был помещён документ из середины вышеприведённой публикации (до слова «смилуйтесь»), потом последняя часть и начало. Далее приводится полный текст игнатьевских документов из «Материалов по истории Башкирской АССР», где они размещены под порядковыми номерами 6, 8, 11.

«6. 1682–1696 гг. – Челобитная башкирского тархана Ногайской дороги, Дёмской волости Акинчия Таникеева с товарищами царям Ивану и Петру Алексеевичам о защите их от башкир той же волости, сгоняющих их с родовой наследственной вотчины.»

Великим государям царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу [т.] бьёт челом холоп ваш Уфимского уезду, Ногайской дороги, Дёмской волости башкирец Акинчишко тархан Таникеев. В прошлых, великие государи, давних де годех дед мой и отец жили по Сибирской дороге и в прошлых же, великие государи, годех отец мой вышел с Сибирской¹ дороги на Ногайскую дорогу в Дёмскую волость близ Уфы. А отец мой Тяняк служил вам, великим государям, тарханом да и дед мой Сеиткул Сарыбаев вам, великие государи, служил тарханом же, и за многие близкия и далёкия службы царским жалованием жалован был, и в том записан в оберегательной памяти навечно и землями жалован в Уфимском уезде на Сибирской дороге, и тою землёю, лесными угоды, бобровыми гоны владел и вам, великим государям, ясак платил по 300 куниц. И по грамоте блаженные и вечно достойные памяти вашего, великие государи, цари и великие князи, родителя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси велено было того Сеиткула Сарыбаева от всяких насильств и обид вашим, великих государей и царей, воеводам, что на Уфе, всячески оберегать, а дана та великаго государя и царя грамота на Москве в лето 7153 за дьячею подписью Ивана Черемисинова да подъячего Петра Шушерина. А отец мой Тиняк тоже во многих ваших, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич и Пётр Алексеевич, послугах завсегда и про всё находился, да и по вашему, великих государей, указу посылан был почасту на ваши, великих государей, службы в станицу до Яику и до Ашкадару; и в оных дальних и ближних посылках и вашим, великих государей, указом пожалован он вотчинами, бортными угодыми и бобровыми гоны и звериными ловлями, пашнями и санными покосами и всякими угодыми владел отец мой и я, холоп ваш. А Дёмския волости башкирцы в родстве о споре челом били и по всей населённой² Дёмския волости, да и башкирцы меня, холопа вашего, сгоняют и вбуйне владеть не дают, и у ме-

¹ В тексте «Оренб. Губ. вед» Зилбарской – прим. А. Чулошникова.

² В тексте «Оренб. Губ. вед.», повидимому, пропуск – прим. А. Чулошникова.

ня, холопа вашего, кроме вотчины той инде нигде нет, а служили вам, великим государям, в тарханах всякую службу непрестанно. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич и Пётр Алексеевич [т.], пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, в той Дёмския волости на Ногайской дороге попрежнему, как жил отец мой и я, холоп ваш, жить и вотчиною владеть против прежнего с моею братиею башкирцыми в равенстве, и в том на Уфу послать свою, великих государей грамоту с прочётом впредь для оных воевод Великие государи, смилуйтесь.

Перепечатывается из «Оренбургских Губернских ведомостей» 1865 г. № 8. Датируется приблизительно по времени совместного правления царей Петра и Ивана Алексеевичей. По-видимому, была написана после 1687 г. февраля 2, ср. документ № 8.

8. 1687 г. февраля 2. – Грамота из Приказа Казанского Дворца уфимскому воеводе кн. И.Ф. Борятинскому об оказании защиты и поддержки башкирскому тархану Акинчию Таникееву с товарищами от неправомерных действий башкир их же волости Агиша Автиева с товарищами.

Список с царския грамоты слово в слово.

От царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича [т.] на Уфу стольнику нашему и воеводе князю Ивану¹ Фёдоровичу Борятинскому². Били нам, великим государям, челом Уфимского уезду тархан Акинченко Таникеев с товарищи всею волостью тое же волости на башкирцев Агыпышка Автиева с товарищи: * против нишах, великих государей, по тягостех, в кои деньги по шти рублей платят за земли, пашни, и рыбныя ловли, и бобровые гоны, и всякие звериные ловли тож владеют с товарищи и зверей всяких побивают, а называются де они Ногайской дороги, а не хотя платить и наших, великих государей, ясаку и всяких податей давать³. Оной же Огышко с товарищи искони ясак и всякие подати платили и ямския деньги платили с ними вместе⁴ попрежнему, потому что они, Огышко с товарищи, их волости, и вотчины у них сними вместе и платили всякие доходы собча. А буде он, Огышко с товарищи, платить всяких доходов не похотят, и не велеть им владеть землями и рыбными ловлями, и бобровыми гоны, и всякими звериными промыслы, и лесными угоды, и то б наших напрасно ясаку и всяких податей за него Огышку с товарищи не искали; а велеть им, Акинчишки с товарищи, Огышкиною долею владеть им, чтоб всякия подати не заплаченныя им Акинчишки с товарищи раззорённым не быть. А как к тебе, воевода, о том на Уфу грамота придёт, тебе Уфимскаго уезду башкирцы Акинчишку с товарищи от сбора ясака Уфимского уезду с ясашных людей наших, великих государей, указ учинить против челобитья, чтоб Уфимского уезду башкирцы и разноверцы в платеже ясаков отнюдь никто в ызбылых не был, да к нам о том никаких жалобников не было. Дана на Москве в лето 7195⁵ февраля во 2 день.

¹ В тексте «Оренб. Губ. вед.» Ионе – прим. А. Чулошникова.

² В тексте «Оренб. Губ. вед.» Чубозятинскому – прим. А. Чулошникова.

³ В тексте «Оренб. Губ. вед.», по-видимому, пропуск, сопровождающийся частичным искажением подлинника – прим. А. Чулошникова.

⁴ В тексте «Оренб. Губ. вед.», по-видимому, пропуск – прим. А. Чулошникова.

⁵ В тексте «Оренб. Губ. вед.»: 7204. Датировка исправляется на основании даты смерти царя Ивана Алексеевича 29 января 1696 г. и параллельных данных о времени пребывания дьяка Фёдора Ефимьева в Приказе Казанского Дворца (Р. И. Б., т. XVII, Десятни, стр. 6) и

А подписал великих государей диак Фёдор Ефимьев, справил подъячий Сёмка Яшкиферов.

Перепечатывается из «Оренбургских Губернских ведомостей» 1865 г., № 8.

11. 1692 г. после мая 5. – Грамота «с прочетом» из Приказа Казанского Дворца уфимскому воеводе В.Ф. Стрешневу об ограждении вотчинных прав на землю башкирского тархана Сибирской дороги Акинчия Таникеева с товарищами.

От великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича [т.] на Уфе в приказной избе ближнему окольному и воеводе Василею Фёдоровичу Стрешневу. В нынешнем 7200 мая в 5 день били челом нам, великим государям, Уфимского уезда, Сибирской дороги, Кара-Табынской волости тархан Ахинчишко Таникеев с товарищи: в прошлом году прадеды, деды и отцы их какой истари вотчинною своею землею в урочищах, начиная от Чюрагай до горы Пестрывленик, а мерной горе Аикар там и знак, а на другой стороне той же горы поставлен знак Бурзенской волости, называемый пусторьяк, от него повороты на речку Сарау; с оной на Кырыли Билячибил и до вершине речек Кызил до береты Токкаика, а от неё в Уральские горы Ресташи выбекая, из оных на реку Белую через большой брод, а от неё на степь Сартуз и Камыз-Зяндика горы; а от онаго Какамки-Сырык поток Куя, а на сторону Пакты и речка Тюлюк Барандак, Кундурушму, до устья оной на лес старой Уткалов, на вершину реки Урака и до устья оной на речку Ай до устья горы Шунгарыуя, потом уральскую Мулдыбыик по речке Миасу и горе Укие-Имякне и на озеро Ид-рязи; поворот от онаго на реку Тикюс и по оной до брода Кармали, со онаго по речке Сумляне и до брода Буракая, лежащего через реку Миас, до устья реки Уя и до степи, состоящей за рекою Тоболом, до озера Юбелея, и от онаго до вершине реки до Чёрного тока и местечка Акиар-Гиргу, от коего поворот до Чюрига-Икая. А к ним въезжают в ту старинную их вотчину разных волостей башкирцы и всяких зверей бьют и отганивают, а они де, с той старинная волости платя ясак по 300 лисиц, и от тех де людей и от насильства они оскудели и взять того ясаку негде; и великим государям пожаловать бы их, велеть тех насильных людей, которые не платят с той вотчины ясак с ними, а их имать и присылать на Уфу, и тем людям велеть великих государей чинить указ, чтобы им впредь от насильственных людей ясаку не отбивать. И по той великих государей грамоте ближнему окольному и воеводе Василею Фёдоровичу Стрешневу против Акинчикова челобитья с товарищи угодыми их никому насильством владеть без грамот и без дачь не велели, а велеть им владеть попережнему, как владели деды и отцы их по старым межам и урочищам; по том и тебе дать им великих государей грамоту с прочетом, чтоб им с тоя вотчины платя ясак спустя вко-нец не разъезжали. И как к тебе сия наша, великих государей, грамота придёт, и тем башкирцам вотчинами их угоды владеть попережнему, как они прежд де сего владели, велети, в их угоды откупщикам не вступатися и убытков и раззорения им не чинить. А прочесть сию грамоту нашу, великих государей, и, списав с неё список, оставить на Уфе в приказной избе, а подлинную нашу, великих государей, грамоту отдать им башкирцам с рос-

воеводы Ивана Фёдоровича Борятинского – в Уфе (Зап. имп. Академии наук, 1864 г., т. IV, кн. 2, приложение, № 6, стр. 34, 45–46) – прим. А. Чулошникова.

писками впредь для оных воевод и приказных людей, и откупщикам впредь до спора по оной план дать.

На обороте: Дьяк Мишка Неупокоев.

Помета: Пошлины 2 руб. 25 алт. взято.

Перепечатывается из «Оренбургских Губернских ведомостей» 1865 г., № 8.

(Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А. Чулошников. М.; Л., 1936. С. 76–78, 80–81)

№ 16. Гора Аушкуль и озеро того-же имени (Троицкого уезда)

Аушкуль гора в Троицком уезде, Тунгатаровской волости 3 башкирского Кантона, в 148 вер. от г. Троицка близ дер. Барангулово: эта гора одна из отраслей Уральского хребта получила своё название от находящегося близ её озера Аушкуль иначе Ушкуль; местные Башкиры и гору не зовут Аушкулем, но Аушем. Аушкуль или Ауш слывёт святою горою и привлекает к себе не мало богомольцев из окрестных магометан. На вершине горы видны 3 могилы, из которых одну предание приписывает какому-то хорзаману, почитаемому святым (аблия), а другие 2 его двум ученикам, имена которых неизвестны, но они тоже святые; все трое, по сказаниям местных башкир, во времена древние проповедывали закон великого Мухамета людям неверным и обратили не мало народа к истинной вере; башкиры уверяют, что кто помолится на этих могилах с верою, того молитва будет услышана, великий Аллах исполняет всякое желание истинно верующего, больные получают, будтобы, исцеление... Гора Аушкуль высокая и крутая, могилы же святого Харзамана и его учеников находятся на самой вершине, а не доходя сажень примерно 70 истекает источник чистой воды, который тут же не далее 10 саж., уходит в землю.

Богомольцы прежде совершают обычное омовение в ручье, а потом уже самую узкою тропою взбираются на вершину горы, и тот, по их мнению, за кем мало грехов легко, без усталости доходит до святых могил; бывали примеры, что достойным и истинным мусульманам являлся сам аблия и беседовал с ними из корана. В 1849 году, на вершине Аушкуля поисковою партией Корпуса Горных Инженеров Штабс-Капитана Барбот-де-Марни найдены были различные породы минералов; грунт горы каменистый, преимущественно состоящий из дикого камня.

Башкиры верят преданию, что и кроме могилы Харзамана во многих местах по вершинам гор Уральских есть могилы свя-

тых и все они проповедывали коран во времена древние, что все они были великие имамы, но не из башкирского народа. Ужели, в самом деле, это были сотрудники первого просветителя Башкирии в Исламизме – Ибн-Фонлана, посланного в XI веке Калифом Мухтадиром; или это были последующие за тем Багдадские миссионеры, проникавшие по повелению Калифов с своею проповедью за Урал, в башкирию и в кочевья золотой орды? Есть предание, что аблия Харзаман ходил проповедывать даже в Бухарию, и что он был храбрый воин (батырь) и даже во имя веры воевал где-то с неверными.

Озеро Аушкуль или Ушкуль находится близ горы этого имени; слово это означает Аушево – озеро; оно занимает пространство в окружности не менее 2 $\frac{1}{4}$ вер., глубина озера простирается до 1 $\frac{1}{2}$ саж., в летнее время. При озере находится одна башкирская деревня Барангулово. В озере ловятся караси, окуни, чебаки и щуки; берега озера по большей части каменистые. По преданию название озера происходит от поселившегося близ этого места башкира Ауша, который в последствии времени откочевал отсюда куда-то на берега верховьев р. Урала.

Р. Игнатъев

(Оренбургские губернские ведомости. 1865. 27 февраля)

№ 17. Топографическое обозрение Воскресенской волости (Челябинского уезда)

Воскресенская волость ведомства государственных Имуществ находится в Челябинском уезде в 3 стане. В состав Воскресенской Волости входят следующие селения. 1 Село (слобода) Воскресенское при р. Миасе иначе Митрополичье, так как оно до издания духовных штатов 1764 года принадлежало Митрополитам Тобольским и Сибирским, к епархии которых принадлежал и нынешний Челябинский уезд¹. О времени первоначального населения Воскресенского-Митрополичьего, а равно и селений принадлежащих к нынешней волости, нет никаких положительных известий; но предполагать можно, что заселение этой местности относится к XVII, если даже не XVI веку. Жители считают себя потомками выселенцев из Тобольской и Пермской губерний и даже Казанской. Село Воскресенское до самой Пугачёвщины 1774 года было крепостью; здесь находился комендант с ротою

¹ Отстоит от г. Челябинска в 187 вер., от Губернского г. Уфы в 734 вёрст. Оно находится по дороге в г. Шадринск Пермской губернии – прим. Р.Г. Игнатъева.

ландмилиции и полусотнею казаков, а укрепление состояло из рва и частокола и 4 деревянных башен, на которых были поставлены пушки, по одной на каждой из башен, а крепость по указанию жителей была близ нынешней церкви. В 150 вер. от Воскресенского называвшегося в начале XVIII века «Митрополичьим» кочевали киргиз-кайсаки и часто своими набегами тревожили вотчину первосвятителей Тобольских. Вот что объясняет местная легенда об одном из таких набегов на здешнее селение и крепостцу. Это было в начале царствования Екатерины 1; киргизы сделали набег на самый праздник всех святых или 9 воскресенье после св. Пасхи; но набег был отражён общими усилиями жителей и гарнизона. В память избавления от киргизского набега, по обещанию жителей, основана деревянная церковь Воскресения Христова: с того времени и село Митрополичье прозвалось – Воскресенским, а до этого времени здесь была деревянная же церковь св. Михаила Архангела, сломанная в 1740 г. после бывшего пожара. Место этой церкви показывают теперь на дворе дома здешнего обывателя Д.И. Варушкина и там, где был престол, устроен кирпичный пирамидальный памятник, осенённый крестом. Деревянная же церковь Воскресения Христова близ нынешней каменной и место престола означены тоже каменной часовнею; крепость, по преданию, была на том же месте, где и эта церковь. В 1774 г. шайки Пугачёва после набега на крепость Челябинскую, или нынешний г. Челябинск, достигли и Митрополичьего села – Воскресенского, занятого ими без сопротивления и двое здешних же крестьян Фёдор Чесалка и Степан Стурма назначены были атаманами Воскресенской крепости. После 1774 года, по отобрании в казну духовных имений, Воскресенское взято в ведение Коллегии Экономии, а в последствии Оренбургской Казённой Палаты до образования Министерства Государственных Имуществ. В народе теперь осталась память о митрополичьих экономах живших здесь для управления их вотчинами. На выезде из села Воскресенского по дороге в дер. Корчажкину показывают следы давно, когда-то застроенного места, сада или огорода и погребов, будтобы принадлежавших митрополичьему дому, а где по преданию жили митрополичьи управляющие, там теперь дом одного из причетников здешней церкви. При митрополичьем доме было Воскресенское Духовное Правление, переведённое в 1789 г. в г. Челябинск, а отсюда в 1861 в г. Оренбург.

Что местность, где находится село Воскресенское-Митрополичье, населена была и в глубокой древности, доказательством тому служат земляные кольцеобразные насыпи, курганы, по здешнему чудские ямы, чудские могилы и чудаки, находящиеся на выезде из Воскресенского, на дороге в дер. Кор-

чажкину; близ следов так называемого Митрополичьего дома, на ЮЗ. находится 1 курган вышиною 1 саж. $\frac{1}{2}$ арш., шириною в 7 или 6 саж. От этого кургана на СЗ в 70 саж. виден другой такой же – вышиной 1 $\frac{3}{4}$ саж., в окружности 9 $\frac{1}{4}$, в диаметре 6 $\frac{1}{8}$ саж.; на вершине его заметно углубление или яма в $\frac{1}{2}$ арш.; отсюда в 103 саж. – третий курган на СВ. – вышиной 1 $\frac{1}{2}$, в окружности 8 $\frac{1}{4}$, в диаметре 6 саж. Четвёртый курган от этого в 200 саж. имеет вышины 1 $\frac{1}{4}$, в окружности 9, в диаметре 6 саж.; на вершине яма глубиною 2 ар.; в 50 саж. отсюда пятый курган на ЮВ. – вышины в 2 окружности 10, в диаметре 7 $\frac{3}{4}$ саж. – Курганы эти разсеяны по берегам р. Миаса, (последний от берега в 124 саж.) и расположены по правую сторону дороги; а по левую сторону её, на расстоянии 174 саж. от первого кургана, есть небольшое озеро без названия; здесь ещё курган, самый высокий из всех – 3 саж., в окружности 11, в диаметре 3 саж., яма на вершине глубиною 2 арш. Когда нибудь раскопка этих курганов, сделанная с археологическою целию, конечно, откроет настоящую принадлежность курганов, если заключающиеся в них древности не похищены, хотя по словам даже старожилков ещё не было охотников полюбопытствовать что содержится в курганах. В с. Воскресенском считается по X народной переписи 619 муж. и 675 жен., а по метрикам и духовным росписям состоит на лице 167 дворов, 687 муж. и 786 жен.; раскольников нет, судя по тем же документам, но находятся издавна на увещании казанские татары, уклонившиеся из православия в магометанство. Эти татары живут здесь 30 лет, особыми домами от православных и их считается 42 муж. и 37 жен. пола душ. В с. Воскресенском находятся: училище, в котором в 1864 г. обучалось 40 мальчиков и 6 девочек, волостное правление, квартира пристава 3 стана Челябинского уезда, а прежде находилось окружное управление, две водяных и 1 ветреная мельница. Нынешняя каменная красивой архитектуры церковь Воскресения Христова, построенная на место сломанной по ветхости в 1835 году деревянной, о которой сказано выше, заложена близ старой церкви на новом месте в 1822, освящена в 1834 году по благословению Преосвященного Михаила, Епископа Оренбургского и Уфимского. При этой церкви 2 придела – Богоявления Господня и Покрова Богородицы. В дни храмовых праздников, т. е. в 9 воскресение после Пасхи, когда бывает и крестный ход вокруг селения, 6 Января и 1 Октября бывают в с. Воскресенском ярмарки, на которые стекается не мало торговцев и народа из окрестностей: кроме того, неизвестно почему, здесь празднуется 10 Июля, день св. Антония Печерского, и тоже бывает ярмарка; сверх того здесь ещё бывают базары каждое воскресенье.

В нынешней церкви не осталось никакой замечательной утвари от прежних церквей, кроме двух евангелий 1784 и 1748 годов без всяких вкладных надписей, словом ничего нет, чтобы напоминало о митрополитах Тобольских и Сибирских, которые, вероятно, не оставляли своего села, может быть не раз ими посещаемого в объезды своей великой епархии. Хранится несколько указов с 1731 по 1796 г., на имя Воскресенского заказного, а потом духовного правления от имени Тобольских Преосвященных. Замечательные из них: от 30 Мая 1731 г. об отобрании печатной службы св. Александру Невскому строго запрещенной; указ 11 Октября 1773 г. о распространении грамотности в народе, с приложением букваря и катехизиса; указ известного Митрополита Арсения Моцевича, чтобы духовных людей не требовали к себе ни воеводы, ни суды, кроме важных государственных дел; указ Сената 20 Мая 1731 года о искоренении волшебников; указ Тобольской дикастерии 26 Октября 1782 года о расколо-учителе секты морельщиков, каком-то Мензелине. Есть ещё несколько указов 1730 годов о беглых из под ареста духовных лицах, посланных едва ли не по требованию Канцелярии Тайных и Розыскных Дел?

Во всей волости Воскресенской состоит земли данной в надел крестьянам: пахатной, сенокоса и под усадьбами 42 759 д. 1872 саж., лесных дач 15 195 д. 1198 саж., неудобной 3667 дес. 1643 саж. Жители занимаются исключительно хлебопашеством, впрочем один из обывателей с. Воскресенского Н.А. Яшкин имеет токарное заведение, в 2 станка, на которых выделывает деревянных чашек, кружек, тарелок, солонков, стаканов на 1500 руб. в год и товар этот не только расходуется на месте, но и в Шадринском и Курганском уездах Пермской и Тобольской губерний, смежных с Челябинским Оренбургской губернии.

Вот перечень прочим селениям Воскресенской волости, с показанием в них числа дворов и душ: дер. Корчажкина, при р. Миасе – 83 двора, 358 муж. и 429 жен. п. д., 1 водяная и 1 ветреная мельница. Дер. Черноярская при той же реке – 72 дв., 237 муж. и 354 жен., 1 водяная мельница; дер. Красноярская при той же реке – 67 дв., 262 муж. и 276 жен., 1 ветреная мельница. Дер. Грязнуха при той же реке – 27 дв., 80 муж. и 107 ж. п. д., 1 ветреная мельница; дер. Гаганова при той же реке – 96 дв., 367 муж. и 350 ж. п. д. и 2 водяные мельницы; дер. Большая и Малая Токташинская, при озере Токташинском – 96 двор., 5 ветренных мельниц, 343 муж. и 381 жен. п. д. Село Варлаково при р. Миасе: в оном находится церковь во имя Вознесения Господня с приделом св. Михаила Архангела; основана в 1851 г. и освящена в 1864 г. по благословию Преосвященного Варлаама Епископа Оренбургского и Уральского: в селении

85 двор., 230 муж. и 272 ж. п. д., 5 ветреных мельниц; дер. Сартасова при р. Миасе – 66 дв., 2 ветреные мельницы, 169 муж. и 186 жен. п. д.; Кустоватово при той же реке – 19 дв., 65 муж. и 79 жен. п. д.; Березомыская при той же реке – 68 дв., 4 ветреных мельницы, 203 муж. и 230 жен. п. д.; Кочегарово при р. Миасе же – 48 двор., 1 ветреная мельница, 148 муж. и 184 жен. п. д.; Мезенцова при р. Миасе – 18 дв., 1 ветреная мельница, 91 муж. и 101 жен. п. д. Дубровная при озере Дубровном – 48 двор., 4 ветреных мельницы, 268 муж. и 263 жен. Кокуйская при озере Дубровском – 24 дв., 4 ветреные мельницы, 128 муж. и 113 жен. п. д. Туманово при реке Щучьей – 34 д., 3 ветреных мельницы, 210 муж. и 182 жен. п. д. и Маякская при той же реке, так названная по бывшему здесь маяку, которым давали знать в Воскресенское о появлении Киргиз; маяк находился на горе называющейся «Маячною», здесь же, как рассказывают, находились казачьи пикеты. В дер. Маячной 82 дв., 1 водяная и 3 ветреных мельницы, 287 муж. и 318 жен. п. д.

Р. Игнатъев

(Оренбургские губернские ведомости. 1865. 20 марта)

№ 18. Из г. Верхнеуральска

Общественная жизнь начинает видимо развиваться у нас даже в уездных отдалённых городках, и видимо вытесняет прежние кутежи, соединённые с пьянством и азартными играми, среди которых по преимуществу проводила своё свободное время мужская половина уездного общества; мы не говорим уже о Мензелинске и Стерлитамаке, в которых уже несколько лет, по зимам, устраиваются благородные собрания или клубы. В Стерлитамаке даже устраивались несколько раз благородные спектакли, и, говорят, довольно удачно. Вот что нам пишут за прошлую зиму из далёкого Верхнеуральска... В начале зимы в г. Верхнеуральске открыт наконец клуб, до того казавшийся как бы немислимым в маленьком, отдалённом и слишком небогатом городке, когда-то, за 80 лет тому назад, бывшей крепостце Верхояицкой, на старой киргизской линии. Здешнее общество состоит из чиновников, служащих, но более отставных, живущих не большою пенсией; между купечеством есть зажиточные наиболее от торговли скотом и азиатской мены, но не много людей образованных; большая часть купцов выехали из разных мест и начали торговлю с мелочной; с здешним чиновным обществом купечество редко сближалось. В Верхнеуральском уезде есть заводчики, есть золотопромышленники, но они почти не бывают в городе, разве в

случае крайности; помещиков нет. Да и в самом городе, при отсутствии всяких общественных развлечений, само собою, общество, как оно не малочисленно, но должно было разделяться на кружки... Теперь сделан важный шаг к общественности и будущему, конечно, сближению разнородного общества, что полагаем, именно всего скорее может быть в небольшом городке. При клубе, современем, может образоваться библиотека, о которой до этих пор тоже никто здесь не думал, да и возможности никакой не было. Средства здешнего клуба чрезвычайно, покуда, скудны: гг. старшины обратились к заводчикам и золотопромышленникам с предложением подписаться в члены клуба, за самую ничтожную плату, 5 руб. в год, но что всякое, свыше этой суммы приношение, будет принято с благодарностию. Желательно, чтобы приглашение нашло сочувствие. Помещение клуба, покуда на первый раз приличное: предполагается каждую неделю по 1 танцевальному или семейному вечеру; но есть одно слишком важное неудобство – где взять музыку? – В городе покуда нашлось ещё 3, 4 импровизированных артистов, как нибудь, с грехом по полам, по слуху играющих что-то похожее на танцы; но современем будет и это, потому что в Верхнеуральске находится полковое управление, а в окрестностях расположен постоянно 6-й Оренбургский казачий полк; стоит только в этом случае посодействовать полковому начальству, если средства клуба будут к этому с своей стороны содействовать, но и кроме того по времени при средствах можно будет иметь и музыку. Теперь более ничего нельзя сказать, как выразить искреннюю благодарность Верхнеуральскому обществу за доброе начало. Желательно, чтобы при клубе были 1, 2 нумера для приезжающих, а то ведь нестерпимо неимеющему знакомых приезжему в город на первом шагу ездить из дома в дом, просить и умолять, чтобы ради Христа за деньги, без торга, пустили на квартиру, а об особых удобствах и слова нет, но лишь бы не остаться на улице и укрыться от тёмной ночи. Конечно, если бы кто нарочно открыл №№, был бы в накладе, а клубу это сделать очень легко и необходимо.

И-въ.¹

(Оренбургские губернские ведомости. 1865. 5 апреля)

¹ Авторство, скорее всего, принадлежит Р.Г. Игнатьеву. Возможно, небольшие заметки главным образом о культурной жизни он подписывал «И-въ» или «Р. И-въ» (смотри выше). В 1865 г. в номере 13-м «Оренбургских губернских ведомостей» за 27 марта была опубликована работа «Несколько слов о православных миссионерах, по поводу православия чуваш», подписанная просто «И.» Затем в следующем номере 14-м выходит статья «Из г. Верхнеуральска», автор (или редакция) которой, возможно, специально, чтобы отделить свой материал от предшествующего уточняет собственную

№ 19. Канур Буга

Канур Буга у башкир означает – бурый бык; этим именем называют в землях 2 и 3 башкирского кантонов Верхнеуральского и Троицкого уездов признаки какой-то дороги, проведённой когда-то через Уральский хребет, но куда именно и с какой целью проведённой, неизвестно. Эта дорога, довольно узкая; проведена вероятно с большими усилиями и большими средствами, по видимому она начинается Верхнеуральского уезда в Кубеляцкой волости, близ дер. Мурапаевой, отсюда дорога по Уральскому хребту следует в Тунгатаровскую волость, Троицкого уезда. У башкир Верхнеуральского и Троицкого уездов об этой дороге существуют разные предания. Башкиры Верхнеуральского уезда относят проведение дороги через Урал к временам Золотой Орды, кочевавшей по верховью р. Урала, древнего Яика, и Аджики, и что по этой дороге впервые пошли ордынские стада быков; у башкир же Троицкого уезда существует предание, будтобы, дорога неизвестно когда и кем проведённая, открыта по случаю перехода по всему её протяжению бурого быка; а так как этот бык впервые указал своим переходом через хребет, что тут есть дорога; с тех пор дорога эта и прозвалась бурым быком «канур буга».

Но как бы то ни было, башкирские предания Верхнеуральского и Троицкого уездов сходятся в одном – в древности существования дороги, что она не принадлежит их предкам, которые, надобно правду сказать, при полудиком своём состоянии, особенно в древние времена не нуждались в дорогах, да не могли и проводить их через горы, имея дороги по местам более ровным, судя по местностям, окружающим канур буга. Башкиры, народ – пастушеский, в старину не имел нужды в сокращении путей. Предания касательно принадлежности дороги не башкирам, коренным обитателям края, но татарам Золотой Орды, имеют свои основания. В Верхнеуральском уезде, как памятники времён ордынских, есть урочище и городище «Чингисово», близ деревни Чингисовой, 1 бурзянской волости, и урочище и городище «Кипчак», Кипчатское, в 5 вер. от дер. Бимяловой, на вершине ключа Сук-Карагача и горы Ярындык, одной из высоких отраслей Ура-

фамилию «И-въ» – Игнатъев? Среди других авторов уфимской газеты в это время можно назвать Игнатовича. Сама же заметка «Из г. Верхнеуральска» представляет переработанный редактором текст, с точно редакторским введением, может быть, именно поэтому не поставлена полная подпись автора. А исторические вставки и профессиональная оценка музыкантов явно указывают на Руфа Гавриловича. Кроме того, Р.Г. Игнатъев в 1865 г. публикует работу о Верхнеуральске, где есть совпадающий с этой статьёй материал.

ла. О горе Ярындык, что значит по татарски – нары, есть местное предание, что будтобы один из ханов Кипчатской орды, а другие говорят, что то был сам Чингис-хан, велел войску лечь на эту гору как на нары, и полегло войско по горе, так, что не осталось ни одного места где бы не лежал человек, сама гора, казалось; составлена была из людей, с тех пор и прозвалась гора – Ярындыком, – «нарами», «постелью». В землях 1 Бурзянской волости, по склонам горы Ярындыка, в 10, 12 и 15 вер. от дер. Баишевой, равно при дер. Сынгизовой, на правом берегу р. Сакмары, есть несколько кольцеобразных земляных насыпей или курганов, в том числе один из дикого камня, приписываемых башкирами могилам татарских князей и батырей или витязей знаменитых, и курганы эти называются, будто-бы, именами в них погребённых как-то: «Асылбай, Гаитбай, Селим, Там, Каришки, Саз-таас, Сальмян и Услулар» а курган близ киргизской генеральной межи в 210 саж. от озера Карагайлы-Узянь называется по имени, будто-бы, погребённой здесь жены Чингис хана «Ак-тюба». В Оренбургском уезде, пограничном с Верхнеуральским, особенно в дачах 5 Оренбургского казачьего полка, есть много курганов, которым приписывают тоже самое значение, и которые называются тоже разными прозвищами. Принадлежат ли все эти курганы татарам или племенам более древним, давно исчезнувшим, но здесь обитавшим, неизвестно, но во всяком случае, канур буга принадлежит бесспорно к памятникам древности, даже и тогда, еслибы она даже принадлежала коренным обитателям местности – башкирам, что очень сомнительно.

Теперь, когда Императорскою Археологическою Коммиссиею поднят вопрос о повсеместном приведении в известность памятников древности, к числу которых относятся и древние пути и дороги, то тем более дорога, проведённая чрез Уральский хребет и относимая преданием к временам золотой орды есть один из важных памятников Оренбургских древностей и требует тщательного исследования, а именно: куда она проходила и откуда начиналась, так как, может быть, откроется, что она была проведена на более значительное расстояние, нежели на которое теперь указывают местные башкиры, а равно здесь требуется также и тщательное топографическое исследование местностей этой дороги или канур буга. Занимаясь археологическими изысканиями по Верхнеуральскому и Троицкому уездам, я надеюсь в последствии представить читателям Уфимских ведомостей результаты моих поисков.

Дейст. член Уфимского Губ. Стат. Комитета Р. Игнатъев
(Уфимские губернские ведомости. 1865. 7 августа)

№ 20. Заметка о школе при церкви св. Спаса, в г. Уфе

Существующие в г. Уфе при некоторых из приходских церквей бесплатные школы для детей обоего пола всех сословий основанием своим вполне обязаны просвещённому, уважаемому архипастырю, преосвященному Филарету, Епископу Уфимскому и Мензелинскому, указавшему духовенству своей епархии на настоящую его обязанность – быть не только словом на кафедре церковной, но и делом учителями народа.

Школа при церкви свят. Спаса открыта 1 Февраля 1861 года, священно-служителями этой церкви на церковные средства; эти средства состояли в помещении в церковном доме и отоплении на церковный счёт, равно, кажется, и в снабжении учеников учебниками. Приход св. Спаса, имеющий 168 домов и обоего пола прихожан всех сословий, как значится по крыловым ведомостям, 1044 человека, считается одним из лучших церковных приходов. Теперь Спасская школа перемещена в наёмный дом, где и квартира преподавателя от. дьякона М.И. Тимашева. Предметы учения: чтение церковной и гражданской печати, закон Божий, арифметика – первые четыре правила, счетоводство, чистописание, женские рукоделия и церковное пение: обучением девочек грамоте, рукодельям и церковному пению занимается супруга о. дьякона М.В. Тимашева.

Учение в церковных школах для учеников не обязательно: они могут ходить и не ходить в школу; кроме того, ученики здесь исключительно дети бедных людей, наиболее из мещан, крестьян и солдат. Одних берут из школы, как только они немного начинают читать, другие ученики сами переходят в другие школы где поглянется, третьим не в чем идти в школу и т. п. По этому здесь ученики и ученицы то убывают, то прибывают.

Считаем нелишним указать на изменение числа учеников в Спасской школе за всё время её существования. По имеющимся сведениям в Спасской школе со времени её открытия в 1861 г. было 29 мальчиков и 1 девочка, в конце же 1861 к 1 Января 1862 г. оставалось 11 только мальчиков, девочек не было после того долго; потом в течении 1862 года было: в Январе 12 мальчиков, в Феврале тоже, в Марте 16 ч., в Апреле 18 мальчиков и 1 девочка, в Мае 19 мальчиков и 1 девочка, в Июне 26 мальч. и 1 девоч., в Октябре 25 мальчиков и 2 дев., в Ноябре 24 мальч. и 2 дев., в Декабре 25 мальч. и 4 дев. В 1863 году в Январе 26 мальч. и 4 дев., в Феврале 19 мальч. и 3 дев., в Марте 22 мал. и 4 дев., в Апреле 21 мальч. и 9 дев., в Октябре 22 мальч. и 12 дев., в Ноябре 20 мальч. и 10 дев., в Декабре 26 мальч. и 9 дев.; в 1864 году в Январе 28 мальч. и 19 дев., в Феврале 31 мальч. и

17 дев., в Марте 25 мальч. и 22 дев., в Апреле 25 мальч. и 22 девоч., в Маие 28 мальч. и 26 девоч., в Июне 30 мальч. и 30 дев., в Сентябре 1 мал. и 12 дев., в Октябре 2 мальч. и 12 девоч., в Ноябре 5 мальч. и 15 дев., в Декабре 5 мал. и 18 дев.; в 1865 году в Январе 5 мальч. и 18 дев., в Феврале 5 мальч. и 16 дев., в Марте 7 мальч. и 12 дев., в Апреле 2 мальч. и 14 дев., в Маие 2 мальч. и 14 дев., в Июне 2 мальч. и 20 девоч. Таким образом в нынешнем году Спасская школа обратилась в женскую школу; за успешное и ревностное обучение девочек преподавательница М.В. Тимашева получила благодарность епархиального начальства. Преподаватели Спасской школы по усердию своему не полагают для себя каникулярного времени, и в течении целого года не прекращают своей деятельности, за исключением Июля и Августа прошлого года, по случаю перестройки церковного дома. В прошедших годах, как мы видели, с Июля месяца до Октября учеников и учениц не было, но это случалось потому, что иные родители просили, и тоже на основании своих домашних нужд, назначить каникулярное время с Июля по Октябрь, другие же ученики и ученицы сами не являлись в это время в школу, но школа была всегда готова к принятию учеников и учениц.

Наши простонародные школы только тогда будут иметь правильный ход ученья, когда родители учащихся наконец поймут, что раз отдавши детей в училище, не следует отвлекать их от учения никакими домашностями, по крайней мере до тех пор покуда они не научатся хорошо читать и писать.

Действуя слишком скромно и в безвестности, Спасская школа не могла со всеми своими крайними нуждами обратить на себя должное внимание общества, которое конечно помогло бы этим нуждам. От этой безвестности пожертвований от сторонних людей, а они бы непременно нашлись, от самого начала основания не было; только в прошедшем году церковный староста Уфимский 2 гильдии купец Василий Андреевич Любимов пожертвовал для школы 86 букварей, 70 экземпляров краткого катехизиса, 50 экземпляров Арифметики и несколько экземпляров книжки «Сокровище Духовное от мира собираемое» сочинения св. Тихона епископа Воронежского. Этими книгами Спасская церковь снабжает бесплатно учеников: сверх того в пользу школы на церковные деньги в прошлом 1864 году выписывался журнал «Мирской Вестник». Вот и всё, что имеет школа, чем должна существовать и впредь, не видя ни откуда помощи, между тем она служит безкорыстно великому делу грамотности.

Для Спасской и других Уфимских церковных школ, за весьма не многим исключением, первая и самая главная потребность это – учебники, помещение и книги для детского чтения.

Спасская школа в настоящее время сделалась женскою, хотя она не закрыта и для мальчиков, но таковых обучается теперь уже только трое, а девочек напротив того 20. Явление это можно объяснить, мне кажется, исключительно неутомимыми трудами и в следствие этого приобретённой популярностью самой преподавательницы Г. Тимашевой. Таковое мнение основано и на оценке уже сделанной епархиальным начальством и на том, что автор настоящей заметки сам бывал в школе и видел методу преподавания в ней, слышал ответы учениц из преподаваемых здесь предметов и видел рукоделья девочек; что же касается до церковного пения, то не смотря на то, что ему везде в церковных школах обучают на слух, девочки отчётливо поют не только простое, обыкновенно употребляемое в церквах пение, но и партесное, так на пример нам случилось слышать исполнение «хвалите имя господне» переложения А.Ф. Львова и другие очень не лёгкие пиесы для малолетних детей, не знающих нот.

Метода преподавания в Уфимских церковных школах современная, зубрения наизусть, кроме молитв, не существует: дети отвечают своими словами, но при обучении русской грамоте существует старинный способ, т. е. аз, буки и т. д. вместо а, бе, и т. д.; как в Спасской, так и во всех других школах, преподаватели отстаивают эту методу, потому будтобы, что эта метода облегчает переход от гражданской к церковной печати или способствует в одно и тоже время обучаться церковной и гражданской печати. (?) К тому же многие родители хотят, чтобы дети, особенно девочки, более знали и прилежались церковной печати, нежели к гражданской. Есть даже и такие, которые считают даже опасным учить дочерей не церковной печати, а тем более писать... «Лишь бы могла прочитатъ божественную, душеспасительную, церковную книжку, особенно псалтырь и довольно, за глаза довольно», разсуждают иные отцы и матери. Конечно церковные школы, служа распространителями грамотности в низших сферах русского общества, должны соображаться с желаниями общества для которого служат, так, по крайней мере, думают многие из преподавателей церковных народных школ. Но мы полагаем, что за всем тем учить, по старому способу когда придуманы другие, ускоряющие и облегчающие самое дело, едва ли необходимо твёрдо держаться за правила букварей XVI века «понихже подобает учити отрок».

Распространение и скорое, лёгкое распространение в народе грамотности – вопрос живой, безотлагательный, по этому должно желать, чтобы народные школы, как заведения откры-

тые, вели своё доброе и великое дело на чистоту и гласно, посредством печати, чему служит примером Уфимская Успенская школа, печатающая о всех своих действиях в «Губернских Ведомостях»; но должно сказать правду одних отчётов о том: сколько было учеников, какие были средства школы для её существования, недостаточно, а кроме того должно желать, чтобы для лучшего разъяснения хода дела о грамотности при этом объяснялось во 1, выбывшие из школы всему ли обучались, что им преподавалось или они только выучились читать или даже не выучились и читать; во 2, не поступили ли в учебные заведения как-то в уездные или приходские училища и т. д.; заметим, что в церковных школах учатся первоначально грамоте и дети священно и церковно служителей, которые поступают непременно в духовное училище; в 3, не перешли ли выбывшие из одной церковной школы в другую и с каким познанием: только читать, или читать и писать? и в 4, те, которые ограничились обучением в церковной школе, к какому роду занятий обратились. Этот последний вопрос, если он только возможен к разрешению со стороны преподавателей церковных школ, слишком важен, как объяснение цели – для чего служат церковные школы и самая грамотность и к каким ведёт результатам? О чём ещё в прошлом году Оренбургский, что ныне Уфимский Губернский Статистический Комитет, по журналу своему 23 Апреля 1864 г. просил сообщать ему эти сведения.

Оканчиваем нашу краткую заметку о Спасской церковной школе полным пожеланием ей всякого преуспевания в её скромном, но великом труде на пользу народа; но этот труд требует помощи материальной и по этому должно желать, чтобы нужды Спасской школы были услышаны и вызвали бы с чьей либо стороны материальную помощь, которую оказать собственная церковная казна или средства Спасской церкви не могут, имея в предмете удовлетворение разных собственно церковных потребностей. Кто жертвует на церковные школы, тот служит великому делу распространения грамотности, а грамотность при добром её направлении необходима для развития общества.

Дейст. член Уфимского Губ. Стат. Комитета Р. Игнатъев.
(Уфимские губернские ведомости. 1865. 21 августа)

№ 21. Древний антиминос в г. Уфе Буйницкого Монастыря из Литовской Руси

В ризнице Уфимского Воскресенского кафедрального собора хранится неизвестно когда, откуда, кем и по какому случаю доставленный сюда, антиминос Буйницкого Монастыря Литовской Руси, освященный в 1 половине XVII века преосвященным Сильверстом Косовым, Епископом Мстиславским, Оршанским и Могилёвским, тем самым Косовым, что был в последствии Митрополитом Киевским, при котором совершилось присоединение Малой России. Антиминос напечатан, т. е. священные изображения на нём, неизвестно в какой типографии, на толстом холсте, мерою с квадрат около 1 аршина; на верхней части плата изображён Спаситель, в пояс, источающий в церковный потир (чашу) кровь из рёбр, по краям плата, справа и слева в кругах 4 Евангелиста и в полуквадратах два херувима, один держащий копие, другой – трость и губу, эмблемы страдания и крестной смерти Спасителя. Под изображением Спасителя, источающего кровь из рёбр рукописная надпись славянская полууставом: «Божествен и освящён алтарь Господа и Бога спаса нашего Иисуса Христа, а освящён благодатию всесвятого и животворящего духа, рукодействен же и благословен. господином. отцем. Сильвестром. Косовом. православным епископом Мстиславским, Оршанским и Могилёвским, при державе великаго Короля Польского Владислава четвёртаго, в лето божия мира 7145, а от рождества Христова 1637, месяца Апреля дня 15; во еже священно действовать и с вершити божественную литургию во храме успения Пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии в обители Буйницкой, вмаетности его мощи пана Подкомория Мстиславскаго, пана Богдана Граецкаго». Под этою надписью скорописью XVII века подпись: «Сельвестр Косов. Епископ. Мстиславска, Оршанска и Могилёвска». К сожалению я не имел средства ни снять рисунок с антиминоса ни fac. simile с собственно-ручной, подписи знаменитого сотрудника Гетмана Богдана Хмельницкого; впрочем fac. simile с подписи руки Митрополита Киевского Сильвестра ещё можно видеть в приложении к III тому Истории малой России Бантыш-Каменского. Но вопрос, как попал антиминос Литовской Руси в окрайный г. Уфу? – прислан ли в числе древних антиминосов посылаемых из разных епархий на освящение единоверческих церквей или отобран от раскольников, между которыми развита практически страсть к похищению церковных древностей? Я обратился к архиву Уфимской Духовной Консистории и к соборному архиву, но

ничего не нашёл там об этой древности. Старые дела 1780 годов, находящиеся в Воскресенском соборе перенесены были туда из бывшего Смоленского собора в 1843 году, после обращения его в городскую приходскую церковь под именем свято троичкой. Впрочем г. Уфа, особенно в XVIII веке, где всё строение было деревянное, не раз терпела от пожаров, а в 1816 и 1823 г. сгорели многие архивы, по этому, если что и было, то утратилось в пожары. Но вот ещё предположение, разъясняющее причину, по которой древний антиминс этот попал в Уфу, предположение, которое я не излишним нахожу высказать. В крайний г. Уфу высланы были в разные годы в XVII веке на службу Смоленские и Полоцкие дворяне, шляхта; этим дворянам хранятся в архиве Гражданской Палаты поимённые списки и особые книги дворянской десятины, с показанием за кем состоит сколько поместья: списки и книги эти на лицо с 1618 по 1700 год. В одном из списков за 1678 год и книге десятской 1697 г. встречаем жителей Оршанских и Мстиславских в числе шляхты по фамилиям Вышинских, Заборских, Швык и Ивана Граецкого. Но и здесь зачем было приносить мирским людям антиминс, что дозволено только по уставу церкви священнику? Церкви Успения в Уфе не было до 1789 г., когда построена была помещиком Аничковым деревянная церковь в это имя на городском кладбище, а Успенский мужеский монастырь в г. Уфе существовал ещё на месте нынешнего Благовещенского женского монастыря, со времён Царя Михаила Феодоровича; между тем, антиминс, исключительно назначается для церкви Успения и по чиноположению церковному не может быть употреблён в церкви не в это имя основанной. Как бы то ни было, антиминс замечателен как священная древность и как образец древнего печатного или литографного дела и как эпизод из истории Буйницкой обители, издревле православной и сохранившей православие среди гонений Католиков и Униатов, обители знаменитой в Литовской Руси. Желательно, еслибы кто разрешил этот тёмный для нас факт, каким случаем антиминс у нас в нашей, далёкой от Литовской Руси, окраиной стороне?

Дейст. член Уфимского Губ. Стат. Комитета Р. Игнатъев.
(Уфимские губернские ведомости. 1865. 28 августа)

**№ 22. Чудской городок и городьба в Челябинском
уезде Оренбургской губернии**
(Археологический очерк)

Челябинский уезд обилён памятниками древности; курганы, по здешнему чудские ямы и чудаки, встречаются безпрестанно и не только близ дорог, рек, озёр и т. п., но даже и в самых селениях среди жильёв; есть в Челябинском уезде городища и места побоищ и остатки древних жильёв неизвестных теперь племён, когда-то здесь живших, словом, Челябинский уезд – обширное поле для археологической деятельности, но поле ещё не возделанное, новь, как выражаются агрономы, эта новь ещё ждёт своих деятелей.

В народе ходит много рассказов и преданий о курганах, городищах, чуди или чудаках; некоторым курганам приписывается как бы христианское происхождение и святость в них погребённых: так на многих из курганов будтобы является свет, когда начнут благовестить к заутренни на св. Пасху. Кто станет раскапывать курганы, того постигнет страх или наказание Божие: случалось не раз, что смельчаки и люди маловерные ставили на курганах овины или мельницы, но каждый раз, когда строение подходило к концу, буря размётывала постройку до основания; если же после этого чуда всё таки неуверенный хозяин-вольнодумец опять таки принимался что нибудь строить на кургане, тогда же не, матери, сестре или кому нибудь из близких к нему женщин появлялась белоодеянная женщина с младенцем на руках, с таковою угрозою: я раба божия Анна, чудская женщина, а иногда княгиня чудская, велю вам почитать гробы мёртвых и мой собственный и моего рода, иначе вы сами погибнете и искоренитесь с лица земли, поведайте моё грозное слово вашим отцам, мужьям, братьям и всем близким... И не трогает народ в Челябинском уезде курганы и городища или, что очень редко, решается на это изъподтишка, как на величайшее преступление, что называется, оглядываясь на каждом шагу: так один крестьянин, желая разбогатеть от клада, стал рыть курган и нашёл небольшую, круглую, глиняную чашечку синей глины, с глазурью, но тут на него нашёл такой страх, что он спешил опять зарыть и заровнять по прежнему то место, где копал, чтобы и следа не было раскопки; чашечку, однакоже, крестьянин отдал своим детям играть и они, играя, её разбили; но в туже ночь жене крестьянина явилась не во сне, а на яву чудская княгиня Анна и строго упрекала за разрытие кургана и за взятую оттуда вещицу. Трогать курганы, говорят крестьяне Челябинского уезда, не должно и не следует, а клады в них есть, и в селе Островках, при озере этого имени, го-

ворят, в кургане зарыт чудской князь на золотом троне или стуле, но трогать его опасно. Есть курганы и городища, по здешнему городьба, за которыми по мнению Челябинцев, сила Божия, но есть и такие, за которыми – сила нечистая, а другое место уже не чудаки или не чудские люди, а сам, видно, дьявол нагородил.

В 60 вер. от г. Челябинска, при р. Миясе есть деревня Мокрый-Лог, ведомства Государственных Имуществ; в 2 ½ вер. от этой деревни и в 1 ½ вер. от р. Мияса, на В. от деревни, в 400 саж. от дороги из дер. Мокрый-Лог в дер. Калмыкову, в поле, на пашне, окружённой берёзовым лесом с трёх сторон, а с четвертой рекою Миясом, находится круглое городище, о котором народ здесь говорит, что его не людские руки делали, а сам чорт нагородил, а за тем и прозвалось городище – «чортовой городьбой». Дорога, т. е. просёлок в деревню Калмыково, до которой примерно считают, от дер. Мокрого-Лога около 7 вёр., идёт мимо пашен с обеих сторон: в Челябинском уезде, который за весьма малым исключением представляет из себя равнину, всегда пашни заводятся внутри лесов для защиты их от морозов и ветров. Следуя по этой дороге в 2 ½ вер. от дер. Мокрый-Лог на В. в сторону от дороги, на пашне, в 300 саж. прежде всего встречаем кольцеобразный курган чернозёмного грунта, с примесью и песчаного, вышины 2 саж., в окружности 14, в диаметре 4 саж.; на верху насыпи яма глубиною 1 саж., на насыпи растут трава и репейник, самая насыпь или курган повреждён паханием. По распросам мною у жителей д. Мокрый-лог, курган разрываем не был и что этот курган чудская могила. Во ста не более саженьях от этого кургана на С. находится городище или Чортова городьба, но почему именно она чортова, никто мне не объяснил, кроме того, что уже изстари так ведётся обычай называть чортовой городьбою. Чортова городьба имеет вид неправильного круга; это городище, в окружности всего 79 саж., в длину же 48, а в ширину 24 саж.; оно окружено валом в один ряд, без входов в него и без всякого видимого признака рва. Вал в насыпь чернозёмного грунта, с примесью мелкого камня известковых пород, тут же на месте взятых для этой насыпи; насыпь от времени и осыпания стала не равномерная; местами вышина вала имеет одну и ½ саж., а в других местах 1 ¾ и до 1 ½ ар., ширина насыпи 1 ½ саж., внутри вала густо разрослись берёза, тальник и ветла, так что и проход от конца в конец внутри городища затруднителен, по гущине леса и по огромным корням; лес по толщине его стволов, дупл и корней видно, что древний, и что замечательно, его никто не рубит; и хотя народ называет этот вал и то что внутри его – даже и самой лес, делом дьявола, чортовой городьбой, но между тем не рассказывает ни-

каких особых поверьев о сверхъестественных каких нибудь событиях, а также и того, чтобы чортова городьба была место не доброе, напротив здесь народ не боится и около самого вала с левой стороны, лицом к дер. Мокрый-лог, здешний крестьянин Тимофей Замятнин устроил свою летнюю заимку, называемую – «замятнин стан», значит место не недоброе... По словам здешних жителей никаких находок древностей не было и следов жительства не замечено, что доказывается запашкой всей местности; незаметно также следов жилья в лесу, окружающем с трёх сторон пашню. Мною осматривана была местность на 6-вёрстное пространство, при чём не оказалось ни ключа, ни колодца, ни суходолов, ни урочищ, имеющих какие либо особые прозвища и чем либо особым прикосновенных, так сказать, к чортовой городьбе, но прикосновенны к ней курганы; из них один высится, как мы видели, не более как во ста саж. от городьбы, кроме того близ дер. Мокрый-лог по берегам о. Миаса, около лога называемого – «мокрым», близ дороги в г. Челябинск, встречаем 3 кургана: на С.В. от р. Миаса в 200 саж. от берега, следуя к Челябинской дороге; он вышиною $1\frac{1}{2}$, в окружности 9, в диаметре 3 саж.; 2-й в 239 $\frac{1}{4}$ саж. от первого и на Ю.В.; высота около 2 саж., окружность 10, в диаметре $3\frac{1}{4}$ саж. и 3-й курган в 251 саж. на В. от 2-го, вышины около 3 саж., в окружности 15 и в диаметре 4 саж. В самой деревне Мокрый-лог, на улице близ крестьянских домов находится курган, вышиною $1\frac{1}{2}$ с., в окружности 10 и в диаметре $3\frac{1}{4}$ саж. На вершинах насыпей этих курганов углублений или ям нет, за исключением, как выше сказано нами, того кургана, что близ чортовой городьбы; курганы даже находящиеся в деревне по словам предания целы от расхищения, будтобы, за силою невидимого и видимого покровительства чудской княгини Анны. Грунт этих остальных 4 курганов тот же самый, что и того кургана, который около чортовой городьбы; они, за исключением находящегося в деревне, поросли травой и репейником и разными сорными травами.

После Чортовой городьбы, к числу замечательных из древностей Челябинского уезда принадлежит городище – чудской городок, в 205 вер. от г. Челябы, близ дер. Гороховой тоже ведомства Государственных Имуществ.

Городище это также как и городьба чортова имеет вид неправильного круга, образуемого в один ряд идущим валом, в окружности $47\frac{1}{8}$ саж., высота насыпи не равномерная от времени и осыпи, 1 и $\frac{1}{2}$ саж., внутренность городища заросла кустами берёзы, ветлы и сорными травами; длина вообще городища 20, ширина 15 саж.; грунт земли и насыпь такие же как и чортовой городьбы. Здесь в валу находятся два пустые пространст-

ва, служившие входом: одно с западной, а другое с восточной стороны вала.

Чудский городок находится в поле, на выезд из деревни Гороховой, по дороге в дер. Елохинскую или Зайково, в поле, в 70 саж. от деревенской околицы или загороди; мимо городища или чудского городка в 30 саж. идёт дорога в дер. Елохинскую. Чудской городок окружают на С. поле и дер. Елохинская в 5 верстах, на З. поле и р. Юргамыш, от которой до чудского городка $1 \frac{1}{2}$ вер.; за рекою тоже поля, а далее лес, на В. поле и лес, на Ю. поле и деревня Горохино. Раскопов, даже и случайных, около Чудского городка не было и признаков, жилья незаметно; между тем у крестьян есть предание, что здесь жил народ какой-то чуждый – неведомой, чудаки; что этот то народ чуждый, не ведомый устроил этот городок неизвестно за чем, но что и этот городок трогать не следует, как и курганы. Вот и всё, более нет никаких преданий, кроме того, что народ уважает неприкосновенность места, так сказать святыню его древности, называя его чудским городком. – Замечательно и то, что крестьяне Челябинского уезда, человеку заезжему, не знаемому, особенно чиновнику, барину, не охотно поверяют предания, а ещё менее того не указывают на памятники древностей, а самые волостные правления даже и на бумаге не решаются отвечать напросы, или даже официально отвечают, что нет ни курганов и никаких чудаков; этому был пример в прошлом году при собраний таковых сведений для Оренбургского, что ныне Уфимский, Губернского Статистического Комитета. Полагаю, что народ боится за целостность памятников древности, а более того за указание на них – мщениа чудской княгини, которой впрочем, за сохранение Челябинских древностей, стоит поклониться; жаль, что княгиня Анна возлюбила лишь один Челябинский, а не все уезды Оренбургской губернии, где древности не всегда уважаются.

За р. Юргамыш на пашне, окружённой лесом, как это здесь в обычае, лицом к лицу выходят с чудским городком 4 кургана: 1 – от берега р. Юргамыш в $240 \frac{1}{2}$ саж., вышины $1 \frac{1}{4}$, в окружности 9, в диаметре 5 саж., на вершине насыпи яма, глубиною $\frac{1}{2}$ ар. от обвала и осыпи самого кургана; от 1-го на С.В. в 39 саж. – 2-й курган – вышины $1 \frac{1}{2}$ саж., длины 11, в диаметре $13 \frac{1}{4}$ саж., яма на вершине от времени и осыпи, глубиною $\frac{3}{4}$ арш., от 2-го кургана в 41 саж. на СВ. 3-й курган – вышины 10, в окружности 14, в диаметре $7 \frac{1}{2}$ саж., яма на вершине насыпи глубиною 1 арш.; отсюда в 54 саж. на С.В. тоже 4-й и последний курган – вышиною $2 \frac{1}{2}$, в окружности $13 \frac{1}{4}$, в диаметре 5 саж., яма на верху насыпи, глубиною $1 \frac{1}{4}$ арш., грунт насыпей суглинистый, все они поросли сорными травами.

Курганы много в настоящей статье обозначенные кольцеобразные и этот вид курганов почти, за очень малыми исключениями, единственный, можно сказать, не только в Челябинском уезде, но и повсюду в Оренбургской и даже нынешней Уфимской губернии. От того, что на всех почти курганах, кроме тех, на которых это уничтожило время, есть непременно углубления, ямы, а на ином кургане ям этих бывает по 2, по 3 и до 5 ям; на этом основании, народ зовёт в Челябинском уезде курганы «Чудскими ямами». Народ уверен, что эти ямы были очень большие, что в них пряталась чудь или чудаки от неприятеля, или, что может быть, у чуди или чудаков было в обычае жить в ямах курганных, что после смерти в эти же ямы и закапывали чудаков... Таковые поверья мне однакоже слышать случалось более от казаков, выселенцев не слишком давних, а не от крестьян Челябинского уезда, считающих себя давними жителями, даже лет за 100 и 150.

Заметить должно, что точно такие же городища, как чортова городьба и чудской городок, есть в Верхнеуральском уезде, Оренбургской губернии, и одно из них, полуквадратное, длиною 29 саж., шириною 17 $\frac{1}{4}$ с. с 2 входами, находится Кипчатской башкирской волости в 5 вер. от дер. Бимяловой при горе Ярындык и ключе сук-карагаче, близ урочища Кипчак; другое городище точно такой же формы, как чудской городок и с 2 выходами, но без рва близ дер. Чингисовой, в 1-й Бурзянской башкирской волости, на берегу р. Сакмары, имеющее в окружности 84 саж. и называемое «Чингисово», по имени будтобы бывшего здесь кочевья Чингис-Хана?

Приводя эти сравнения, беру смелость высказать своё мнение, что все эти городища в землях Челябинского и Верхнеуральского уездов Оренбургской губернии, по своей необширности едвали даже были крепостцами? Не могильные ли это памятники над прахом людей знаменитых? ведь и нынче ещё ведётся обычай у киргиз и Бухарцев ограждать валом или стенами без крыш могилы людей почётных. Не знаю, может быть, моё мнение и не бесспорно, но я высказываю его в том убеждении, что не знаю покуда ни одного факта к опровержению. Около городищ или памятников Кипчатского и Чингисова много курганов, приписываемых погребённым здесь татарским князьям золотой орды, то очень легко, что и эти, слывущие за городища, есть не более, как такие же могильные памятники, может быть, над прахом ханов или людей царственного поколения?

Дейст. член Уфимского Губ. Стат. Комитета Р. Игнатъев.
(Уфимские губернские ведомости. 1865. 2 октября)

№ 23. Курганы в при-уральских местах Оренбургской губернии

(Статья Дейст. Член. Уфимск. Стат. Комитета
Р.Г. Игнатьева).

При взгляде на многие сохранившиеся у нас памятники древностей, невольно сам собою возрождается вопрос – какой народ или какие народы разбросали по нынешней Оренбургской губернии эти могильные курганы, эти остатки валов и городищ? Оренбургская губерния – изстаринная отчина башкирского народа, но в сём последнем народе не осталось никаких преданий о этих памятниках; башкирский народ – мусульмане, в течении многих веков; народ этот забыл своё языческое время, к которому можно относить курганы, так как все вообще мусульманские народы не имеют обычая насыпать курганов; впрочем, здесь мы повторяем мысль современных археологов, основанную на предположениях, за неимением точных и положительных фактов. Везде разсеянные по Оренбургской губернии башкирские могилы давних лет – груды камней, столбы, или же местом погребения служат вершины гор и холмов, но вообще натуральные, а не искусственные возвышенности; те же груды камней, иногда обозначают на вершинах гор и холмов могилы башкир. Русское население появилось здесь не ранее XVI века, когда при Грозном завоёвана была башкирия вместе с царством казанским, а население собственно верховьев урала и берегов рек тобольской системы произошло несравненно позднее; основание же горных заводов и выселение сюда десятков тысяч из внутренней России и сибиряки произошло в XVIII веке; население казачества происходило даже и в наше время, следственно русское население, могло слышать предания о курганах от башкир же, но оно их не слыхало, по крайней мере в местностях нами здесь описываемых в Троицком и Верхнеуральском уездах, по берегам р.р. Урала, Уя и Ая, впадающих в р. Тобол. О курганах у русского здешнего населения есть правда предания, но самые нелепые; русский народ относит их к пугачёвщине, единственно ему памятной более всяких киргизских набегов и башкирских бунтов. Что народу памятна пугачёвщина, это очень естественно, это предание не далёкое, предание дедов для многих ещё из настоящего поколения; грозой пронеслась пугачёвщина и покоряла Русь XVIII века, но эта гроза – равно гроза как для русских, так и башкир, а башкиры не относят курганов к Пугачёву, они просто молчат о них, но в молчании башкир – более истины, нежели в преданиях русских, недавних поселенцев края, для которых всё до них бывшее вполне покрыто мраком неизвестнос-

ти. Но странно, не зная ничего о курганах башкиры, а от них и Русские особенно в Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губернии, хорошо знают и указывают на чудские копи, места выработок когда-то и кем-то медных руд, и что эти выработки, принадлежат жившим здесь в древности чудским племенам. Эти остатки чудских копей открывают часто в таких местах, где повидимому невозможно было их предполагать. Несколько лет тому назад один из мастеровых села и рудника Поляковского, ведомства Миясского казённого горного завода, ставив на дворе своего дома погреб, открыл подземную орту, где нашёл, кроме куска неплавленной меди, остаток горна кузнечного, уж как и почему попавшего в орту, неизвестно, и несколько обожжённых костей; в том же селе Поляковском на степи, как здесь выражаются, т. е. за строением в поле в 1856 году вырыто в земле 70 топоров самой простой формы.

Село или рудник Поляковский основан в 1791 году с целью добычи золотых руд здесь открытых по преданию штейгером, а кто говорит, управляющим Миясского завода купца Лугинина – Поляковым; жители не помнят, чтобы в местах находок были производимы когда нибудь работы, а потому и самые находки относят к чуди; но странно, по тем историческим сведениям, покрайней мере которые мы имеем о чудских племенах, нигде невидно, чтобы чудь занималась добычею и выплавною медных руд. Позволяю однакож себе предполагать, что эти чудские копи навели на мысль русских людей искать в здешних местах медные руды, жертвовать трудом и капиталом, основать не один медеплавильный завод по Оренбургской губернии, где вторая половина XVIII века постоянно представляет деятельность заводчиков, выселение из внутренней России и Сибири десятков тысяч людей на Оренбургские горные заводы; правительство всеми силами содействует заводам и заводчикам. Чудские копи и предание о жившей здесь Чуди, по нашему мнению, должно относиться и к курганам, едвали не принадлежащим этому народу. Конечно одного предания недостаточно, но здесь предание подтверждается несколько и фактами.

Был в древности народ чудского племени, но исчез с лица земли, не оставив по себе следа для потомства, кроме краткой повести о своём существовании – это Югры или Угры, называемые чудским народом и бывшие в X веке данниками Руси¹, чёрными и белыми уграми. По словам Нестора первыми обитателями берегов Дуная были славяне, потом на место Славян пришли Болгаре, вместо же Болгар белые угры; эти Угры при царе Гру-

¹ Полн. собр. Русс. лет. т. I стр. 2–5 – прим. Р.Г. Игнатъева.

зинском Ираклии ходили на войну против Хозроя царя Персидского. После их, т. е. белых Угров или Югров, мимо Киева прошли чёрные Угры, это было в 898 году, при В. К. Олеге; пришли Угры с востока устремились через горы великие покорили земли словян, и от того времени покорённая или словянская земля стала Югорскою¹. Собственно они овладели тогда Молдавию, Бессарабию и землёю Волохов.

Так Угры, два раза прошедшие мимо Киева, были основателями государства Венгерского. Первый раз, когда проходили Угры мимо Киева, как предполагают, было в 744 году, когда Угры или Югра не могли утвердиться на земле ими занятой по случаю завоевания её Карлом Великим². Отечеством Югры, откуда они пришли в закарпатские страны, был Урал; большинство западных писателей средних веков называют Северный Урал, т. е. сибирский, страню югорскою *Luharia*, а самых югров – *Luhugen*³. Византийский историк Константин Багрянородный разделяет югров на восемь колен или племён, управляемых каждое своим вождём; одно из югорских племён – Маджары жили по верховьям аджика, яика или нынешнего Урала, между Аджигом и Итилем (Волгою), на южных разветвлениях Уральского хребта (каменного пояса), в соседстве Печенегов, Узов и башкир (башкурд)⁴. Первые христианские путешественники на Восток франк Рубруквис и Итальянец Плато-Карпини подтверждают слова Византийского историка⁵. За 400 лет до Чингис-хана или Чингиса-Темучина, Охус-хан посылал войско на берега Танаиса, Ителя и Аджика, для покорения Урусов, Аланов, Маджаров и башкир, как доказывает Академик Рычков в своей Казанской Истории; тот же историк выводит происхождение Югры от реки Юга, (в нынешней Вологодской губернии) впадающей в р. Сухону; такое мнение прежде Рычкова высказанное Татищевым, справедливо отвергнуто Карамзиным, как несогласное, начиная с сказания Нестора, который отделяет обитателей р. Юга – южан, от Югров и Угров, живущих на Урале около Пермии⁶. Около р. Юга действительно обитало чудское племя, называемое Новгородцами Южанами, но они и Югры, это были два разные народа одного племени, как и Маджары, кочевавшие по ителю и Аджику в пределах нынешней Оренбургской губернии, в осо-

¹ Ibid. 5–9 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Sebastian Munsterus, стр. 626 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Ibid. 626 и 749, Herberstein XCIII – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Изслед. об истор. восточ. европ. народ. 104–106, 107 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁵ Рубруквис, Плато-Карпини – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁶ Карам. Истор. Госуд. Российс. т. I прим. 73 – прим. Р.Г. Игнатьева.

бенности по Верхнеуральскому и частью Оренбургскому уездам. Софийская летопись говорит: «А се живущим около Перми местам и странам и землям иноязычным: Двиняне, Устюжане, Вельжане, Вычежане, Понежане, Южане, Серьяне (Зыряны), Галичане, Вятчани, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь (Самоеды), Пертасы, Пермь Великая и Гамаль Чюсовая»¹. Летописцу Нестору говорил Новгородец Гюря Тогорович, что «он посылал слугу на Печору к данникам Новгородским, а оттуда на Югру или Угру. У Югры язык нем; они, соседи с Самоядью, тут есть горы зайдя Лукоморье, высотой до облака и путь до гор так не проходим пропастями, снегами и лесами, почему Новгородцы не всегда доходят до этого народа»². И так, Югру или Угру во времена Несторовы и после его, понимали соседями Самоедов на Северном Урале, тогда как, достоверно известно, что одно из 8 племён этого народа Маджары жили по берегам Волги и по верховьям Аджика, Яика или Урала. Новгородские летописи и некоторые из иностранных писателей свидетельствуют, что Югра обитала по обеим сторонам Урала и на берегах Северного ледовитого моря. На этом основании можно полагать, что Юграм, может быть, именно тому же племени Маджаров, за исключением верховьев Урала, принадлежали все теперь поуральские места в нынешней Оренбургской губернии. Очень может быть, что Маджары и даже другие чудские племена жили среди башкир, на их землях даже, как в последствии жили и теперь живут среди тех же башкир: Ногаи, Калмыки, Мещеряки, Черемисы, Чуваши, Мордва, Нагайбаки, Каракалпаки, Вотяки и Тептери. Башкиры, народ кочевой, владелец безграничного числа земли, он гостеприимно принимал к себе всех пришельцов, без всякого домогательства подчинить себе гостей и припущенников, за исключением, когда сами чужие племена врывались сюда с оружием, для грабежа и порабощения; отсюда, на пример, произошла многовековая, бывшая, ненависть башкирского народа с Киргиз-кайсаками, о которой так много преданий и песен у башкир. – Среди башкир же существовали Нагайские племена, управляемые своими Ханами; пребывание этих Ханов было там, где теперь г. Уфа и Сеитовский посад (Каргала) близ г. Оренбурга; таково предание башкирского народа; место нынешнего г. Оренбурга при р. Урале это же самое предание называет – кочевьем нагайского хана Басмака. Под Уфой есть нагайское иначе чортово городище, есть урочище – «Нагайская сторона», мост через р. Белую называют – «Нагайским». Словом о Нагаях в памя-

¹ Полн. собр. Русск. лет. т. V стр. 249–250 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Ibid. т. I стр. 207 – прим. Р.Г. Игнатьева.

ти ещё много; Нагаи по преданиям ушли за Кубань от берегов Белой только в XV веке при В. К. Иване III, и теперь смешались с горскими племенами¹. О племенах Югорских не осталось ничего на памяти народа, кроме как только чудских копей и, очень может быть, – курганов.

О племени Маджаров, живших при верховьях р. Урала и на берегах Волги, и очень может быть, на всём протяжении Уральского хребта в нынешних Оренбургской и Уфимской губерниях, и не только по течению Урала, но и в нынешних Троицком и Челябинском и частью в Уфимском уездах, находим таковое известие у восточного писателя XIV века Албуфеда. «Маджары, говорит Албуфед: поклоняются огню, живут в шатрах и шалашах, преимущественно в странах хорошо орошённых водою и покрытых пастбищами»². Здесь по повествованию Албуфеда, Маджары являются народом кочевым, хотя у них был и город Маджар, но в стране совершенно другой, на пути от Дербента в Азов, под 78° 44 в. д. и 51° 44 с. ш.³. На этом основании, по неясности исторических фактов, даже по противоречию самых фактов, позволяем себе предполагать, что не все Маджары были кочевыми, если у них ещё была столица, город, как бы центр власти; впрочем, башкиры и издревле имели селения, в которых жили только зимою, а летом кочевали и перекочёвывали с места на место. У башкир есть предание, что у кочующих Нагаев были города, там где теперь Уфа и посад Каргала; если же это и не были города, в том смысле, как мы понимаем город, то, во всяком случае, это были обширные селения для зимнего времени, иначе и невозможно при здешнем климате. Но едвали Маджары были так многочисленны, что могли, хотя даже и перекочёвками, занимать такое ужасное пространство земли, как берега Волги, Урала и даже окрестности Дербента и Азова?! Позволяем себе снова предполагать, что перекочёвки совершались в разные времена, но не в одно и тоже время, или же, что Маджары, кочующие или кочевавшие по Волге и Уралу и жившие около Азова, где у них был город, хотя и одно и тоже племя, но разделённое между собою, неимеющее ничего общего. Г. Маджар существовал во времена Албуфеда, в 1321 году и назывался иначе – «Куманджаром», так как Маджары жили здесь вместе с Куманами и Хазарами, точно также как те, которые кочевали по Волге и Уралу с тамошними коренными обитателями или пришельцами, с которыми

¹ Рычков, Топогр. опис. Оренб. губ. II, 194–195 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Geographie de Albufeda т. II – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Ibid. – прим. Р.Г. Игнатьева.

братски делили одни и те же земли, леса и воды; башкиры, как сказано выше, и в позднее уже время в XVII ст. пускали на свои земли всех пришельцев, не только за вознаграждение, но и без вознаграждения, по найму и без найма¹. Так, уральские Маджары при Охус-хане должны были терпеть одну участь с башкирскими и прочими обитателями, с которыми, может быть, братски поделили, без найма одни и те же земли и воды.

Говоря о Юграх, предполагают, что данное Нестором название чёрные и белые Югры или Угры означает в первом случае не свободных или подвластных, а в последнем свободных; эти свободные Угры и есть обитатели Урала, о которых, как о племени отдалённом по географическому положению, очень мало знали в Византии, и они избегли по этому всякой зависимости, тогда как, так называемые чёрные Угры были покорены Греками, а потом Хозарами, откуда не отложились и не потянулись на запад, где Нестор упоминает об них под именем – «чёрных Угров»². Белые Угры, т. е. вероятно часть их, появившись с берегов Оби и Иртыша, первоначально на берегах Урала, а потом уже Волги, откуда в 744 г. были вытеснены Печенегамы, слились с Аварамы и другими народами прикарпатскими; когда же белые Угры прошли мимо Киева, то по их примеру устремилась к Дунаю и часть чёрных Угров. Очень может быть, что название чёрные Угры дано Нестором, если это название происходит от зависимости, данничества, – тем чудским или Угорским племенам, которые были данниками славян – Руси, славян Ильменских или Новгородцев, издавна стремившихся к покорению чудских племён. Дорого стоило Великому Новгороду собирать дань с Югров – югорщину, как называли её, и что эта дань состояла из звериных шкур и моржёвых клыков, называемых в Великом Новгороде – «зубьями», «рыбной костью»; последняя, конечно, собиралась с северной Югры, соседственной северному морю, где Югры промышляли ловлею моржей и тюленей в обской губе и в Вайчаге³. Новгородцы достигали Югры, жившей в пределах Пермских, чрез Вятку, где конечно были колонии Великого Новгорода, – Хлынов; но тот же Великий Новгород, кроме этого, имел поселение на р. Каме. Остаётся не разрешённым вопрос – имел ли влияние Новгород на Югорские племена жившие при верховьях р. Урала и по разветвлениям Уральского хребта в пределах нынешней Оренбургской губернии? Положительных фактов нет, кроме опять таки предположений, на которых не-

¹ Пол. соб. зак. Рос. имп. т. XIV № 16, 565 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Стритер – Известия Византийцев, ч. IV стр. 210 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Sebastian Munsterus – прим. Р.Г. Игнатьева.

вольно должна останавливаться на каждом шагу летопись о Юграх.

Югорский народ не признавал ничьей над собою власти, а если с него брали дань, то не иначе как силою оружия, но повидимому, другой покорности и не домогалось от этого свободного народа вечевое правительство Великого Новгорода. Новгородские летописи представляют нам в продолжении нескольких столетий не одну печальную повесть неудачных походов на Югру, кончавшихся истреблением новгородского войска, как это было в 1187, 1193, 1194, 1323, 1329 и 1364 годах¹. Последний поход Новгородцев на Югру был в 1446 году за 22 года до совершенного уничтожения новгородской республики при В. К. Иване III-м в 1478 году. Событие 1446 года, описанное IV Новгородскою летописью характеризует Югорский народ следующим образом: в лето 6954 (1446) Василий Шенькурский и Михайло Яковль, воеводы Новгородские, поидоша ратию заволоцькою в 3000 на Югру и поймавше Югорьских людей много, и жён и детей и расплошишася; они же Югрици dospеша под ними облесть, а ркучи тако: Мы хотим Вам дань даяти, а хотим счестися и указати Вам столы и острови и уречища; а в то время скопившеся и ударивши на острог Василия, и много людей детей боярьских и удалых людей избиша человек на 80².

Не зависимо от такого отношения к Югре вечевого правительства, оно старалось обращать финские племена в христианство, вероятно с намерением чрез это в будущем привлечь их к себе и закрепить финский народ за собою, чрез такой важный шаг к уничтожению народности, как перемена веры. Христианство слабо прививалось к Юграм, а способ обращения был верно тот же, т. е. огонь и меч, посредством которого когда-то и сами Новгородцы сделались христианами³. В следствие чего, много из Югров бежало и скрылось в непроходимых дебрях и ущелиях Урала (каменного пояса). Едвали о этих беглецах не сложился у Новгородцев мифический рассказ, как видели людей, которые в высоких подоблачных горах сделали окна, глядят оттуда, и умоляют дать им оружия, за которое предлагают звериные шкуры⁴. При В. К. Иване III Васильевиче было предпринято несколько походов на Югров, но уже с целью совершенного покорения,

¹ Пол. соб. рус. лет. т. III стр. 19 и 21, т. IV стр. 17, т. V стр. 216 – прим. Р.Г. Игнатъева.

² Полн. соб. Рус. лет. т. IV стр. 124 – прим. Р.Г. Игнатъева.

³ Костомаров. Северно-русские народоправства т. I стран. 36–41 – прим. Р.Г. Игнатъева.

⁴ Пол. соб. рус. лет. т. I стр. 107: си суть людье заклепени Олександром Македоньским царём – прим. Р.Г. Игнатъева.

именно в 1471, 1472, 1483 и 1492 г.¹; Югры, большею частью язычники, бежали тогда далее от прежних жилищ, ближе к сибирю, где смешались с Вогулами, переселившись с западного склона Урала на Восточный к рр. Лозве и Тавде. Так определяла в конце XVI века географическое положение Югорской страны книга, глаголемая Большой Чертёж: «от устья Оби в верх Обдорские грады. А выше Обдорских градов Югорские. А выше Югорских градов сибирь. Сверху на Сосве град Юиль, а с другой стороны 30 вёрст Мункус; а ниже Мункуса 30 вёрст Ляпин» и т. д. Книга, глаголемая большой чертёж, насчитывает 14 городов, говоря: А те грады по Сосве и Выгве, Югра². Таким образом, Югорский народ сделался оседлым, а может быть, были оседлыми, ещё и прежде те из Югорских племён, которые жили на северном Урале. Из книги большой чертёж видно, что Югра, смешавшись с сибирскими племенами, поселилась глубже в сибирю. Большая часть селений или городков Югорских были в Тобольской губернии; по крайней мере, под названием бывших Югорских городков, обозначенных книге большого чертежа, существуют селения, реки и урочища в Соснинской и Лапинской волостях Берёзовского округа Тобольской губернии. По книге большого чертежа Угре положен слишком тесный предел, несогласный с древними о ней сведениями. В XVII веке ещё более стеснены пределы Югры, уже существующей по имени, по воспоминанию, когда в 1681 г. учреждено было Югорское наместничество и когда северные и южные части Югории отделены в ведение других наместничеств, а до того Югрою заведывали Великопермские наместники³. Так разрешилась судьба Югорского народа, оставшегося, после переселения некоторых племён югорских на карпаты, на своём месте на Урале. Часть Маджаров, иначе называемых Мадзарами и Мадиярами, кажется, тоже осталась на местах прежнего кочевания по Волге, когда на этих местах образовалось владычество татар, царство Казанское. Так, по крайней мере, можно подразумевать из созвучия слов Можары, мазары. Мазарами в XVI веке назывались две волости в царстве Казанском, на усмирении которых в 1555 году, весной, после уже взятия Казани, посланы были войска под начальством Князя Ивана Мстиславского и воеводы Дмитрия Плещеева. Око-

¹ Книга, глаголемая Большой Чертёж, изд. Спасским. Стр. 203, 207 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Калачёв. Архив Историко-Юридических сведений, относящихся до России, кн. 1 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Карам. Ист. Госуд. Росс. т. VIII прим. 396. Те же волости и их жители являются под именем Можар во время Казанского похода 1551 г. Ibid. прим. 232 и 236 – прим. Р.Г. Игнатьева.

ло этого же самого времени, несколько ранее, зимою едвали не совершилось и совершенное покорение башкирии, куда перешли остатки войск бывшего царства, нехотевших смириться перед Русскими, да и башкирия ещё считалась страной или подвластною царству казанскому или покровительствуемою бывшим царством. Для уничтожения этих остатков казанского царства послано было войско под начальством Адашева, Шереметева, Микулинского и Курбского, и они доходили до пределов Вятки и башкирии, убили и взяли в плен более 40 т. ч. Пределы башкирии, едвали, не означают нынешний Уральский хребет в Оренбургской губернии или же устье камское, где впадает в р. Каму р. Белая воложка или Белая; но факт этот передан довольно глухо и мы, на основании его, ничего не можем сказать положительного.

Принадлежат ли теперь Юграм или одному из восьми племён Югорским – Маджарам эти копи, встречающиеся в Троицком и Челябинском уездах, пограничных с Пермскою губерниею, где также сохранились и копи и предание о чудских копиях. Полагаем, что чудские копи в Пермской губернии, относятся именно к тем же копиям Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии и принадлежат одному народу, если даже под словом «Чудь» можно понимать не собственное имя народа, а просто народ чуждый, неизвестный, живший во времена глубокой древности; что касается до племени Маджаров, кочевавшего по верховьям Урала, то именно на этих местах на верховьях Урала и не встречается чудских копий, по этому можно предполагать, что самые копи принадлежат другому племени здесь жившему, и может быть той Югре, что занимала своими селениями обе стороны Урала, той Югре, от которой торговой и промышленный Великий Новгород доставал себе металлы и так называемое закамское серебро¹; если же серебро получал Новгород чрез югру, значит Югорские племена и Пермь Великая имели не одну промышленность – звероловство, но и добычу руд; из этого видно, что чудские копи именно всего скорее могут относиться к Югре, жившей по обе стороны Урала, и что Великому Новгороду были известны, может быть, и эти копи и этот народ, которому они принадлежали? Закамскими называли, конечно, все области, лежащие за р. Камой в пределах Вятских и Великопермских, а поуральские места нынешней Оренбургской губернии, т. е. уезды Троицкий, Челябинский и Верхнеуральский принадлежали Пермскому или Великопермскому наместничеству.

¹ Костомаров. Севернорусские народоправства. т. II стр. 240 – прим. Р.Г. Игнатьева.

ву до образования в XVIII веке Оренбургской военной Экспедиции, Коммисии и потом губернии; по духовному же управлению нынешняя Пермская губерния, по крайней мере большинство её, принадлежали к Тобольской Эпархии, сюдаже принадлежали Троицкий, Челябинский и Верхнеуральский уезды Оренбургской губернии, пока в конце прошедшего столетия не открыты Пермская и Оренбургская Эпархии и к последней не отделены были эти три уезда Оренбургской губернии. Некоторые места нынешних Пермской и Вятской губерний принадлежали к башкирии и теперь ещё там немалое башкирское население, как-то: в Шадринском, Екатеринбургском, Красноуфимском, Осинском и Пермском уездах Пермской, Сарапульском и Елабужском Вятской губернии; в сих же местностях, среди башкир жили и чудские племена. Предполагать можно, что в чудских копях, находимых не только в приуральских местах, но и в сибирии и на кавказе добывались медь, свинец и вероятно серебро, но добыча означенных металлов в этих местах оставлена за долго до того времени, как места эти стали известны русским. В киргизской степи, где так много памятников древностей – курганов, валов, остатков зданий, городищ, каменных идолов, а равно и на кавказе – находят свинцовые копи, ничем не отличающиеся от чудских; глубина их простирается от 5 до 7 саж. о поверхности¹; а чудские племена жили на Кавказе, среди тамошних племён и участвовали в походе царя Ираклия против Персиан, как нами выше сказано, следственно чудские племена в образовании стояли выше кавказских горских племён, и несравненно выше древних обитателей нынешнего Оренбургского края – башкир и киргиз, народа только пастушеского, младенчествуящего; но впоследствии по разным историческим обстоятельствам Югорский народ более и более дичал, особенно когда удалился на новые места и совершенно слился с полудикими племенами сибирскими, и – наконец исчез с лица земли, оставив о своём бытве повесть, полную лишь исторических недомолвок, догадок. Великий Новгород, который так домогался Югорской дани и желал чрез единство религии быть господином Югорского народа, ещё за долго до своего падения, кажется, уже перестал пользоваться Югорским или закамским металлом, судя потому, что когда уже при В. К. Иване III пала республика Новгородская и все её области Вятка и Пермь делались мало по малу землями государства Московского, уже не было закамских металлов, а носился только в народе слух о богатстве стран полуночных, и что близ камен-

¹ Памят. книжк. для русс. горн. людей, год первый, издан. учен. ком. корп. горн. инж. С.-Петербург 1862 стр. 184 – прим. Р.Г. Игнатъева.

ного пояса или Уральского хребта изобилие металлов; войско Московское ходило в эти страны и возвратясь из похода из стран полуночных, бывших в зависимости у Новгорода, передавало эти слухи на родине, которые не могли не дойти до правительства; тем более, что они по всему вероятно исходили прежде всего от самих воевод, лиц стоявших по общественному положению в среде правительства государства Московского; так воевода князь Курбский рассказывал Барону Герберштейну о своём походе в 1499 году на камень-гору, т. е. Урал, где, «коли ветрено, ино оболочи раздирает, и что он, воевода, семнадцать дней поднимался на эти югры, и всё таки не дошёл до столба, т. е. вершины»¹; но мы не знаем всего, что передавалось тогда в Москве и в прочих местах о полуночном крае. По поводу таких рассказов ранее похода на уральские горы князя Курбского, в 1491 году, Иван III уже посылал в Югру двух каких-то немцев, мастеров горного дела и двух русских мастеров, может быть тоже, Петрова и Болтина, и они открыли в окрестностях Печоры – серебряную, а близ р. Цилимы – медную руду². Что касается до нынешнего Оренбургского поуралья, то принадлежа к башкирии, состоявшей под властью или покровительством царства Казанского, только в XVI веке оно вошло в состав русских областей; но русское население явилось сюда только в XVII и XVIII веках, на богатство же недр земных обращено внимание только в XVIII столетии, не ранее. Русские люди застали здесь одних башкир, мордву, чуваш и татар, но последние три народа были выходцы из Казани и тоже выходцы недавние, в одно время пришедшие сюда с русскими; эти выходцы зовутся тептерями и мещеряками, они поселены особыми деревнями в нынешнем Верхнеуральском уезде по повелению Императрицы Анны Иоанновны в 1730-х годах. На верховье р. Урала живёт племя Нагайбаков, у которых есть своё предание, что они происходят от Нагаев, Калмыков и чуди или финнов; Нагайбаки – христиане, но языком говорят татарским, впрочем не чистым, а смешанным с наречием Калмык и частью, кажется, чувашей. Но когда поселились Нагайбаки, как и когда сложился этот народ, откуда явились нагаи и чудь, давно исчезнувшие в здешнем крае, у нас нет покуда, верных положительных фактов; христианами православного закона, Нагайбаки стали, по преданию, при Петре Великом, когда окрещён Хан Калмыков – Таити с семейством и с ним немало их его подвластных. И так жители Оренбургских при-уральских уездов Троицкого, Челябинского, Верхнеураль-

¹ Herberst. 57 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Карамз. Истор. Госуд. Росс. т. VI, прим. 360 – прим. Р.Г. Игнатьева.

ского и частью Оренбургского – всё это новые люди, за исключением башкир, у которых осталось смутное воспоминание, что здесь жила чудь. Здесь не можем не привести, хотя не вполне доказанного мнения Страленберга, который считает самих башкир не тюркского и чудского племени, а финнами; Финнами же считает наших башкир и знаменитый Александр Гумбольдт.

Раскопка Курганов в приуральских уездах Оренбургской губернии, описание находок, кладов, сделанное людьми специально знакомыми с археологиею, конечно, могли бы указать какому народу принадлежат курганы и клады; но Оренбургская губерния ещё неизследована археологами, и не сделано ещё археологического описания её многочисленных древностей, переживших столько веков и поколений; до сих пор не приходило охоты ни одному учёному заняться здешними древностями. Древности нашего края не тронутая ещё почва, обширная и обильная для науки новь, как выражаются агрономы о ниве богатой, но невидавшей пахаря. Невежество успело уничтожить много памятников древностей и ещё теперь уничтожает; некоторые курганы разрыты кладоискателями или просто любопытными, и как находки не имели в глазах этих истребителей древностей никакой цены, то тотчас же уничтожались, так что теперь почти нет никакой возможности для археологического описания кладов и даже курганов. В самом деле, что это за находки как рассказывают наши простолюдины русские и туземцы – кости, черепа, конские приборы, оружие, какие-то бляхи; стоит ли беречь их, ну и бросаем. Много курганов истреблено в то время, когда они взошли в отвод железных и медных рудников и золотых приисков, но много ещё и сохранилось их в этих отводах; но более сохранилось курганов в местах степных, отдалённых от селений, в глубине болот, в лесах; отдалённость от жилья, отсутствие деятельности, а таких мест ещё не мало в Оренбургской губернии, вот что спасло памятники древностей от совершенного их истребления. Народ уверен, что в некоторых курганах, лежащих на тех местах, где проходили в 1774 году шайки Пугачёва, непременно зарыты клады, и вырывая кости и оружие, народ ещё более утверждает в предании, что эти курганы – могилы сподвижников Емельяна Пугача. Такова печальная судьба Оренбургских древностей, но едва ли не так же точно было и везде у нас на Руси – много ли описано, а и того менее сохранено местных древностей, не видим ли, что и везде памятники минувшего – всё та же новь нетронутая, хотя и слишком обильная, но теперь, кажется, наступает, или крайней мере, скоро наступит другая пора, более внимательная к древностям.

В настоящее время Оренбургский, ныне Уфимский Губернский Статистический Комитет обратил внимание на древности Оренбургского края и обратился к содействию в этих трудах ко всем любителям древностей. Благодаря содействию Уфимского Статистического Комитета, я имел возможность приступить к описанию древностей более известной мне местности, как здешнему жителю – местности приуральской, т. е. уральского хребта, уездов Троицкого, Челябинского и Верхнеуральского. Должно сказать правду, что, не смотря на обилие сохранившихся памятников древности, самое отыскание их далеко не всегда без затруднения. Близ жилых мест, проезжих дорог немного курганов, они разбросаны в местах степных и лесах; нужно прежде знать местность, заключающую в себе обширное пространство; нужно иметь проводников, указателей; для стороннего лица их найдётся немного, но и местные жители сами не всегда ещё знают о существовании курганов. Кроме того, у народа – у русских и Башкир, – а у первых в особенности, есть свои поверия и своя мысль, на чём нибудь основанная, – скрывать найденные клады, не указывать на места находок и курганы стороннему лицу, тогда как особенно между горно-заводским населением существуют своего рода дилетанты кладаискательства, которые, по их словам, в том жизнь свою положили, хоть кладов и не нашли... На археолога смотрят как на искателя кладов, народ подозревает, не верит, чтоб без задней мысли могли кого нибудь интересовать курганы, валы, городища; начальственное содействие обезпечивает только, в другом отношении т. е. личность археолога, но не возбуждает желанья помочь ему, хотябы это касалось не более как передачи предания. Заметить должно, что многие из простонародья здесь смешивают Курганы с чудскими копиями; кроме того, курганы в разных местностях имеют не одинаковую форму.

По тракту из г. Уфы в г. Верхнеуральск близ дер. Исламгуловой в 30 верстах от г. Верхнеуральска видны 3 кургана, в поле, за деревнею и за рекою *Мазаром*, по созвучию слов, напоминающей Мазаров, Можар или Маджаров. Река Мазар вытекает из горы близ дер. Исламгуловой и близ этой же деревни впадает в р. Урал т. е. собственно в один из многих рукавов верховьев Урала, здесь протекающего. Слова *Мазар* нет в наречии Башкир, у русских же в здешних местах, иногда, называют – «*Мазарами и Мазарками*» могилы¹; не произошло ли название реки от могил т. е. этих трёх курганов? Местные жители Башкиры ничего не знают об этом, но по их словам и по всему видно что курганы никем не

¹ Мазар, кажется, слово киргизское – прим. Р.Г. Игнатьева.

тронуты. Башкиры, не зная ничего о происхождении этих курганов, однакоже, полагают что здесь чьи-то могилы, существующие с очень древних времён; но чьи эти могилы им неизвестно. Курганы имеют наружность земляных холмообразных насыпей.

Курганы расположены за деревнею Исламгуловой, в поле; первый курган отстоит от неё на пространстве около $\frac{3}{4}$ версты на северо-восток; от кургана до гористого местоположения 462 саж. Высота Кургана от подошвы до верха 2 саж. 1 арш. $3 \frac{1}{7}$ верш., длина 3 саж. без $\frac{3}{6}$ арш., ширина середины 2 саж. $1 \frac{3}{4}$ арш. верха 1 саж. $\frac{3}{4}$ арш. Грунт земли, из которой состоит самый курган – песчаный с частию чернозёма; на кургане растёт трава и мелкий листовенный кустарник. От первого кургана, на расстоянии 220 саж. на С.З. находится другой курган, отстоящий на Севере от гористого местоположения на $379 \frac{3}{4}$ саж. от р. Мазар на Юге в 443 саж. по прямой линии; высота кургана $2 \frac{3}{4}$ саж. ширина 3 саж. $2 \frac{1}{8}$ арш. в середине $2 \frac{1}{2}$ саж., вершина $1 \frac{3}{8}$ саж. грунт земли тот же, как и первого Кургана с примесью, кажется, дикого камня, покрайней мере как оказалось при испытании мною грунта посредством бурения. Этот курган тоже зарос травой и шиповником. От Кургана на Ю.З. на расстоянии $240 \frac{3}{4}$ саж. ещё третий курган, отстоящий от гористой местности на $\frac{3}{4}$ вер., от р. Мазар на 192 саж., от 1 кургана на 472 саж.; высота этого кургана до $1 \frac{3}{4}$ саж., длина $1 \frac{1}{4}$ саж., середина $2 \frac{3}{4}$ арш., вершина осыпалась. Курган зарос травой; грунт его чернозёмный с примесью песка и мелкого камня.

Местность, занимаемая башкирскою деревнею Исламгуловой была необитаемою, покрайней мере народ, окрестные жители, не помнят и не слыхивали, чтобы здесь было население; большая дорога проложена недавно. Любопытно бы, знать, когда именно проложена дорога из Златоустовского завода на г. Верхнеуральск или нынешний, там называемый здесь, Уфимский тракт. В XVIII веке его небыло; во времена пугачёвские тракт проходил мимо старой линии, мимо полинейных крепостей; от Верхнеуральска, например, дорога шла до Уфы чрез крепости, нынешние казачьи станицы, Петропавловскую, Карагайскую, Уйскую, Степную, Чебаркульскую, помимо нынешнего Миаского завода в Троицком уезде, мимо гор Ильменских, так названных по близ их находящемуся озеру, *Ильмень*. Признаки старой дороги и теперь видны вблизи этого места и зовётся *Пугачёвским путём*. Деревня Исламгулова основалась тогда, когда уже Уфимско-Верхнеуральский тракт существовал, в 1820 или 30 годах, как говорят сами жители; но река Мазар не ими так названа, а название это было старинное, переданное, как кажется, в народе от кочевников этого места, так как, говорят, и прежде

основания дер. Исламгуловой, жители ближайших деревень т. е. вёрст за 20 за 30 – останавливались во время летних кочёвок около речки Мазара. Дер. Исламгулова основалась так как большая часть башкирских деревень пришельцами из окрестностей, из многолюдных селений, где им наскучила местность и показалось тесно, или новое место представляло более удобства скотоводству и земледелию, особенно скотоводству, которое в старые времена было единственным промыслом Башкир, народа – как и все народы младенчеству – пастушеского... Надобно заметить, что переселение делается иногда по совету лица, пользующегося авторитетом в своём селе, из желания большого влияния или первенства на новом месте; в таком случае переселяется не одно семейство, а несколько и так устраивается селение. Точно так один из жителей дер. Юлдашевой, Башкир Исламгул, уговорил несколько семейств перебраться на речку Мазар близ большой дороги и таким образом основалась деревня Исламгулова; после того начали сюда переселяться Башкиры разных селений из окрестностей Исламгулова¹. Итак при последней народной переписи в Исламгуловой оказалось 184 души муж. и 159 душ жен. пола; дворов считается теперь 63 –, единственный промысел жителей составляет земледелие.

Из сказанного видно, что местность сделалась постоянно обитаемою недавно, а как вблизи Курганов и близ дер. Исламгуловой никаких признаков жилья, или, как говорит народ, нежилых мест, нет, то конечно, Курганы насыпаны во времена слишком отдалённые и народом не известным; но не Башкирами и не Киргизами, которые в частые свои набеги проникали в глубь Башкирии, а настоящая местность отстоит в 30 вер. от г. Верхнеуральска, бывшей Верхояицкой крепости, построенной в 1734 г. на самом почти Киргиз-Кайсацком рубеже. Совсем не таковы Киргизские могилы, даже древние курганы в Киргизских степях, у Оренбургских и Сибирских Киргиз. Курганы при дер. Исламгуловой более походят на Курганы Северной России, где народное предание большею частию зовёт их «Литовскими» и *сопками*, в смысле, не подобия гор или сопок, но *умерших, могил*; на Юге России Курганы называют *марамы*, от слов *смерть, мор, смертность*, указывая тем явно на истинное значение курганов. Деревня Исламгулова стоит уже близ границ башкирских дач.

¹ По рассказам жителей – из деревень: Юлдашевой, находящейся близ дер. Исламгуловой при р. Мазаре, Махмутовой, Кутуевой, Кучуновой, Магадиевой, считающихся в 4 стане Верхнеуральского уезда, и даже из деревни Алтайковой в 3 стане того же уезда в 40 вер. от Исламгуловой. О курганах при дер. Исламгуловой существует предание у жителей Юлдашевой, что это древние могилы неизвестного народа – прим. Р.Г. Игнатьева.

Верстах в 10 начинаются уже земли старинных башкирских припущенников из Казанских татар, Мордвы и Чуваш, называемых «Тептярями», населённых особо от Башкир в 13 деревнях. Эти владения Тептярей на пространстве 83 803 дес. 339 саж. идут до границ Троицкого уезда. Земли эти отданы Тептярям в вечное владение по указу Императрицы Анны за верность престолу и неучастие в башкирском возмании 1739–1740 годов. Прежние вотчинники наказаны и удалены с места жительства. Предания тептярей начинаются со времён их выселения, а оно было не задолго до башкирского возмания 1739–1740 г. На Тептярских землях тоже до границ Троицкого уезда находится более 30 золотых приисков, возникших с 1833 года. Прииски ввели в среду Тептярей русский элемент; русское население прибывает в каждую летнюю операцию из сибиря и внутренних губерний; таким образом золотопромышленность ещё менее имеет здесь старины.

Золотой промысел вместе с материальною поддержкою для ближайших жителей – казаков, башкир и Тептярей, оживил места пустынные вокруг не богатых производительностью селений; но он вместе с тем нанёс и вред науке истреблением в некоторых местах курганов¹, взошедших в границы отводов под золотые прииски. Так, покрайней мере, по собранным сведениям оказывается, что истреблено 4 кургана, в тептярских дачах, в которых найдены, будтобы человеческие и конские кости. – Курганы были не большие и, как находившиеся в гористой местности, едва заметные; грунт имели песчаный, и на этом, может быть, основании не пощажены, чтобы исследовать содержание песков. Мы бы готовы были указать на местность, где были курганы, если бы нам указали это положительно, если бы были свидетели разрытия и находок, но об этом идут лишь рассказы, сбивчивые и противоречащие сами себе. Однакож при всём том, мы не вправе упустить из вида и рассказы об истреблённых курганах, которые, конечно, ни в каком случае, невымышленны. На золотых приисках трудно об этом узнать: рабочие сюда приходят, и каждый год не одни и теже, издалёко, из губерний Казанской, Вятской, Пермской, Тобольской и мест, более отдалённых от Оренбургской губернии; только в 1863 г. начали обращаться к этому роду труда местные тептяри и башкиры; руководители работ т. е. смотрители, Штейгеры и т. д. тоже меняются каждый год, и большинство их – не местные жители.

¹ Едвали однакож наука тут много потеряла, потому что еслибы не золотопромышленность, то ктож бы открыл в этих пустынных местах самые курганы; да вряд-ли бы много потеряла наука, еслибы все уральские курганы обратились в золотые розсыпи. Ред. (*примечание редакции газеты*).

От дер. Барангуловой, следуя тем же Уфимским трактом ниже, к границам Троицкого уезда, в 40 вер. близ тептярской дер. Рысаевой, в тептярских дачах и вблизи Белого озера (аккуль), встречаем курган, но совершенно другого образца, нежели те 3, о которых мы говорили прежде. Следуя по большому Уфимскому или Верхнеуральскому тракту от дер. Рысаевой в 4 1/8 вер. идёт просёлочная дорога на дер. Мансурову к станице Уйской, Троицкого уезда, мимо Дмитриевского золотого прииска Г. Севастианова. От прииска, отстоящего в 3 вер. от тракта, идёт просёлочная дорога к Белому озеру и дер. Барангуловой, тоже башкирской деревни, населённой не далее 20 лет тому башкирами, жителями дер. Тюляковой Троицкого уезда и других деревень. Близ дер. Барангуловой, так прозванной от первого переселившегося сюда башкира Барангула, протекает речка, прозванная Барангуловкою, которая тутже близ дер. впадает в р. Урал. Белое озеро (аккуль) находится в 2 вер. от дер. Барангуловой, а в 100 саж. от озера – природный холм, состоящий из камней; на вершине его насыпной курган, круглый. Этот холм находится возле берега Белого озера, а от дороги, идущей на Дмитриевский прииск перпендикулярно в 250 саж. – Курган отстоит от большой дороги в 3 1/2 вер. от Дмитриевского же прииска в 5 вер.

Холм, на котором находится курган от подошвы до вершины 10 саж. 2 3/4 ар.; насыпь или курган состоит из песчаного с чернозёмом грунта, курган, как объяснил я выше, круглый вышина его 2 3/4 саж. а в диаметре около 3 саж., курган уже довольно осыпался. Напрасно я старался узнать, какое нибудь предание об этом кургане, неговоря уже, что башкиры дер. Барангуловой и сам патриарх их и основатель старик Барангул, как новые люди, не могли удовлетворить моему любопытству, но и жители дер. Рысаевой и другие башкиры и тептяри окрестных деревень, изстари живущие в этих местах и занимавшиеся рыболовством в аккуле, тоже ничего не слыхали о кургане никакого предания. – Однакож башкиры единогласно уверяют, что курган этот – могильный, другие же догадываются – не погребён ли здесь какой нибудь батырь, только не башкир, а может быть киргиз, когда ещё киргизы враждовали с башкирами. Но полагаю, догадки башкир едвали не похожи на утвердительное мнение русских людей, что курганы – непременно остаток Пугачёвщины? подобное мнение о курганах, впрочем, мне удавалось слышать в Троицком и Челябинском уездах; но мнение, ещё более утвердительное, что курганы ничто иное как могилы киргизских батырей, имена которых за давностию лет неизвестны.

Холм, на котором находится упоминаемый нами курган и берега Белого озера, до самого того места, где теперь дер. Ба-

рангулова, не могли быть ни местом битв, ни местом жилим по-видимому, по крайней мере теперь, в настоящее время, так как вся эта местность окружена болотами, трясинами и лесом, судя по древесным стволам и дуплам, лесом давним; на дне самого озера – корни деревьев и кустарник, отчего, не смотря на обилие рыбы, рыболовы не могут употреблять невода, а только морды и удочки; на этом основании, нет и желающих арендовать Белое озеро, как арендуются другие озёра в казённых тептярских землях. Дно Белого озера, обвалистые места по берегам его, показывают, что здесь когда-то совершился Геологический переворот, что это Белое озеро не есть первобытное, а возникло вследствие сказанного переворота. Для исследования натуралиста, окрестности Белого озера представляют богатую почву.

В археологическом отношении на основании всего сказанного возникает вопрос, на который, отвечать можно предположением о древности кургана, что он насыпан на, образованном природою, холме до совершившегося переворота, когда местность не представляла таких, как теперь, препятствий к поселению для какогонибудь древнего кочевого народа. Время это, вероятно, слишком от нас отдалённое, когда свершился переворот, иначе о нём бы остались какиенибудь хоть тёмные, извращённые, обословленные предания народа. Курган, не слышно, чтобы был кемлибо раскапываем, башкиры и тептяри вообще не имеют этой страсти к уничтожению могил, какими считают курганы; религиозное верование их против этого; случаи кладоискательства, при всей страсти башкир к деньгам, у них реже, нежели, например, у горнозаводских крестьян.

Мы начали наше исследование, отступя 30 вёр. от г. Верхнеуральска, от дер. Исламгуловой, и так, следуя по направлению большого тракта от Верхнеуральска в Уфу, на 8 вёрстное расстояние в сторону по обеим сторонам тракта, начиная от обозначенного здесь кургана близ Белого озера или «аккуль» до самого Миаского казённого завода, или лучше сказать, до Миаских дач, вёрст на 80 в один конец, как говорят, мне не удалось встречать курганов, за исключением двух, в дачах башкир Каратабынской волости Троицкого уезда, при горе «большой Кумач»¹, как называется одно из бесчисленных разветвлений уральского хребта в Троицком уезде, в 2 вёрстном расстоянии от границ дач Миаского завода. У подошвы горы «большой кумач» на двух, образовавшихся природою, возвышенностях, за-

¹ Есть ещё другая гора – малый Кумач, в 2-х вер. от г. «большой кумач», близ дер. Балбуковой, Балбуковки; из горы «большой кумач» вытекает речка Балбуковка, впадающая в р. Уй, близ дер. Балбуковой и Балбуковского золотого прииска Г. Жуковской – прим. Р.Г. Игнатьева.

метны две, осыпавшиеся и обросшие густою травою и мелким березником, насыпи, точно такого же вида и формы, как и Курганы при белом озере. Об этих двух курганах я тоже не мог добиться, ни от башкир, ни от русских, ни какого другого предания, как только, что они принадлежат к чудским копиям, действительно находящимся близ курганов на расстоянии нескольких сажен; что курганы, может быть, не более как отвалы земли, вырытой при поисках руды; но для чего же было-б придавать отвалам правильный вид, точно такой, какой имеет, большинство курганов в Троицком и Челябинском уездах и киргизских степях, у киргиз Оренбургского ведомства? Кроме того, близ двух ям, называемых чудскими копиями, на расстоянии тоже несколько сажен, заметна как бы насыпная земля, именно, кажется, извлечённая из этих ям или копей, или так называемый отвал. Должно полагать, что эти две насыпи, нанесены на этих двух холмах не с тою целию, не для отвала, а нахождение чудских копей, может быть не имеет здесь прямого отношения к этим курганам; кроме того, может быть, курганы нанесены тем же народом, которому принадлежат копи или поиски руд в здешних местах. 1 Курган отстоит от границы Миаской дачи в 2 ½ верст. и от горы «большой Кумач» около 100 саж.; высота холма, на котором находится курган, около 6 саж.; насыпь или самый курган из чернозёма с частью песчаного и глинистого грунта; высота кургана 2 ¼ саж. в диаметре более 3 ½ саж. От этого кургана на Ю.В. в 50 саж. другой курган, находящийся на возвышенности при подошве горы «большой кумач» примерно 90 саж. от горы; грунт насыпи такой же, как и первого, высота же насыпи или кургана 2 ½ саж.; диаметр 4 саж.; возвышенность холма, на котором насыпан курган 9 саж. Отсюда, как бы симметрически идут две круглые ямы или так называемые – «чудские копи»; 1 из них на В. а последняя на Ю.В. от 2-го кургана; 1 яма или чудская копь в 70 саж. от этого кургана, а последняя яма в 64 саж. от 1-й Ямы или копи, такие же круглые, как курганы, уже осыпавшиеся землёю и заросшие травою; глубиною 1-я 2 ½, а последняя 5 саж.; в окружности же 1-я 16, последняя 19 саж.; грунт земли оказывается такой же, как и 2-го кургана. За 2-ю ямою или чудской копью, в 30 и 40 саж., оказывается земля, как бы наносная, так как вообще грунт подошвы горы «большой кумач» оказывается каменистою; эта наносная земля по испытанию мною грунта, совершенно имеет те же пласты, как и та, на которой копи, и которая замечается внутри ям или копей. Эта-то, наносная земля, подтверждая прежнее моё замечание, и есть, конечно, так называемый отвал.

Дачи Миясского завода, заключающие в себе пространство 165 804 дес. представляют обильную археологическую новь, ожидающую своих деятелей.

В сентябре 1863 года, будучи в Мияском заводе, я старался спрашивать о местонахождениях курганов, о находках или кладках, о которых существуют в народе предания. – Открытие золотых, а прежде того медных, рудников, поиски меди и золота повели здесь к открытию курганов и к находкам, а присутствие пугачёва и, как говорят сражение с его шайками части войск, настигших Пугачёва близ Ильменских гор, породили в народе предание о кладках, будтобы зарытых и заклятых самим Пугачёвым, который, в этом случае, в глазах народа, слышит чародеем, знавшим с нечистою силою. Дачи Миясского завода до 1773 года, – того самого, в конце которого начался пугачёвский бунт, – были необитаемою собственностью башкир Каратабынской и Баратабынской волости, иначе сказать – башкир Каратабынского и Баратабынского колена, так как башкиры, как и древний Израильский народ, разделялись на колена, которых считалось 7; теперь колена смешались, осталось одно название, одно номинальное значение бывших колен, названных волостями. Башкиры, если и приходили с своими кочевьями в дачи нынешнего Миясского завода, то в XVIII веке должны были совершенно удалиться от здешних мест, отданных правительством человеку предприимчивому, Тульскому купцу Лариону Ивановичу Лучинину¹ и компании. Лучинин открыл здесь медные руды, устроил на реке, им же, говорят, самим названной, Мияс – Миясский медеплавильный завод. После этого завод подвергаясь разным переменам, рассказ о которых впрочем не подлежит предмету настоящей статьи, наконец поступил в казённое ведомство, что случилось в 1798 г. – Лучинин в последнее время своего владения заводом отыскал здесь признаки золотой руды и, в следующем 1799, вместо медной открыта здесь добыча золотых руд, что и продолжалось до 1811 года, а в 1823 году открыты наконец золотые россыпи. В продолжение этих изменений судьбы Миясского завода, от самого его основания, по распоряжению правительства завод заселялся, высланными сюда на жительство, крестьянами Казанской, Пензенской, Орловской и Пермской губерний, наиболее Шадринского уезда или округа. – В память переселенцев осталось в Миясском заводе название улиц: Орловская, большая Пензенская, малая Пензенская, Казанская, Пензенская набережная, нагорная, Шадринская часть, Шадринская улица, Шадринский мост.

¹ Надо Лугинину.

Все эти переселенцы разных времён, не могли ознакомиться с преданиями местности, ими занятой, тем более – преданиями отдалёнными, за исключением Пугачёвщины, свидетелями которой были только немногие первоначальные выселенцы, да и те жили в стороне от места событий, когда, рассказывают сами жители, проходил Пугачёв по старой дороге мимо озера и гор Ильменских, он и не знал и не заходил в нынешний Миясский завод, не знал даже о его существовании, да и в это время в заводе было только несколько бедных изб выселенцев, которые не могли привлечь искавших добычи, людей пугачёвских шаек. – Факт этот подтверждается другим. В архиве главной Конторы Златоустовского горного округа, к которому принадлежит и Миясский завод, хранится чрезвычайно любопытное дело (по описи № 2) о разорении горных заводов Пугачёвым в 1774 году; в этом деле невидна, чтобы Пугачёв заходил в только что возникший тогда, Миясский медиплавильный завод. Итак первые переселенцы жили в стороне от события; до них доходили лишь рассказы; многое дополнялось собственными догадками; но вообще всякое событие, всякая личность, выдавшаяся из обыденности, в глазах тёмной массы облекается сверхъестественностью, чародейством и проявлением покровительства нечистой, дьявольской силы. После этого всё, нечаянно встреченное каким бы то ни было случаем, в тех местах, где был пугачёв – будет ли то курган, найдутся ли человеческие, или конские кости, или чтонибудь другое – всё это относится прямо к пугачёву. – Тёмная масса, в самом деле, при узкости её исторической памяти, не может никак понять, что она попирает ту самую землю, на которой прошла жизнь многих народов, в течение многих тысячелетий.

Жители Миасского завода, как горные работники, теперь разрабатывающие золотоносные розсыпи – на основании преданий, особенно стремятся к поискам кладов, в действительности которых не сомневаются, хотя покуда все поиски увенчались такою добычею, которые в их глазах не имеет ни[ка]кой цены – костями, стрелами, бляхами, какими-то может быть и монетами. – Отправляясь потихоньку на поиски, счастливые находчики скрывают свои находки и места находок для того, чтобы другие не смеялись над ними. Главный клад, говорят, заключён и зачат в пещере на Ильменских горах близ реки Черемшанки. Вот что рассказал мне об этом заклятом кладе, почтенный старик, мастеровой Миасского завода Василий Башин – а старик верит в заклятый клад не менее, как во всё святое.

«Более всего, говорил Башин, были охотчивы и смелы на этот клад и на всякие клады солдатики горных баталионов, ко-

гда они стояли у нас в заводе изстари; вот по солдатам и улица зовётся – солдатская. Как ни храбры были солдаты, но против проклятой бесовской силы не пойдёшь видно. Несколько лет у него, у Башина, стоял на квартире солдатик из Полячков, смелый и храбрый такой; но вот какая случилась с ним притча. Сколько годов православные ищут пещеры при Ильменских горах, на берегу р. Черемшанки, где самый главный клад Емельякову Пугачёвым залят, но никак не могут найти; мимо идут и едут, а устье самой пещеры не видят. – Сила дьявольская не попускает православных христиан, а солдатик взял у Башина лошадь и прямо приехал на то самое место и увидал вход в пещеру а видно, что в ней люди жили, хотя и недобрые; устье у пещеры точно дверь, косяки видны. Солдатик, по своему, по польски, перекрестился и смело вошёл в пещеру. – В самом деле там люди жили; сделаны везде деревянные подпоры, видно, чтоб, земля не осыпалась, или чего доброго совсем не провалилась, словом сказать – горница точно и печь складена и уголья в печке-то, знать – топилась когда нибудь. – На одной стене медные складни новешены как следуют, а вдоль прочих стен всё ружейные стволы разставлены и ярко так блестят, точно вот сей час на смотр вычищены, а среди горницы сундуки стоят, на полу разбросаны медные пятаки, да мелкое серебро кучками лежит. Снял было с себя, солдатик, казённую варежку, дело было зимою, и хотел загрести ею серебра, тут же, кстати, он вспомнил, что поехал на легкой, ничего, то есть, такого с собою не захватил, во что деньги-то ссыпать; только глядь – ружья пропали, а вместо того вся горница точно сложена из человеческих костей. Тут такой ужас напал на солдатика, что он без ума, без памяти насилу вышел из пещеры, и скорее на лошадь – да и ну скакать без оглядки более 20 вёрст, вплоть до завода. После того с ним приключилась горячка и только, когда он выздоровел, то и стал пересказывать, что подеялось с ним на Ильменских горах.

После рассказа Башина о неудаче в кладоискательстве храброго солдатика из полячков, слышал я другой подобный рассказ. Один из жителей Миясского завода, Григорий Иванов, из числа тех, которые «жизнь свою положили» на искании кладов, чего неделал, чтобы найти какой нибудь Пугачёвский клад; жадно собирал рассказы, нежалел угощения для рассказчиков, нанимал рабочих, рылся десятки лет и всё по напрасну; срыл два кургана пугачёвские, но, как насмех, в одном – кости, в другом – какой-то кувшинчик, просто каменный, обвитый тонкой проволокой, вот думал клад, деньги, серебро, золото – ан вышло чтоже такое? – кости жжёные! – Видно что заклятый клад не давался. Около Ильменских гор есть одно место, на ко-

тором, говорят, сам Пугач стоял, палатка его тут была а в ней стояла постель дащатая; на этом самом месте кладоискатель нашёл земляную насыпь – курган т. е. и, приближаясь к горам и реке Черемшанке, увидел вход в пещеру, ту самую, верно, в которой после был солдат, а это было задолго до того, как солдат нашёл пещеру. Неутерпел Иванов, взошёл и увидел горницу, в одном углу печь, в другом св. иконы; только Иванов, как мирный гражданин, мастеровой, не видал ружейных стволов, ярко блистающих, как на смотр вычещенных, а вместо того стоит разная посуда раззолоченная и как жар горит а среди горницы сундуки стоят, железом окованные. – Тут, Иванов, кликнул товарищей – он был не один, а с двумя приятелями, которые тоже, если не совсем жизнь свою положили, то готовы были положить её за клады, только бы клад найти. Втроём, да и не спустыми руками, приступили они – было к первому же попавшему на глаза сундуку – как вдруг загремел такой страшный гром, поднялась такая гроза, что свету невзвидели Иванов с товарищи; на силу выбежали и увидели, что никакой грозы не было, на небе ни облачка, вечер такой тихий да тёплый; это было в Петровоговенье. Видимо – дьявольская сила бережёт клад, на сколько он лишь заклят Емелькою окоянным, а когда урочные годы, хотябы-то тысяча лет и более пройдут, тогда и клад дастся, а теперь никто не может знать, когда окончится заповедное время и сила бесовская отступится от караула.

Как бы то ни было, но мне кажется, что эти мифические рассказы о Пугачёвском кладе не лишены отчасти, может быть, достоверности в отношении существования природных или, может быть, искусственных пещер в Ильменских горах, отрасли тогоже Уральского хребта, а на Урале не мало пещер, образованных природою, а может быть и обязанных своему существованию чудским племенам и ископанных руками давно исчезнувших народов. Мифические рассказы о таинствах Ильменских гор подтверждаются другими рассказами миасских жителей, более достоверными, что во времена первоначального основания завода делалась там фальшивая монета и мастерами этого дела были сами же заводские мастеровые; они сами добывали медь и самиже секретно делали монету. Первые выселенцы не могли слишком отличаться нравственностью; то были люди, от которых желало избавиться общество и владельцы и вот их высылать стали в Оренбургскую губернию. – В самой пугачёвской сволочи, как говорит тоже местное народное предание, было не мало мастеров делать монету, так как к нему пристали мастеровые горных заводов, разные бродяги, беглецы с сибирских поселений, тюрем, каторги, да и сам Пугачёв может быть, велел бить

монету, в которой нуждался конечно. Кто знает, может быть, тайное ремесло происходило и гораздо после Пугачёва, в близкие к нам времена и, может быть, те же самые люди, которые были соучастниками в этом деле, распускали в народе страшные рассказы о таинственности Ильменских гор, чтобы отвлечь отсюда любопытствующих и ищущих кладов, зарытых, будто бы, Пугачёвым. В XVIII веке, да и ранее того, сильно было развито делание фальшивых денег, не смотря на беспощадное преследование закона. – В царствование Елисаветы Петровны, били монету не только русские люди, но и азиатцы, в особенности Калмыки, кочевавшие до 1771 года в нынешних Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерниях и в особенности в уездах: Оренбургском, Верхнеуральском и Троицком. «В вывозных из гор и поданных И.И.В. калмык» – читаем в указе Сената 1744 года – «которые таким же штемпелем и уповательно такую же большею машиною (ибо молотками и другими малыми инструментами оныя, за великостию пятикопеечников, чеканить невозможно) печатаны как и здешние в России на монетных дворах, и таким образом узнать их с Российскими невозможно»¹. Из этого видно, до какого совершенства доведено было делание фальшивой монеты и какими средствами обладали люди, промышлявшие этим мастерством, не смотря на то, что оно очень строго, даже жестоко преследовалось. Уложение Царя Алексея Михайловича повелевает заливать оловом горло, а последующий затем ряд карательных мер известен из полного собрания законов.

Калмыки удалились из России в пределы Китайской Империи после возстания своего в 1771 году, за два года до Пугачёвщины и до заселения тех пустопорожных башкирских земель, которые сделались достоянием Миасского медиплавильного завода. – Очень может быть, что в здешних местах кочевали и калмыки с дозволения вотченников башкир, как и везде по Оренбургской Губернии.

В Миасском заводе я слышал много рассказов о поисках кладов, почти постоянно неудачных, за исключением находок, неинтересных для народа; но я не видал при всём моём старании, самых находок, заисключением каких-то двух форм из талькового камня, назначенных вероятно для литья каких либо вещиц в роде острия или ратовища для стрел; эти формы найдены, как говорят, под камнем, близ озера «Касегач», находящегося в дачах того же Миасского завода. Находка принадлежит начальнику завода Г. Романовскому, и кажется, представлена

¹ Сборник Статист. сведен. о России, издан. Импер. Географ. общест. книг. II стран. 104 – прим. Р.Г. Игнатьева.

им куда-то. Любопытно будет услышать мнение о ней специалистов и знатоков древностей. Не имея возможности и права на приложение здесь рисунка, но вместе с тем, не считая себя обязанным пройти молчанием об этой находке, я полагаю, что едва ли эти две, найденные близ озера Касегач, тальковые небольшие плиты с вырезанными на них формами какбы стрел, продолговатых какихто орудий и наконец чего-то похожего на флюгер – имели значение стрел и могли принадлежать башкирам и калмыкам, кочевавшим в этих местах и наконец едва ли самая находка принадлежит к числу древностей. Странно – если это подлинно ратовища стрел, потому что они выковываются а не выливаются, а потому не будет ли вероятнее предполагать, что это какие нибудь орудия, – инструменты и вообще принадлежности тайной махинации фальшивой монеты в Ильменских горах... Мнение моё само по себе, далеко быть может небезпорно; но я убеждён в нём положительно, покуда не последует решительный, основанный на фактах, приговор специалистов об этой находке Г. Романовского, во всяком случае любопытной и интересной. Плиты длиною около $\frac{1}{4}$ ар., шириною в 3 верш. толщиною в 1 вер., камень из которого сделаны плиты или формы, до того мягок, что удобно режется ножём. – Тальковый камень, говорят, водится в дачах Миасского завода и его много вообще, в поуральских местах Оренбургской губернии.

Обращаюсь к здешним курганам. Курганы в Миасских дачах и в большей части Троицкого уезда имеют ещё 3 особую форму, непохожую на те курганы, о которых мною сказано прежде. Здешние курганы – невысокая, продолговатая земляная насыпь.

Таковы курганы около пугачёвской дороги, озера «Ильмень», рудников Кавелинского и Мулдакаевского и проч. Курганы близ мулдакаевского рудника, отстоящего за 35 вёрст от Миасского завода, при р. Убале, были раскапываемы когда-то по приказанию заводского начальства; в них нашли человеческие кости, потом, самая земля, из чего состоят насыпи или курганы, были промываемы на ручных станках или вашгертах, но ничего не открылось любопытного: – Кости были зарыты на тех местах, где были найдены и курганы приведены в прежнее положение. – Около Мулдакаевского рудника в 7 верстах, близ р. Убалы, находится, 5 курганов, а раскапываемы были кажется не все, а лишь некоторые из них, находящиеся в поле. – Более всего уничтожено курганов, как говорят, на берегах озера Ильменя, и в них тоже ничего другого не находили кроме костей. Курганы близ Мулдакаевского рудника и вообще в дачах Миасского завода, слывут в народе под именем – «Пугачёвских». Я начал здесь

своё археологическое исследование, с этих 5 курганов, близ р. Убалы, при верховье этой речки. Курганы обросли травой; исследование содержания этих курганов, о котором сказано выше, делается было чрез пробивание Шурфов и промывание на ручных станках (вашгертах) земли, вынутой из шурфов и, благодаря таковому распоряжению заводского начальства, курганы остались целы. Независимо от этого, много было сделано исследований по обоим берегам Убалы, в сторону на расстоянии 6 и 8 вёрст.; но других курганов не оказалось; также мне никто не мог объяснить, были ли в этих местах когда-либо курганы. – Рано выпавший снег, холода, начавшиеся с последних чисел Сентября того года и разные обстоятельства, от меня независимые, заставили меня остановиться, впредь до открытия благоприятного к тому времени, дальнейшими исследованиями здешних памятников древностей в дачах Мьясского завода, начиная с Кавелинского рудника и окрестностей озера Ильмень.

В землях казаков Оренбургского войска, в Троицком уезде и в нагорной стороне этого уезда, населённой башкирами, (русское население заняло равнины), много встречается курганов; Челябинский уезд тоже немало сохранил их, особенно близ границ Пермской и Тобольской губерний. – Большинство курганов в Челябинском уезде а также находящиеся близ Станиц Степной (бывшая крепость) и Тахтубы Троицкого уезда, зовутся – *«Киргизскими могилами батырей»*, по сходству конечно с Курганами, находящимися в киргизских степях.

Говоря собственно о древностях Оренбургского при-уралья, каковы уезды: Оренбургский, Троицкий, Верхнеуральский и Челябинский, нельзя не пожелать, чтобы здесь за археологическую работу дружно взялись, не один, а несколько любителей древностей и всем им достанет работы на здешней археологической нови, до сих пор, покуда нетронутой ни словом, ни делом. Я бы почёл себя слишком счастливым, еслибы мой настоящий, слишком слабый, труд и начин был бы именно начинанием будущих великих археологических работ на нашей родной Оренбургской нови. Другие местности нынешней Оренбургской губернии также богаты, и даже едвали не более, памятниками давно прошедшего, и в особенности окрестности г. Уфы. Грешно будет и нашему времени и нашему чувству патриотизма пройти всё это прежним мёртвым молчанием! Неужели отечественные древности всё ещё будут новы, даже и в глазах будущих поколений? – Здесь невольно приходят на мысль те попечения об этом деле самого правительства, которые выражены словами циркуляра Г. Министра Внутренних Дел, напечатанного в 105 номере Северной Почты за 1863 год. Циркуляр Министра В. Д., обра-

щаяся с мнения Императорской Археологической Коммисии к Губернским Статистическим Комитетам и к любителям древностей, приглашает их к описанию, сохранившихся ещё, археологических памятников и между прочим говорит: «Деятельное приведение в известность отечественных древностей, поощрительные меры и т. д., можно надеяться, обратили бы внимание общества на памятники нашей старины, возбудили бы в нём большее сочувствие к исследованию и сохранению их и со временем могли бы содействовать, как в других государствах, образованию местных археологических Коммисий». – Будем надеяться и, покуда, преодолевать препятствия к археологическим трудам; но будет ли простой народ уважать древности и сберегать их и находки? – вот вопрос, разрешимый, конечно, не строгостию, не запрещением, которое всегда приманчиво, а убеждением; но как убедить? какими средствами? – Ответ не лёгок, а исполнение его ещё труднее. Подумаем о нём! Необходимо подумать!

(Уфимские губернские ведомости. 1865. 23, 30 октября, 6, 20, 27 ноября, 4 декабря)

№ 24. Г. Верхнеуральск

Город Верхнеуральск находится под 54/°, 42 Север. шир. и 77/° – 10 Вост. долг., при реках Урале и Урлде (впадающей в Урал) близ самого города; кроме того недалеко от Верхнеуральска протекают речка Узелка и безымянный ручей, также впадающие в р. Урал. От г. Верхнеуральска до С.-Петербурга 2581, Москвы 1928, Губернского города Уфы 598 и Оренбурга 600 вёрст.

Название города Верхнеуральска происходит от верховья р. Урала названного так вместо древнего Яика, по которому и крепость [до] усмирения пугачёвского бунта называлась Верхояицкою. В начале XVIII века место нынешнего г. Верхнеуральска принадлежало к числу впусе лежащих башкирских земель и было границею с немирными киргизами, которые и теперь ещё кочуют по верховью Урала и каждое лето располагаются кочёвками в окрестностях города. – Калмыки, до бунта своего в 1771 году несли военную службу, оберегая русские границы, и по этому до ныне известны между Башкирами под именем чёрных Калмыков (калмак-кара) т. е. Калмыков несвободных даже тогда как напротив того в Сибири есть племя белых Калмыков, не платящих ясака и водворённых на собственных землях, называемых обельными или белопахцами. Впрочем существует мне-

ние, что слово "чёрные" принадлежит племенам оставившим отечество; изменившимся и переродившимся¹. В 1771 году, Калмыки или Калмак-кар, недовольные управлением Военной Коллегии, в числе 33 000 кибиток и 170 000 душ обоюбого пола из степей Астрахани, Саратова, с берегов Яика бежали сначала в Сибирь, а потом перешли границу Китая. Памятью о Калмыках осталось название некоторых урочищ "Калмацких" в окрестностях города и его уезде². Со времён Хана Таити-Петра, окрещённого самим Петром Великим, многие из Калмыков христиан, кочевавших на берегах Яика, по собственной воле отделились от соотчичей и поселились на башкирских землях особыми селениями, вместе с окрестившимися татарами, может быть из племени Нагаев, Мордвы и Чуваши; этих поселенцев называют Нагайбаками и предание о переселении существует у самых Нагайбаков, говорящих татарским языком, но с примесью Калмыцкого наречия и некоторыми местными оттенками. Вопрос о Нагайбаках конечно требует ещё исследований, но в Верхнеуральских архивах по крайней мере гражданского ведомства, нет фактов к его разрешению, может быть что нибудь найдётся в войсковых архивах, так как Нагайбаки в Верхнеуральском уезде принадлежат к Оренбургскому казачьему войску. Впрочем главных сведений о Калмыцком народе, следовательно и о Нагайбаках, как указывает "Вестник Имп. Русс. Геогр. Общест. 1851 кн. 4 отд. V на стр. 3" нужно искать в г. Астрахани, где жили Ханы и где был центр управления Калмыками. Замечательно, что вдова крестника Петра Великого, Хана Таити, после смерти мужа жила в г. Оренбурге и подарила Губернатору Неплюеву походную церковь тоже подарок Петра Великого; эта походная церковь во имя Воскресения Христова принадлежит Оренбургскому Неплюевскому Кадетскому Корпусу.

Возвращаемся к г. Верхнеуральску. Набеги Киргиз, грабежи, увоз в неволи захваченных людей, башкирские бунты за переселение в здешний край русских людей, особенно когда основан был на устье р. Ори г. Оренбург и открыта Оренбургская

¹ Эверс предвар. крит. изслед. для Россійс. Истор. Москва 1825 г. стр. 8 – прим. Р.Г. Игнатъева.

² Замечательны гора Калмак-Кар и гора Тягас-Калмак, при речке Малой-Калтарме, близ дер. Сафаровой где, говорят, башкирский богатырь (батырь) Тишка сражался с Калмыками и где показывают могилы убитых Калмыков; потом ещё есть гора Тимаш-Тау или Ш(?)ау у местных Тептярей, при ключе этого же имени; здесь говорят, в 1771 году, Полковник И.Л. Тимашев, посланный на усмирение мятежа разбил Калмыков, взял многих в плен, казнил некоторых, но немог остановить побега Калмыков – прим. Р.Г. Игнатъева.

губерния под именем Оренбургской Военной экспедиции; всё это побуждало правительство построить крепости по линии, учреждённой тогда по берегам Яика, о чём и был представлен Императрице Анне проэкт Обер Секретаря Сената Статским Советником Кириловым. Проэкт был утверждён вместе с другими крепостями для укрепления линии. В 1734 году основана была при верховье р. Яика крепость Верхояицкая; коменданту этой крепости подчинены были Магнитная, Карагайская и Кизильская, как это видно из старых комендантских дел архива Уездного Суда, по этому коменданты Верхояицкой крепости писались комендантами Верхояицкой дистанции. В 1730 году после усмирения башкирского бунта, при Оренбургском Губернаторе Генерал-Лейтенанте Князе Урусове, назначено быть в Верхояицкой дистанции "в основанных крепостях", баталиону пехоты и двум ротам драгун. Существует предание, что после основания крепостей Верхояицкой дистанции, в продолжении 7 лет, продолжались волнения башкир, что после усмирения башкирского бунта 1739–1740 годов они подстрекали киргиз к нападениям на самые крепости и что по этому поводу казнены в Верхояицкой крепости два киргизские князька. Может быть мы много бы узнали о первобытных временах Верхояицкой крепости и её дистанции, но архивные документы истреблены пожаром в 1772 году, так что сохранились только не многие из старых комендантских дел Верхояицкой дистанции да не ранее 1773 года сохранившиеся дела комендантской дистанции, переданные после уничтожения комендантского управления на хранение в Уездный Суд представляют не мало интереса в особенности касательно местных распоряжений во времена пугачёвщины.

Правительство заботилось о населении крепостей по тогдашней Оренбургской линии и приглашая туда желающих надеяло переселенцев землёю и давало разные льготы, что и было причиною переселения в Оренбургский край немалого числа людей из внутренних губерний. Эти выселенцы были первыми обитателями Оренбургской линии но и кроме добровольного выселения, крепости населялись присылаемыми туда на жительства по распоряжению правительства как-то нижними воинскими чинами, не имеющими средств к пропитанию. По именному Указу Императрицы Екатерины II от 9 Октября 1762 года велено нижним воинским чинам, поселённым по крепостям Оренбургской линии и в Сибири, производить двойной провиант и сверх того месячное жалованье сержанту и вахмистру по 58, каптенармусу и подпрапорщику 50, рядовому 41 коп.; землёю, лесом, лугами и другими угодьями они пользовались по своему усмот-

рению. Многие из нынешних жителей в г. Верхнеуральске потомки этих самых выселенцев¹. Кроме того присылались ещё на житьё в Оренбургские полинейные крепости раскольники, преступники, в том числе и политические; так в 1772 году присланы сюда польские конфедераты для службы в здешних войсках. Что касается до поселённых нижних чинов, то они должны были помогать гарнизонам крепостей во время опасности от киргиз, сопровождать и охранять караваны и путешественников по линии. Здесь опять нельзя не пожалеть о неимении актов, которые бы открыли нам подробности киргизских набегов на линию; отношения Калмык и Башкир и действие гарнизонов крепостей во время набегов Калмыков по недостатку материалов остаётся почти неизвестным.

В 1774 году Пугачёв, после неудач и отражения его скопищ из под Оренбурга и Уфы, устранился со всеми остатками своих шаек на Уральские Горные заводы и в глубину Башкирии, где давно волновалось и только ждало случая заводское крепостное население и башкиры, забывшие ещё своей старой ненависти к правительству и русскому населению края. В Мае 1774 года Пугачёв был в 50 верстах от Верхояицкой крепости, в Белорецком заводе жители которого признали его Императором Петром III, лили ему пушки и ядра, изгнали посланных от Оренбургского Губернатора Рейнсдорпа, 300 чел. Красноуфимских казаков и усилили собою Пугачёвские скопища. Ожидая времени, когда запасётся артиллериею, потерянною под Оренбургом, Уфой и Сакмарским городком, Пугачёв разсылал манифесты к башкирам, заводам и крепостям и давал строгие указы комендантам о безпрекословной сдаче ему крепостей. Комендантом Верхояицкой дистанции был Полковник Егор Алексеевич Ступишин человек умный и храбрый память о котором сохранилась и до сих пор в народе. Его имени трепетали киргизы и башкиры но его любили и уважали жители и войска Верхояицкой дистанции. Ступишин происходил из дворян Саратовской губернии, был как говорят, крестным сыном Императрицы Елизаветы Петровны, служил первоначально в Гвардии и был лично известен наследнику престола Великому Князю Петру Фёдоровичу. Собрав войска и жителей Верхояицкой крепости, Ступишин сказал им: "я знаю покойного Императора и если он жив и я узнаю, что это не беглый казак Емельян, а Государь Император Пётр III, то сей час же сдаю крепость и буду его слуга, а ежели же это не Государь, то будем стоять до последнего издыхания, как я прежде

¹ Между ними есть один 98 летний старик унтер-офицер Дмитрий Вахнин, почти свидетель Пугачёвщины – прим. Р.Г. Игнатьева.

вам говорил и писал"¹. Войска и жители присягнули слушаться во всё любимого коменданта, сражаться и умереть за веру Государыни Екатерины Алексеевны и отечество. Ступишин ловил посланных Пугачёвым людей с его манифестами и подлинными листами, для острастки рубил им носы и уши и отсылал назад с своими увещательными посланиями на русском и татарском языках; в тоже время из предосторожности арестованы были все как военно-служащие, так и проживающие в крепости польские конфедераты с воспрещением иметь с ними сношения, так как поляки могли открыть Пугачёву безсилие защитников Верхояицкой крепости, в которой, как видно из дел, было всего только 420 пеших солдат, 48 артиллеристов, 100 Красноуфимских казаков, 6 пушек и 1 фалконет, жителей крепости обоёго пола 949 душ². Положение Ступишина было затруднительное, ещё за долго до этого он писал о помощи в Оренбург и к действующему против Пугачёва на линии Генерал-Поручику Декалонгу, но помощи ни от куда не последовало, а Генерал Декалонг, бывший даже прежде того в близи Верхояицкой и знавший хорошо безсилие её гарнизона, отошёл с своим корпусом от верховьев Яика, оставив на произвол судьбы все здешние крепости. Вот что писал Генералу Декалонгу ещё в Январе 1774 года³; энергический комендант Верхояицкой дистанции, в котором усердие к благу отечества заглушило воинскую дисциплину: "Ежели злодеи нападение на здешнюю (Верхояицкую) крепость сделают, то находящимися здесь чинами сколько будет сил и возможности буду до последней капли крови отпор чинить. Ваше Высокопревосходительство ещё во время присутствия своего здесь довольное известие иметь изволили, что во вверенной мне дистанции крепости состоят в большой опасности (хотя я об этом представлял, но все мои представления остались втуне) а меня с малосильною командою оставили". В тоже время Ступишин донёс на Декалонга прямо от себя Военной Коллегии, минуя Оренбургского Губернатора и закончил своё донесение следующими словами: "да будучи здесь по тракту, оный господин Генерал-Поручик (Декалонг), как мне известно ни наперёд ни назад не сделал злодеям страха, чрез что они по своему легкомыслию увидя послабление, на нападение на крепость отважатся"⁴. Ступишин боялся, что и прежде Пугачёва, воспользуясь смутным временем, киргизы и башкиры будут нападать на крепости его

¹ См. приложение 1 к настоящей статье ордер по Верхояицкой крепости – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Ком. дела 1774 г. лист 601 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Там же лист 30 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Ком. дел. 1774 г. лист 31 – прим. Р.Г. Игнатьева.

дистанции, где было в Магнитной войско и жителей до 1000 чел., Карагайской 1200 и Кизильской 1240 ч.; пушек было 30 и 6 фалконетов, из солдатских ружей много было негодных; пороху и свинцу недостаточно, как доносил Ступишин ещё в 1773 году¹.

Выковав оружие на Уральских заводах и усилив своё скопище, Пугачёв взял и разорил крепость Магнитную, и с 10/т. чел. всякой сволочи, с 12 орудиями, слитыми на Белорецких заводах, остановился в 2 верстах от Верхояицкой крепости, послав строгий приказ Ступишину о сдаче её. Пугачёвского посланного не подпустили близко к крепости, где войска и жители, вооружённые чем попало, кольями, топорами, дубинами и женщины и старики и дети стояли на валу, на крышах домов, на которых приготовлены было чаны с водою, на случай пожара. Мало того, Ступишин употребил хитрость; он одел соломенных чучел в солдатское и казачье платье, разставил по валу шесты с обожжёнными верхушками, казавшимися издали остриём копий, а в поле за городом разставлены были пустые палатки, Пугачёв испугался страшной силы, которой не ожидал встретить под Верхояицкою крепостью прошёл мимо сделав только в ней два выстрела из своих белорецких орудий, два ядра пролетели чрез головы стоявших на валу храбрых защитников Верхояицкой крепости. Говорят, что Ступишин и двое стариков гвардейцев тут же под клятвою объявили, что Пугачёв не Пётр III, а вор и самозванец; комендант и старые воины смотрели на Пугачёва с вала, когда он проезжал мимо крепости.

Этот славный подвиг Ступишина и его сотрудников, оставался не оценённым как следовало в особенности современниками их; прослужа после того 14 лет Комендантом, Егор Алексеевич Ступишин в чине Полковника уволен в отставку и уехал в своё имение, где-то близ Симбирска или Саратова и там окончил дни свои мирным, безвестным гражданином.

Верхояицкая крепость спаслась, но крепости Карагайскую, Кизильскую и другие постигла иная участь: все они были разорены, разграблены, а верные своему долгу и присяге жители погибли мучениками. В 1775 году после поимки и казни Пугачёва и когда реку Яик переименовали Уралом, Верхояицкая крепость и её инстанция названы Верхнеуральскими. В 1782 году, когда Оренбургская губерния названа Уфимским наместничеством, Верхнеуральская крепость назначена уездным городом, но Комендантское управление по значению города как

¹ Ком. дел. 1773 г. лист 346 – прим. Р.Г. Игнатьева.

крепости сохранилось до 1796 года. Из Комендантских дел видно, что Ступишин и приемник его Полковник Колыванов, иногда исправляли должность за отсутствием Верхнеуральского Городничего. От укреплений бывшей Верхнеяицкой крепости сохранились остатки вала и рва на берегу р. Урала, близ городской торговой площади, собора и тюремного замка, около которого лежат 4 старые чугунные пушки, брошенные Пугачёвым в какое-то озеро, откуда их вытащили и привезли к Ступишину окрестные башкиры. Бывшие же крепостные орудия увезены в Оренбург в 1784 г. по требованию Начальства¹. К сожалению, дела Комендантского управления очень мало представляют статистических сведений о населении города; в делах есть только любопытные сведения о передвижении войск, сформировании ландмилиционных полков и драгун, известия о справочных ценах на разные припасы и о продовольствии войск. О населении г. Верхнеуральска в конце XVIII века впрочем находим сведение в делах Городнического Правления, именно: в 1786 году в Верхнеуральске считали жителей обоого пола всех сословий 1300, за исключением баталиона пехоты называемого Верхнеуральским – 870 чел. и драгунского эскадрона – 172 чел. включая в это число Штаб, Обер-Офицеров, в 1799 году жителей было 1800 человек, пехоты и драгун 1100². Верхнеуральск сохранял как сказано выше долго военное звание, в окрестностях его по крепостям расположен был пехотный полк, несколько эскадронов драгун, несколько сотен Тептярского полка, в 1769 г. открыто здесь для солдатских детей военно-сиротское отделение, в последствии переименованное в Верхнеуральский полубатальон военных кантонистов, уничтоженный в 1853 году; но и прежде существования военно-сиротского отделения была в г. Верхнеуральске школа для солдатских детей. Замечательно, что из здешнего военно-сиротского отделения выпущен на службу по сохранившемуся здесь преданию, Сержантом Иван Никитич Скобелев, известный в последствии Генерал, Комендант С.-Петербургской крепости, герой 1812 года и Автор многих сочинений, назначенных для солдат. В конце 30 годов настоящего века при г. Верхнеуральске основана казачья станица б Оренбургского Казачьяго полка, занимающего теперь значительную часть Верхнеуральского уезда.

Нынешний г. Верхнеуральск разделяется на город и слободы: казачью или форштат и татарскую, иначе Салатин, татарская слобода образовалась не давно. Лет двадцать назад тому

¹ Коменд. дела 1784 г. лист. 13–18 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Дела Гор. Прав. №№ 130, 706 лист 120, 170 – прим. Р.Г. Игнатьева.

прибыло сюда несколько семей казанских татар, людей промышленных, торговых, и по совету одного из них, казанского мещанина Салатина, они поселились отдельной слободой, в которой теперь 24 двора.

Верхнеуральск выстроен на ровном месте, с двух сторон его окружают рр. Урал и Урляда, окрестности города холмистые, как например Пугачёвский стан в 2 верстах от города и вся вообще местность по дорогам в Оренбург, Уфу, Троицк и Стерлитамак. По генеральному плану; сделанного по распоряжению бывшей Верхнеуральской Межевой Конторы 20 Мая 1807 года, при городе состоит земли: в окружной меже 1314 дес. 2209 саж., лесу 445 дес. 29 саж., под большими дорогами 51 дес. 5 саж., просёлочными 3 дес. 572 саж., болотами 2 дес. 420 саж., реками Уралом, Урлядой, Узелкой и безымянным ручьём 24 дес. 1666 саж., под горою при реке Урале (стан Пугачёва) 2 дес. 133 саж., а всего в окружной меже 1843 дес. 1091 квад. саж., за исключением же неудобной, всего 1759 дес. 2298 саж. Здешние старожилы доказывают, что будтобы при первоначальном основании города городские жители пользовались землями и угодьями на 60-ти вёрстное расстояние кругом, и что таковое право подтверждено Губернатором Неплюевым в 1740 году, при чём ссылаются на межевание городских земель, сделанное в 1741 году; в здешнем архиве Уездного Суда, где сохраняются все дела бывшей Межевой Конторе нет на это никаких указаний. Многие из пригородных земель, которыми действительно пользовались первые поселенцы и их потомки, отошли в казачье ведомство, но это были пустопорожные земли башкирские, да и сами башкиры стали подвигаться ближе к городу своими селениями, на пример не более 35 лет в полутора верстах от города основалось башкирское селение Рахметово.

Верхнеуральск выстроен довольно правильно и по прежнему плану; теперь же дан ему новый план, утверждённый в 1854 г., по которому должно быть проведено несколько новых улиц, так что многие теперь загородные места, как-то кладбище, должны будут войдти в состав новых улиц. Теперь в Верхнеуральске 18 улиц, 1 площадь, на которой помещаются Собор, каменные склады, гостинный двор и рынок или базар. Верхнеуральск можно назвать деревянным городом, в том смысле, что здесь, за исключением собора, нет ни одного каменного строения. Верхнеуральск год от году улучшается, хотя всё ещё деревянными постройками. В настоящее время в городе считается всего 731 дом, по городской оценке на сумму 662 294 руб. 50 коп., присутственные места, училище, городская больница помещаются в наёмных домах; из казённых зданий здесь только

тюремный замок, полковое и станичное правление, магазины и склады. В числе обывательских домов не показаны принадлежащие к казачьей слободе или форштату ведомства Оренбургского казачьего № 6 полка. Слободы Казачья и Салатин построены в полуверсте от города, на западной стороне его. Вблизи города расположены ещё заводы: чугунно-литейный, винокуренные и салотопенные. Некоторые из улиц внутри города носят названия слобод, на том основании, что они тоже прежде были предместьями Верхояицкой крепости, как то: "Лебяжья, Шмуратовка, Драгунская, Солдатская и Телячья".

В 1863 году в Верхнеуральске состояло на лицо жителей: православного исповедания муж. 1964, жен. 1944, Римско Католического и Лютеранского муж. 12, жен. 10. Магометанского муж. 40, жен. 38, всего 4025 душ. К сословию купцов и мещан после уничтожения крепостного состояния, по 1 Октября нынешнего года причислено муж. 335, жен. 458, из которых большинство проживает в Верхнеуральском и Троицком уездах преимущественно же на золотых приисках и горных заводах.

В доход города поступает с купцов, домохозяев, заводчиков и разных оброчных статей до 5000 руб. сер., на счёт города содержится пожарная команда, состоящая из 3 рядовых и 5 лошадей. В Верхнеуральске кроме уездных присутственных мест находятся Почтовая Контора 4 класса, прежде называвшаяся Верхнеульской Почтовой Экспедицией; Почтовая Экспедиция открыта здесь в конце прошлого столетия, Полковое и Станичное Правления, при них госпиталь, Управление 2 Башкирского кантона, приходское училище, в котором более 30-ти учеников, две школы казачьяго полка, из коих в одной обучается более 40 мальчиков, а в другой около 30 девочек, татарская школа при мечети Салатинской слободы, где обучается 10 мальчиков, городская больница на 6 кроватей, состоящая в ведении городского Врача. Купечество и мещане здесь имеют своего городского старосту; по судебным делам они подлежат Троицкой Ратуше, а город в хозяйственном отношении тамошней Думе. В отношении образования при настоящей потребности в нём, Верхнеуральск нуждается в Уездном училище так как самое близкое к нему это в г. Троицке за 178 вёрст. При недостатке средств к обучению, Уездное училище могло бы принести большую пользу, в особенности для тех лиц, которые не имеют средств дать своим детям высшего образования и отправлять их для обучения в другие города. Нельзя при этом не пожелать, чтобы скорее осуществился проект об училищах и об учреждении прогимназий, необходимых для распространения образования между недостаточными классами нашего общества; так как приходские учи-

лица не могут удовлетворить потребностям всего городского населения.

Православных церквей в Верхнеуральске три: одна каменная Собор Благовещения Богородицы и две деревянных: Богоявления Господня и Успения Божией Матери, на кладбище церковь же Благовещения Богородицы, первоначально была деревянная и находилась не на площади, а ближе к р. Уралу, там и теперь стоят два каменных столба, в виде часовен, – это первоначальная церковь по преданию со времени построения города. Недостаток средств по бедности жителей Верхояицкой крепости и дистанции не позволял окончить этой церкви, срубленной только в семь рядов и простоявши 9 лет без крыши, церковь от мокроты и дождей пришла в ветхость, а заготовленный для окончания её лес сгорел во время пожара 1772 г.; к тому же самое место находили неудобным для церкви. Комендант Ступишин от имени всех подчинённых и жителей просил Епископа Тобольского дозволить построить на другом месте каменную церковь Благовещения с приделами во имя Свят. Чудотворца Николая и Свят. мученика Иоанна-воина, для чего жители Верхояицкой крепости пожертвовали тысячу рублей, и обещали доставить все нужные материалы. Как видно из того же донесения Епископу Тобольскому и другая в крепости церковь Богоявления пришла в ветхость и служба совершалась в походной церкви, на месте которой Комендант желал поставить часовню; но предположение Ступишина и желание жителей не состоялось, почему именно, нет ни каких известий; каменной церкви построено не было, а построена деревянная и на старом месте и как говорят, наиболее на суммы самого Ступишина. Мысль иметь каменную церковь не оставляла граждан и она осуществилась только в 30 годах настоящего столетия. В это время всем городом сложили и выстроили на торговой площади нынешнюю каменную церковь Благовещения, освящённую в 1834 году. Нынешняя соборная церковь Благовещения устроена в новом вкусе хотя и одноглавая, по примеру древних церквей в северных русских областях, с западной стороны у входа на паперть устроена колокольня, на которой несколько колоколов; а самый большой из них имеет около 70 пудов весу. Церковь внутри украшена настенным письмом, сделанным как и прочие иконы в иконостасе смешанным Византийски Итальянским письмом, что многие знатоки иконописи называют "Московским", иконостас довольно красиво устроенный вызолочен по полименту. Здесь находится точная копия с чудотворного образа Божией Матери, принесённая сюда из села Табынского Стерлитамакского уезда и называемая в народе "Табынскою"; в

иконописном отношении лицевой подлинник или образец рисунка её тот же самый, что и Казанской Божией Матери, за исключением размера. Когда основана церковь Богоявления Господня близ казачьей слободы или форштата неизвестно; но из того же донесения Коменданта Ступишина о Богоявленской церкви, о котором мы говорили выше, значится что в 1774 году церковь Богоявленская стояла впусе недостроенная. Богоявленская церковь в то время была не наместе нынешней, а внутри крепости, и на месте её теперь тоже 3 каменных столба в виде часовен, с небольшими главками и крестами на них. При Богоявленской и Благовещенской церкви были кладбища, перенесённые на основании известного указа Императрицы Екатерины II 24 Декабря 1771 г. на выгон; на местах бывших церквей и теперь ещё заметны остатки могильных памятников. Церковь Богоявления была разобрана до основания в то самое время, когда строилась новая каменная Благовещенская церковь и лес от Богоявленской церкви пошёл на обжигание кирпича для Благовещенской. Желая сохранить Богоявленскую церковь, здешние жители: чиновник 9 класса Фёдор Иванович Сипайлов и купец Александр Степанович Батуев, известный благотворительностью всем здешним церквям, испросили разрешения перенести деревянную церковь Благовещения на нынешнее место и освятить её во имя Богоявления. Сипайлов и Батуев исполнили это дело на своё иждивение и церковь была освящена в 1848 году, по благословию Преосвященного Иосифа, Епископа Оренбургского и Уфимского. Церковь Богоявления деревянная на каменном фундаменте с пристройкою или трапезою, над которою у входа деревянная же колокольня, в трапезе 2 тёплых придела; во имя Св. Чудотворца Николая и Св. мученика Иоанна-воина. Замечателен здесь иконостас о 6-ти ярусах в старинном вкусе, вызолоченный по полименту; многие иконы старинного Московского письма сюда перенесены из прежней Благовещенской церкви. Церковь Успения Божией Матери на кладбище первоначально основана в 1792 году тоже усердием здешних жителей, но в 1838 году вновь перестроена и освящена; к возобновлению её много содействовали приношения купцов Батуева и Плешкова. При всех этих трёх церквях один причт, состоящий из 3 священно служителей и 4 причетников. По епархиальному управлению Верхояицкая крепость и потом г. Верхнеуральск до открытия Оренбургской Епархии в 1799 году принадлежали ведению Митрополитов, а потом Архиепископов и Епископов Тобольских и Сибирских, так как нынешние уезды: Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский принадлежали к Тобольской Епархии. В старых

церквях этих трёх уездов встречаются антимины, освященные первосвященниками Тобольскими и Сибирскими. Теперь г. Верхнеуральск, состоит в управлении Епископа Оренбургского и Уральского.

Торговля г. Верхнеуральска по местным потребностям довольно удовлетворительна и заметно улучшается. Гостинный двор на базарной площади помещается в трёх одноэтажных деревянных корпусах и теперь строятся ещё новые деревянные же лавки; всех лавок с панскими, бакалейными, колониальными, галантерейными, юфтовыми и азиатскими товарами считается 54. В 1862 году по г. Верхнеуральску было заявлено капиталов по 2 гильдии 4, из них 2 принадлежало золотопромышленникам, по 3 гильдии 34, выдано свидетельств 3 рода для торгующих крестьян 3; в 1-е полугодие 1863 года купеческих капиталов заявлено по 2 и 3 гильдии 24, свидетельств 3 рода выдано 2. Здешние торговцы бывают на Нижегородской ярмарке, в г. Троицке во время азиатской мены, на Мензелинской и Ирбитской ярмарках, откуда получается всякого рода товар для Верхнеуральска и его уезда. Главные торговцы здесь красными товарами, мехами, сукнами, чаем, сахаром, бакалейными и колониальными товарами Макаров, Лисицын и Галанин, татарским или азиатским товаром Музафаров и Тамурбаев из казанских переселенцев. Должно заметить, что азиатским товаром называют бухарские, шелковые и бумажные ткани, ермолки, халаты, одеяла, обувь, употребляемую башкирами, киргизами и здешними татарами; торговцы получают этот товар на Троицком меновом дворе. В Верхнеуральске полагается ярмарка с 20 Декабря по 1 Января, но в сущности ярмарки не бывает; здешние торговцы не только не стараются о её существовании, но даже против этой ярмарки, рассчитывая не без основания, что ярмарка может дать только единовременные барыши, а зато после остановит торговлю на несколько месяцев, но это мнение, не совсем справедливо. Если Верхнеуральский уезд довольствуется ярмарками в селениях Уйском, Кундравинском, Златоустовском и Миасском заводах Троицкого уезда и в станицах Кизильской, Магнитной, Яндельской, то во всяком случае ярмарка в городе Верхнеуральске будет весьма полезною для города и для уезда. Впрочем в замен ярмарки в Верхнеуральске каждое Воскресение бывает базар. В настоящее время базар существует уже и не в одно воскресенье, а начиная с Пятницы продолжается три дня. На базар приезжают из окрестностей: киргизы, башкиры, тептяри, нагайбаки, казаки, горнозаводские крестьяне. Киргизы доставляют сюда лошадей, рогатый скот, сырые кожи, кошмы или войлок; башкиры и тептяри

лес, сено, дичь, рыбу и скот; нагайбаки хлеб, дичь, домашнюю птицу, куриные яйца; казаки хлеб, сено, огородные овощи и зелень. За всеми остальными товарами жители Верхнеуральска должны обращаться к торговцам городским или на ярмарки, о которых сказано выше. Базар, правда доставляет выгоду для многих из мещан, казаков и отставных солдат, занимающимся мелочною торговлею дровяным и строевым лесом; скупая его у башкир за выгодную цену, они после того перепродают его в г. Троицк, где совершенное безлесье и потому дороговизна дров и строевого леса. Доставка такого леса производится ими собственными средствами, на своих лошадях, но барыш так велик, что вознаграждает с излишеством и издержки провоза. Некоторые из здешних купцов скупают скот в киргизских степях, сбывая его частью на золотые промысла, год от году увеличивающиеся в Верхнеуральском уезде. Торг с киргизами и участие здешних торговцев в Троицкой меновой торговле и на Мензелинской ярмарке дают возможность существовать здесь кожевенным и салотопенным заводам, принадлежащим именно тем лицам, которые наиболее скупают киргизский скот. Кроме того в Верхнеуральске, как выше было сказано, есть чугунолитейный и винокуренные заводы. Из кожевенных наиболее замечателен завод купца Макарова, с 13 дубильными чанами, завод этот может выделывать козлиных, конских, яловых кож и вырезки до 4000 штук на 16 000 руб. сер. После завода купца Макарова следуют кожевенные заводы: купцов: Биктемирова в 2 дубильных чанах, Темирбаева тоже в 2, Сысуева в 4 чана и мещанина Синебрюкова в 4 чана. Эти последние четыре завода могут выделывать всякого сорта кож и вырезки до 3000 шт. на 4000 руб. Кожи здешней выделки идут в г. Троицк, в киргизскую степь, в Мензелинск, чрез гг. Уфу и Казань на Нижегородскую ярмарку. Из салотопенных заводов первый купца Лисицына, который вытапливает сала от 8 до 10 000 пуд. и продаёт сырых овчин до 6000 штук, всего на сумму до 35 000 руб., сало и овчины идут в гг. Уфу, Екатеринбург, Мензелинск и Ирбит. Кожевенные и салотопенные заводы существуют в г. Верхнеуральске не более 10 лет. Чугунолитейный завод гг. Чупина и Бокка открыт в 1860 году и устройство его, как надобно предполагать, вызвано золотыми промыслами, по этому главное из его занятий отливка необходимых снарядов для золотопромывальных машин, сверх того отливаются и делаются разные чугунные вещи, наиболее котлы, необходимые для киргиз и башкир. По показанию арендующего этим заводом в нём устроены Американская печь, обжигающая до 1000 коробов угля, ваграночная печь, действующая коноводною машиною, этот завод мо-

жет выделатъ до 10 000 пуд. чугуна, на 10 000 рублей. Не смотря однакоже на видимую как бы пользу завода для золотых промыслов в Верхнеуральском уезде, для киргиз и башкир, которым нужно в их быту чугунная посуда, завод не действовал в 1863 году, а в 1861 и 1862 г. действия его были слишком незначительны. Из винокуренных заводов один принадлежит купцу Рытову, а другой существует под формою Г. Пономарёвой и компании; оба завода открыли недавно свои действия, Пономарёвой в конце 1862 г., а купца Рытова осенью 1863 года, вместе они могут выделатъ более 500/т. вёдр вина, водок, наливок и ликёров. Уничтожение Питейного Откупа увеличило в Верхнеуральске число питейных продаж; при существовании откупа было 3 питейных дома, ныне их более 10, сверх того, открыт водочный магазин и продажа иностранных вин купца Рытова. Кроме заводов, в городе или в городской черте на р. Урале, существуют 4 мукомольные мельницы, из них одна, принадлежащая купцу Макарову, вымольывает до 300 пуд. в сутки. Некоторые из жителей занимаются коннезаводством и держат табуны на закортомленных местах в казачьих дачах. Более значительный конный торг принадлежит купцу Музафарову, имеющему, так называемые, степные табуны в окрестностях города. Близ города есть и казённый конный завод, принадлежащий казачьему полку; он уже вне городской черты, в уезде и был прежде заарендован здешним купцом и золотопромышленником Щелковым и предполагалось устройство фермы; на заводе содержится более 50 лошадей. Земледелием и сенокосением занимаются в окрестностях города некоторые из здешних мещан и отставных нижних чинов, неговоря о казаках 6 полка, к которым отошло много тех из окрестных городу земель, которыми пользовались прежде жители, так, что земледелие делается занятием второстепенным. Мелкий торг всякого рода, лесоторговля, благодаря обилию лесных дач в Верхнеуральском уезде и возможности дёшево приобретать лесной материал и перепродавать его с барышём, представляет более выгод, нежели земледелие; наконец служение на золотых приисках в Троицком, Челябинском и Верхнеуральском уездах, где могут себе найти занятие люди грамотные и не грамотные, в разных должностях как то смотрителей, конторщиков, штейгеров, нарядчиков, сторожей, и многие из мещан и отставных нижних чинов проживают с семействами в летнее время на золотых приисках, получая жалованья от 5 до 20 руб. в месяц, а другие проживают даже и постоянно на приисках т. е. лето и зиму, как то смотрители, конторщики. Открытие золотопромышленности имело немало влияния на быт Верхнеуральских жителей,

достаточных и недостаточных и город во многом, в отношении своего улучшения, обязан соседству золотых приисков, а при ожидаемом большем развитии золотого промысла, надо ожидать ещё большего улучшения города и увеличения благосостояния его жителей. Огородничеством и садоводством здесь никто незанимается; огородная овощь привозится в город из казачьих селений и даже из бывшей Орской крепости Оренбургского уезда; огородничество, за исключением казаков здесь не развито; башкиры только начинают заводить огороды и то по настоянию их начальства, крестьяне горных заводов, единственное русское население Верхнеуральского уезда, если и имеют огороды, то в очень ограниченном количестве, только для домашнего своего обихода, в городе же даже и казаки не держат огородов. Некоторые из них и вообще здешних жителей отзываются неспособностью почвы для произрастания овоща; но надобно предполагать, что вернее всего это просто обычай старины, местный издавна ведущийся предразсудок, а не вина почвы, не группа земли, состоящей из чернозёма и песчаника, ведь озимое и яровое очень же удовлетворительно на здешней почве. Садов не разводят по причине почвы и климата, непроизводящих плодовых деревьев, а цветникам мешают ранние холода иногда в середине лета; холод же наступающий в Августе и начале Сентября почти явление обыденное в здешних местах, по этому один только сад и то очень не большой существует в Верхнеуральске при доме одного чиновника. Сады тоже кажется не в обычае, тем более, что здесь можно иметь только английский сад, без цветников или ограничиться самой неразборчивой флорой, в роде подшипышника и пересадить сюда из ближнего леса берёзу, сосну, осину, клён, лиственницу.

Наблюдения над климатом делались нами в продолжении последнего пятилетия в Верхнеуральском уезде и так как эти наблюдения, происходили в местности близкой к городу, то могут быть применены к нему. Тёплые дни начались в 1859 году с 8 Апреля, в 1860 с 7, 1861 с 12 Апреля, 1862 с 3 Апреля, в 1863 с 26 Марта, подразумевая здесь совершенное исчезновение снега. Тёплых дней было в 1859 – 130, 1860 – 142, 1861, 1862, 1863 – 150, 1863 года жары в Июне и Июле месяцах доходили до 28½% по реомюру, холода начались с 3 Августа, первый снег выпал в этом году 26 Сентября при морозе 7%, но ранневременный снег, как здесь часто случается, пропал, хотя холода и непрекращались; снег наиболее уничтожается мятелями или буранами, которыми сопровождается здесь большая часть времён года. Бураны при ранних холодах, увеличивающих их влияние, здесь весьма губительны для растительности. Должно ещё

заметить, что по этой причине, т. е. от ранних морозов, осень редко сопровождается здесь дождями, за исключением разве Августа месяца. Зима в здешних местах холодная, но непостоянная по оттепелям, несвоевременным и многочисленным туманам и по равной продолжительности этого времени года говоря вообще, в Ноябре бывает тепла приблизительно 5/°, 3 и 25 холоду, в Январе 3, 2, 1 и 30/° холоду, Феврале 4, 3½ и 27. В последнее четырёх летие температура представила такого рода изменения:

Годы.	Зима.	Весна.	Лето.	Осень.
1859	– 4,03	– 0,30	– 0,76	– 1,56
1860	– 0,48	– 0,09	– 0,09	– 0,44
1861	– 3,46	– 0,21	– 0,49	– 0,93
1862	– 2,56	– 0,70	– 0,18	– 0,79

Зимой 1859 г. было до 40 оттепелей, 1860 – 24, 1861 – 17, 1862 – 30. Надобно заметить, что иногда в один и тот же день бывает и оттепель и мороз; переходы оттепели к холоду и обратно совершаются быстро и резко. Туманы бывают более осенью, зимою и частью перед наступлением весны. В 1859 г. туманов было зимою 11, весною 8, осенью 14, 1860 зимою 17, осенью 19, весною 9, в 1861 зимою 10, осенью 13, весною 7, в 1862 г. зимою 8, осенью 5, весною 1863 г. 6. Глубокий снег выпадает большею частью в конце Ноября, к началу Декабря или даже в Декабре. Этот период зимнего времени начинается большими буранами. Снега здесь большею частью глубокие, но в 1862 году было мало снегов. Впрочем в гористых местах здесь ни когда не бывает глубокого снега, который сдувается буранами. Количество снегов на английские дюймы было в 1859 – 4,85 д., 1860 – 3,47 д., 1861 – 3,81 д., 1862 году 2,31 д. Если считать зимою промежуток от начала холодов до установившегося тепла, то выйдет что здесь зима продолжается почти полугодие. По замечанию здешних старожилов, нынешние снега, т. е. за последнее десятилетие менее прежних; в прежние годы как говорят снега заматали, особенно при буранах, ворота домов и даже небольшие дома и избы, которых ещё много в Верхнеуральске. Раннее замерзание Урала бывает около 5 Ноября, а позднее к 10 и 11, реки Узелка и Урледа совершенно замерзают ранее 5 и 6 днями Урала и ранее его вскрываются 3 и 4 днями. Урал покрылся льдом в 1859 г. 7 Ноября, вскрывлся 5 Апреля, в 1860 г. стал 4 Ноября, вскрывлся 4 Апреля, в 1861 стал 6 Ноября, вскрывлся 7 Апреля, в 1862 г. стал 10 Ноября, вскрывлся 3 Апреля 1863 года. Для более ясного объяснения здешней температуры представляем среднее число тёплых и холодных дней в

каждом месяце, начиная с Марта, с которого здесь начинается поворот к весне¹:

	Тёплых дней.	Градусы.	Холодн. дней.	Градусы.
Март	19	4,8	12	6,16
Апрель	21	4,12	9	0,4½
Май	24	6,14	7	–
Июнь	26	14,22	4	–
Июль	27	17,24	4	–
Август	22	10,14	9	–
Сентябрь	19	6,11	11	0,2½
Октябрь	8	0,5	23	3,8
Ноябрь	7	0,3	23	4,1
Декабрь	6	0,3	25	6,26
Январь	6	0,3½	24	5,24
Февраль	12	0,5	16	4,12

Из летних месяцев Июнь и Июль бывают самые жаркие, как это было в 1863 г., когда жары доходили даже до 30/°. Впрочем жаркие дни начинаются здесь с половины Июня; в Июле месяце в окрестностях города начинают косить сено, а уборка хлеба с полей бывает в Августе и даже начале Сентября. В весенние и летние месяцы перепадают дожди, количество которых по годам изменяется от 11 до 76 д. Впрочем отсюда можно исключить 1861 год, в котором от сильных дождей от 20 Июля по 11 Августа затоплены были городские луга, наводнение наделало много повреждений в селениях и на золотых промыслах в Верхнеуральском уезде. Господствующие здесь ветры осенью, зимою и в начале весны Северо-Восточный, а летом Юго-Западный. Народ называет Северо-Восточный ветер "*Сибирским*", дующим с Сибирской стороны, этот Сибирский ветер всегда почти производит мятели или бураны.

На 1000 ветров приходится средним числом: северных 42, северо-восточных 230, восточных 108, юговосточных 174, южных 38, западных 154, северозападных 58.

Г. Верхнеуральск, не смотря на свою славную реку Урал, не может похвалиться рыбным промыслом. Правда, что всё богатство Урала, его рыба заперта учугом в земле Уральского казачьего войска, но еслиб и небыло совсем учуга, Уральская рыба, только разве весною, в половодье, могла бы достигнуть верховь-

¹ Цифровой материал переведён в табличную форму.

ев Урала; летом эта часть реки до того мельчает, что во многих местах её переходят в брод. В полоую воду в верховом Урале ловятся щука, окунь, налим, язь и чебаки, в реках Урлде и Узелке тоже. Верховье Урала в полную воду затопляет берега на значительное пространство, так что и самый город кажется как бы островом. Рыболовством здешние жители мало занимаются, довольствуясь привозною из окрестностей. В окрестностях города много водится всякого рода дичи, особенно по болотам и близ озёр в казачьих и башкирских землях, как то уток, тетеревов, рябчиков, бекасов, дупелей и друг. пород, охотою на дичь занимаются для продажи, казаки, нагайбаки и башкиры, которые в прежнее время употребляли для этого учёных беркутов и ястребов, которых и теперь иногда привозят на продажу в базарные дни; за учёного беркута платят по 10 и 16 руб., но уже охота за дичью с беркутами постепенно выходит из употребления и башкиры начинают обращаться к ружейной охоте.

В былые даже и не очень давние времена дешевизна жизни привлекала сюда многих на переселение из разных мест; самое купечество привлечено было сюда тем же самым и начинало торговлю с самыми малыми средствами. О прежней дешевизне можно судить по так, называемым справочным ценам. Хотя и трудно вполне довериться этим справочным ценам на разные жизненные потребности, но при недостатке других сведений особенно за прежнее время они могут быть приблизительно верным указанием; так как составлялись всё-таки по соображениям с действительными рыночными ценами. По справочным ценам, как доносил Верхнеуральский Городничий в 1796 году Оренбургской Провинциальной Канцелярии, пуд ржаной муки стоил 10 коп., пшеничной 15, крупчатой 17, говядина лучшая 2 к., баранина 2 к. фунт, сено 1 коп., овёс 2 коп. с деньгой за пуд, дрова берёзовые и сосновые сажень 70 коп. на ассигнации. В 1805 году Городническое Правление в донесениях к начальству так уже обозначило свои справочные цены: мука пшеничная 25 коп., ржаная 18 к., крупчатая 28 к. за пуд, говядина 8 к., баранина 8 к. за фунт, сено 2 коп., овёс 6 коп. за пуд, дрова берёзовые 85 к. сажень, сосновые и еловые тож. Справочные цены за 1830 и 1840 года представляют значительное возвышение против цифр 1805 года, а именно: в 1830 г. пуд муки ржаной стоил 35 коп. на ассиг., в 1840 г. 20 и 25 коп. сер., пшеничной в 1830 г. 40 и 44 коп. ассиг., 1840 г. 25 и 30 коп. сер., крупчатая в 1830 г. 50 и 55 к. ассиг., в 1840 г. 38 и 40 к. сер., говядина за фунт 1830 г. 13 коп. ассиг., лучшая в 1840 г. 2½ коп. сер., дрова, сено, овёс вы-

ше были в 1830 г. на 4, а 1840 на 5½ проц.¹ В 1862 году пуд муки, по настоящим уже рыночным ценам стоил: ржаной 50 и 70 коп., пшеничной 70 и 90 коп., гречневой 70 и 90 к., крупчатой за мешок в 5 пуд. 6 руб. 50 коп., крупа гречневая 1 руб., полбенная 80 коп., ячменная 70 коп., говядина 80, 90 и 1 руб. за пуд и доходила до 1 руб. 30 коп., баранина 90 коп., телятина 1 руб., сено 3 коп., овёс 30 коп. пуд, рыба щука, язь, налим, карась и окунь от 10 до 17 коп. фунт, солёная привозная рыба продавалась почти по тем же ценам, Уральская рыба стерлядь 15 и 20 коп. фун., осётр и белуга от 18 до 24 коп. фун., дрова берёзовые трёхполенные 3 руб., однополенные 1 руб. 50 коп., сосновые трёхполенные 2 руб. 50 коп., еловые 2 руб., однополенные 1 руб. 25 к. и 1 руб. На топливо здесь употребляют исключительно берёзовые дрова, а сосновые и еловые наиболее скупаются для перепродажи в г. Троицк. Мука для хлеба здешними жителями употребляется только пшеничная. Все пояснённые здесь жизненные припасы в 1858 и 1859 г. были дешевле на половину, в 1860 г. цены были те же что и в 1862 г., а в 1861 г. исчисленные здесь предметы были дешевле на ¼ против 1860 и 1862 годов. Причин этому много, а главное урожай и пригон киргизского скота, а также скотские падежи в киргизской степи. Почти все Верхнеуральские жители живут в своих домах; но квартиру можно иметь от 1 до 10 руб. без отопления, квартиру со столом можно иметь от 6 до 10 руб. в месяц. Наём прислуги стоит: кучера и дворника от 2 до 3 руб. в месяц, стряпки от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. и более; но наём прислуги бывает часто затруднителен исключая кучеров, которых можно нанимать из башкир; женская же прислуга более состоит из казачек и Горно-заводских крестьянок. В Верхнеуральск приходят из разных мест Оренбургской губернии и даже Казанской и Вятской для найма в плотничную, малярную, печную работы, и для работ на здешних заводах. Впрочем в плотничью работу нанимаются большею частию окрестные башкиры и казаки. У подрядчиков рабочие получают при постройках от 6 до 10 руб., а на салотопенных, кожевенных и винных заводах от 5 до 15 руб. в месяц. Мастерства между жителями Верхнеуральска не развиты; портные, сапожники и проч. являются более между казаками и солдатами внутренней стражи. Кроме того мастеровых считается: портных 2, сапожников и башмачников 3, серебряк 1, медник 1, часовщик 1, живописец 1 и кузнецов 4.

Общественная жизнь в г. Верхнеуральске весьма мало развита; в городе нет ни общественного собрания, ни библиотеки и

¹ Дела Город. Прав. 1796 г. № 318, лист 40, 1805, 1830, 1840 №№ 124, 402, 212 лист. 62, 103, 201 – прим. Р.Г. Игнатьева.

ни каких общественных увеселений; общество состоит из служащих и отставных чиновников, преимущественно из военных, служивших в Оренбургских войсках. Купечество, за исключением некоторых золотопромышленников, стоит на низшей ступени образования и держит себя отдельно от чиновников. Помещиков вовсе нет, заводчики и золотопромышленники на короткое время посещают город только в необходимости по делам. Общественных удовольствий нет, за исключением разве качелей, содержимых 2 здешними мещанами за условную плату в пользу города. В отношении образования простой класс и здесь тот же, что и везде, однако же в нём появляется желание грамотности и даже желание научного образования. Простой класс здесь представляет три разнородные элемента, несходящиеся друг с другом, это собственно горожане, мещане и давние обитатели г. Верхнеуральска отставные нижние чины, потом казаки и наконец казанские татары. В образе жизни мещан, солдат и казаков господство поверий, и предразсудков старины, когда-то пересаженных с великорусской почвы на здешнюю. Народ чуждается медицины и в здешней городской больнице, содержимой всего на 6 кроватей и по видимому неудовлетворительной по числу населения, пользуются почти исключительно одни военные чины и редко городские жители, разве по какому особенному случаю. Народ лечится большею частью своими средствами, начиная с жарко натопленной бани и проч., и горожанин скорее доверится какойнибудь старухе или знахарю из солдат, башкир и татар, нежели медику, скорее простой бабе, нежели акушерке, скорее заговору башкирца, чем средствам аптеки, которая имеется впрочем только одна казённая при больнице, и она же для тюремного замка, где есть свой лазарет; есть ещё другая аптека при казачьем госпитале. Вольных аптек здесь нет вовсе, да и едвали была бы возможность с выгодой открыть частную аптеку в Верхнеуральске. Нужно заметить ещё, что горные заводы и золотые промысла имеют свои лазареты и аптеки по потребностям самых лазаретов, по этому вольная аптека должна была бы ограничиться весьма небольшим числом городских жителей. Из болезней по словам врачей и жителей более обыкновенны здесь, особенно осенью и весной при замерзании и вскрытии рек, тифозные горячки, круп и лихорадки. Медицинских чинов здесь: 2 врача городской и уездный, 1 фельдшер и 1 повивальная бабка; в казачьем ведомстве 1 врач и 1 фельдшер. Впрочем кроме временного климатического влияния на людей, болезней вообще здесь мало, из чего можно заключить, что и климат в г. Верхнеуральске вообще довольно благоприятен для здоровья.

Р. Игнатьев.

Приложение

Ордер по Верхояицкой крепости¹

Военно-служащие и жители Верхояицкой крепости! Божиим попущением и в казнь за грехи наши и наше нераскаяние, посылаются велением Божиим на нас: напрасная смерть, потопы, глады и губительства, как сказано в Св. писании, и ныне вся сия над нами ясно совершается. Не безызвестно всем верноподданным Ея Императорскаго Величества Всемиловитвейшей Государыни Нашей, жителям Оренбургской губернии, как то явствует из прежних распубликованных указов, объявленных всенародно в церквях и читанных публично в городах и крепостях, что злодей, вероотступник, беглый колодник и раскольник Донской казак Емелька пугачёв выдав себя за блаженные вечно достойные памяти в Бозе почившаго Государя Императора Петра III-го возмутил сначала яицких казаков, забывших Бога и страшнаго Его Суда Прещения приставших к тому злодею самозванцу, вероотступнику Емельке. А потом он злодей пришед в Оренбургскую губернию многие произвёл грабительства, раззорение храмов Божиих, многие крепости побрал, многих от шляхетства и всяких чинов людей замучил, за то, что они помня Бога и присягу яко верные подданные Ея Императорскаго Величества, ясно воровство его изобличали. Ныне верными Начальниками и войсками Ея Императорскаго Величества, он вор, вероотступник и самозванец, хотя от Оренбурга отражён, но прежняя злобы своя неоставив на новую устремился, и возмутя чернь в заводах и башкир и лошманых татар и киргиз угрожал на новые злодейства, по Уральской линии крепости побрать, а жителей перебить, а которых вместе с землями киргизам отдать. Злодей Емелька манит многими обещаниями, но кто же помня Бога и присягу поверит ему опричь таких же воров вероотступников, шельм, как он сам. В здешних, Оренбургской губернии городах и крепостях немало есть как от шляхетства так и солдатства, особливо проживающих в отставке, которые служили в Петербурге, в Лейб-Гвардии полках и блаженные памяти Императора Петра III-го помнят да и того вора Емельку видали, и под присягою говорили, что Емелька вор и самозванец. А многие то говорили ему в глаза нестрашась мучительства и тако души своя предали Богу, яко верные Ея Императорскаго Величества подданные и христиане. Если Божиим попущением, он вор, злодей Емелька придёт к Верхояицкой крепости, станем все от мала до велика, кто в силе поднять хоть камень, а живыми недадимся в

¹ Подлинник в копии сообщён Д.К. Вахниным – прим. Р.Г. Игнатьева.

руки злодея, не дадим ему ругаться храмом Божиим, женами и детьми нашими. Первый умру за веру и Государыню я Комендант и все мои подначальные офицеры надеюсь, что непостыдят себя, за начальными людьми и солдаты. Будем живы отразим злодея и наградит нас Бог и Ея Императорское Величество, а погибнем, то яко мученики обретём венец нетленный; оружия у нас довольно, свинцу, пороху и провианту тоже, солдаты молодцы. Кто из нас жителей хочет оружия требуй пороха и свинца из Комендантской Канцелярии. Между нами как от солдат служащих и отставных нет изменщиков и трусов, а если такие есть я не держу, иди в вечную гибель и к злодею Емельки, только назад такого не приму и с повинною, а повласти мне данной, таковой злодей будет весьма лишён живота. Предписываю воинским Начальникам и жителям вверенной мне дистанции крепко смотреть за ворами башкирами и киргизами, приезжающими будто на торг непереметчики ли они и нет ли у них каких воровских писем? буде таковые окажутся, то брать и представлять в Комендантскую Канцелярию. Ордер сей прочитайте по ротам и капральствам и объявить по Верхнеяицкой крепости и по прочим крепостям с барабанным боем. Мая 22 дня 1774 года. Комендант Полковник Ступишин.

(Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа, б. г.
Отдел первый. С. 103–135)

№ 25. О месте кончины и погребения думного дьяка Афонасия Власьева

Из корреспонденции чл. кор. Р.Г. Игнатьева

Имя думного дьяка Афонасия Ивановича Власьева принадлежит истории, как одного из славных дипломатов Русской земли в конце XVI и начале XVII века. Власьев, как дипломат делается известным с последних лет царствования Феодора Иоанновича, а исключительно им ведённые дипломатические сношения наши с Австриею, Германиею, Швециею, Даниею и Польшею – составляют светлые страницы в истории царствования Бориса Годунова. Лжедмитрий возвёл Власьева в звание своего великого секретаря и Подскарбия; Власьев заменял собой лице царя при обручении с Мариною Мнишек, совершённом в Кракове, в присутствии Сигизмунда III-го. И так, биография Власьева, если бы она возможна была с частной стороны его жизни, была бы для нас чрезвычайно интересна, особенно в виду последующей судьбы этого дипломата, ссылки его при царе Василии Иоанновиче Шуйском на воеводство в Уфу.

Не имея, к сожалению, данных для такой биографии Власьева, мы укажем на один материал, из которого узнаём о месте его кончины и погребения. Это диптих или помянник бывшего Уфимского Собора Смоленской Божией Матери, ныне приходской церкви в г. Уфе, во имя святой Троицы, всё ещё называемой в народе «старым собором» (собор этот основан за 6 лет до воеводы Власьева, в 1600 году Смоленскими дворянами, присланными на службу в Уфу, в числе нескольких сот человек). Заглавие его следующее, «Диптих си есть помянник соборныя церкви пресвятыя Богородицы Одигитрии Смоленския, иже в Уфе граде в детинце». Он писан в ½ лист, полууставом, на первых двух страницах переписанных, как кажется, с древнейшего подлинник, а потом разными почерками, начиная с кудреватого XVIII века до современного; на 2-й странице его читаем: «Раб Божиих zde лежащих. Род Уфимскаго воеводы Афонасия Ивановича Власьева, zde лежащего: инока Варсонофия, Иоанна, Афонасия, Павла, Иоанна, Захария, Анны, Вассы, Елисаветы и Евфимии». И так, Власьев скончался и погребён в Уфе, притом в первопрестольном её храме, так как в этом городе были ещё другие церкви. Но к кому относятся здесь имена? Означают ли они деда и отца Власьева, его самого, а за ним его братьев и сестёр или жену его и детей? – на это Помянник не даёт никакого ответа. Описанный нами диптих принадлежит Оренбургскому мещанину Ивану Никитичу Казанцеву и достался ему от деда, переписывавшего его с подлинника, ныне утерянного в соборе. Дед г. Казанцева, по словам внука, был немножко иконописец, любил переписывать диптихи и разрисовывать их красками и приличными изображениями.

В дополнение к предлагаемому известию скажем ещё несколько слов об упомянутом нами Соборе. При Смоленской соборной церкви было кладбище, а внутри её и в застенке под колокольнею погребали людей именитых. Это продолжалось до 1771-го года, когда указом Императрицы Екатерины II-й от 24 декабря, – было строго воспрещено погребать умерших в черте города и при городских церквах. Но в 1774 году, когда Уфа была осаждена Пугачёвым, стали по неволе опять хоронить при городских церквах и в том числе при Смоленском соборе (при последнем в знак почёта хоронили убитых на вылазках). После Пугачёвской осады тотчас уничтожены даже следы бывшего кладбища и внутри и около Собора; сломана и колокольня с застенком, служившим тюрьмою для сообщников Пугачёва Чики и Губанова, казнённых в Уфе в 1775 году; а на место старой колокольни построена нынешняя. Внутри Собора уничтожен помост из могильных плит, а надписи надгробные на стенах забелены;

старая трапеза сломана и устроена новая с двумя тёплыми приделами. Настоящая соборная церковь Смоленской Божией Матери (летняя) в начале XIX столетия освящена во имя св. Троицы, в честь церкви этого имени существовавшей близ собора и сломанной за ветхостию. Собор этот до 1842 года назывался Троицким, но за построением нынешнего Воскресенского Уфимского кафедрального собора, переименован приходскою церковью... Смоленский Собор – единственный памятник древней Уфы, но увы, памятник обезображенный новизной: древнего теперь в нём только стены настоящей церкви, т. е. летней во имя св. Троицы, да несколько икон, в том числе копия с чудотворной иконы Смоленской Божией Матери, принесённая из Смоленска в 1600 году высланною на службу в Уфу Смоленскою шляхтою. Напрасно было бы теперь искать в старом Уфимском Соборе воеводских или других могил именитых и между ними ту, которая скрывает прах Афонасия Ивановича Власьева.

Г. Уфа.

10 февраля 1865 г.

(Древности. Труды Московского Археологического Общества.

Т. I. Вып. I. М., 1865.

Заседания Московского Археологического Общества.

Приложения. С. 13–15)

1866 год

**№ 26. Церковь свят. Троицы или старый (Смоленский)
Собор в г. Уфе**

(Статья Действительного члена Уфимского Статистического Комитета и члена-Корреспондента Московского Археологического общества Р.Г. Игнатьева).

Единственный памятник древней Уфы это – церковь свят. Троицы или бывший собор во имя Смоленской Божией матери. Церковь свят. Троицы находится на горе близ р. Белой, при самом въезде в город с Казанского тракта. На этой же горе и близ неё расположен был деревянный кремль или детинец, сгоревший по указанию Рычкова в 1759 году¹. Но не один этот пожар видела Уфа, пожаров было много, много погибло памятников старины, но не смотря на пожары, каким-то чудом уцелел Смоленский собор.

История основания Уфы известна. Это была мера правительства насадить и сделать господствующим русский элемент среди башкирского народа, покорившегося нам тотчас же после падения царства Казанского. С основателем города Уфы, воеводою Иваном Нагим, пришли сюда русские люди, в качестве людей служилых и вместе с тем первых колонизаторов нового края – холодного, пустынного и дикого, но богатого дарами природы. Из разных мест России, не известно откуда именно, из каких её областей, переселены сюда дворяне, стрельцы, пушкарки, люди приказные, холопы и крестьяне; но с появлением их внесена в мусульманско-языческую башкирию русская жизнь, где на первом плане стояло православие. Историею г. Уфы мы обязаны исключительно тому же Рычкову, единственному историографу и описателю здешнего края в XVIII веке, можно сказать здешнему Нестору, потому, что ни одно сказание о здешнем крае не обходится без указания и ссылки на того же Рычкова. – По словам этого Оренбургского Нестора, город Уфа строился с 1574 по 1586 год²; официально же известно, что Уфа даже в конце XVII века считалась пригородом Казанским и состояла как-то видно из полного собрания законов в ведении Приказа Казанского Дворца³; по делам же духовным, даже до конца XVIII века – ведению Казанских архиереев; только недолгое время. – В XVIII веке г. Уфа, распоряжением свят. Синода поручен был Вятской Епархии, и на этом основании в 1784 г. Вятский Епископ Силь-

¹ Топогр. Оренб. Губ. 71 – стр. 85 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Топогр. Ор. Губ. I. стр. 85 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Т. II. № 844 – прим. Р.Г. Игнатьева.

вестр был в Уфе при открытии наместничества и священнодействовал по этому случаю в Смоленском соборе¹.

История Смоленского собора состоит к сожалению из одних, ни чем не доказанных, преданий, собираемых и записываемых людьми любознательными горячо любящими свой родной город, свой родной и древний храм, на кладбище которого погребены отцы, деды и прадеды. – Таковы например записки Рембелинского, к сожалению ещё вполне и во всей целостности не напечатанные, а только лишь в извлечениях, появившихся не раз в бывших Оренбургских, ныне Уфимских Губернских ведомостях. – Ещё в тех же ведомостях за 1852 год в № 20 напечатана статья под заглавием «Уфимский летописец». – Это, неизвестно на чём основанная, краткая хронография города с основания его и до 1826 года.

И так все письменные факты о смоленском соборе, основанные без всякого анализа на одних преданиях, представляют крайнюю скудость. – Но постараемся анализировать эту скудость, на сколько это будет возможно, более логично и более фактически; кроме того постараемся уничтожить даже эту скудость новыми материалами, не обращавшими на себя до этих пор ничьего внимания. Надо сказать, и должно сказать, правду. – Смоленским собором, единственным памятником древней православной Уфы, интересовались лишь одни местные патриоты – конечно люди глубоко религиозные, но отнюдь не археологи.

По сказанию, далеко и далеко не бесспорного, Уфимского хронографа или летописца, так по крайней мере названного Оренбургскими ведомостями, с самого начала города – с 1574 года, на месте Смоленского собора, или иначе церкви св. Троицы, стояла деревянная церковь во имя Казанской Божией матери; но явление иконы Божией матери Казанской было в 1579 г. при Казанском Архиепископе Иеремии, шестом после учреждения Казанской епархии Иоаном IV, и только с 1579 года установлено повсеместное празднование явления иконы Божией Матери Казанской²; следственно церковь в это имя в Уфе основана ни как не ранее 1579 г., а не 1574 года. Нельзя также и утверждать, что это была первая и единственная церковь в г. Уфе, куда появились русские люди пятью годами ранее 1579, именно в 1574 году; не легко верится что-то о тогдашних русских людях,

¹ Оренб. Губ. вед. 1852 № 20. – Дело об открытии Уфимского наместничества, хранящееся в особом ковчеге в присутствии Губернского Правления – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Истор. Росс. Иерархии т. 1 стр. 89. Четии минеи под 8 числом Июля – прим. Р.Г. Игнатьева.

переселившихся в чужую, неверную, бусурманскую сторону, чтобы эти, хотя бы-то только и на букве, религиозные люди, обходились без храма молитвенного, без священников? В XVII веке г. Уфа уже в религиозности не уступает прочим городам; здесь уже 2 монастыря и много церквей; духовные дела судят благочинные или закащики – Игумен Успенский, да соборный протопоп¹, а Московский собор 1681 г. уже помышлял об учреждении в Уфе викариата Казанской Митрополии, назначая местом пребывания Епископа Уфимского Успенский мужеский монастырь, за которым считалось 132 крестьянских двора².

Отнюдь не называя церковь Казанской Божией матери первым храмом по основании города, нет однакоже никакого повода к сомнению, чтобы церковь Казанская не была соборною и первопрестольною в городе. Есть предание, что царь Феодор Иоанович дал этой церкви грамоту на окологородную землю; грамота эта утеряна, но земля и теперь слывёт под именем «протопоповских лугов» во всех межевых актах; но протопоповскими лугами издавна владело не духовенство, а казна. Теперь эти луга из казённых оброчных статей зачислены за одним из землевладельцев в замен и в вознаграждение, отошедших от него в казну, земель. В существовании когда-то царской грамоты на протопоповские луга мы не сомневаемся, потому что Уфа и её церкви не раз удостоились милости царской, а Уфа, основанная при грозном как раз окончательно достроилась и населилась в царствование Феодора Иоановича сына Грозного, в 1586 году, по сказанию Рычкова.

К сожалению в архиве консистории и нынешней церкви св. Троицы или бывшего собора нет никаких фактов касательно первоначальной Уфы и её Собора. Всё это может быть находится в архивах Казанских, так как г. Уфа принадлежала к Казанской епархии.

По словам Уфимского летописца, в 1600 году деревянная церковь Казанской Божией матери была сломана и на место её построена каменная во имя Одигитрии Смоленской Божией матери; строителями новой церкви или собора были Смоленские дворяне, переведённые в г. Уфу на государеву службу³. По указанию Уфимского летописца, значит, событие это случилось в царствование Бориса Годунова; но мы не знаем, были ли в это время выводы служилых людей или вообще жителей Польских областей вовнутрь России и тем более в крайние или погра-

¹ Акт. Истор. т. V. № 253 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Тамже № 75 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Орен. Губ. вед. 1852 г. № 20 – прим. Р.Г. Игнатьева.

ничные города, к каковым принадлежала и Уфа? Выводы эти начались позднее, и были в особенности постоянными в царствование Алексея Михайловича.

Появление Смоленских дворян или Смоленской шляхты в крайнем городе Уфе, как бы-то ни было – событие немаловажное в истории края, а тем ещё более имеют историческое значение административные распоряжения о высылке в крайние города или во внутренние наши области жителей Польских провинций, особенно если эти выселения были даже в начале XVII века, а может быть и ранее?

Смоленск, издревле область русская и православная, где княжили Владимир Мономах и его потомство, с 1171 года стал спорным пунктом, и – то русские, то Поляки, – тоже считая Смоленск своим, оспаривали оружием право на обладание Смоленскою областью. Какой-то воевода Юрга (Юрий, Георгий) громил в XV веке Смоленск и даже взял пленом и привёз в Москву чудотворный образ Смоленской Божией матери, которую возвратил Смоленску в 1525 году В. К. Василий Иоанович, и то по просьбе тамошнего Епископа Михаила и православных жителей¹. – Василий Иоанович уже с 1511 года взял Смоленск, но, как говорят, не вывел оттуда ни одного из жителей². Но и прежде покорения Смоленска, В. К. Василием, отец его Иоан III отобрал уже себе Смоленские города Вязьму, Рославль и Дорогобуж.

Как только царь Алексей Михайлович, в 1654 году, лично предводительствуя войском, взял Смоленск, а вслед за тем покорил: Полоцк, Витебск, Лютин, Режец и Мариенгауз, – началось уже переселение оттуда жителей в разные места, в глубь России, и эта политическая и административная мера исключительно падала на дворян и горожан, покорённых областей, по вере русских, по душе Поляков. Царь Алексей Михайлович вот что писал 20 Января 1655 года к, оставленному воеводствовать в покорённом Смоленске, боярину Пушкину: «ведомо нам учинилося, что во многих шляхтичах шатость, начали изменять, отъезжать в Литву и вы бы тех воров от кого измены чаще велели бы в тюрьму сажать и высылать к нам из города, а если почаете ото всей шляхты и мещан измены, то всех к нам присылайте по скольку человек возможно, а если посылать их нельзя и ехать они не захотят, то посылайте в Москву связанных»³.

Из этого ясно видно настроение жителей покорённых областей и необходимость, при стремлении упрочить на веки за

¹ Истор. Росс. Иерарх. ч. 5 стр. 341–342 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Карам. т. VII примеч. 289 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Истор. Росс. Соловьёва т. X. стр. 384 – прим. Р.Г. Игнатьева.

Россиєю эти области, меры к выселению людей, опасных на родине, но полезных для службы, в крайние города, где выселенцы мешались с русским большинством, стуживались в массе русских людей и сами или уже потомство их делались совершенно русскими. Нигде невидно, чтобы и царь Алексей Михайлович, заключив мир с Польшей в 1667 г. и уступив Смоленск, возвратил туда выселенцев.

Можно предполагать – но только предполагать – что выселение жителей Польских областей бывало и ранее даже, когда Иоанн III взял Вязьму, Рославль и Дорогобуж. Может быть и Годунов обращался к этой мере, в особенности же не в 1600 а 1605 или начале 1606 года, когда появился в Польше называемый царевич Димитрий. Но история требует фактов, поверенных историческою критикою.

В царствование Алексея Михайловича появляются выселенцы польских областей в Уфе и пригороде Мензелинске; в Мензелинском уезде Уфимской губернии и теперь живут потомки польской шляхты¹.

В Уфе приписывают построение собора во имя Одигитрии Смоленской Божией Матери Смоленской шляхте или дворянам; предание говорит, что здешняя храмовая икона Смоленской Божией Матери принесена из Смоленской области, что это копия с находящегося в г. Смоленске чудотворного образа. Последнее совершенно справедливо; Уфимская икона Смоленской Божией Матери именно точная копия с таковой же копии, находящейся в Москве в Новодевичьем Монастыре, списанной с подлинника в 1525 году, когда В.К. Василий, отец грозного, возвратил Смоленску пленённую его Святыню, а у себя в Москве оставил с неё копию и потом основан был девичий монастырь, на так называемом в Москве, девичьем поле. – В этот монастырь, т. е. настоящую его соборную церковь во имя Смоленской Божией матери, в день празднества этой иконы 28 Июля, в память возвращения в Смоленск, в 1525 году, подлинного чудотворного образа, бывает крестный ход из большого Успенского собора. Но вот вопрос: были ли в г. Уфе Смоленские дворяне; чем, каким бесспорным анализированным фактом докажем мы всё это?

В архиве Уфимской Палаты Гражданского Суда, в числе 1549 столбцов и 30 книг, хранятся уцелевшие среди многих пожаров, дела бывших в Уфе расправы, приказной и съезжей изб и воеводской канцелярии, XVII века. При рассмотрении мною

¹ Памят. книжка Оренб. Губ. на 1865 г. изд. Губ. Стат. Комит. стр. 55–56 – прим. Р.Г. Игнатьева.

этих столбцов, и книг, ни где не встречалось мне имени Смоленских дворян, в смысле не одного г. Смоленска, а вообще городов Смоленской области. Вот акты архива Уфимской Гражданской Палаты, из которых можно видеть о здешних служилых людях, а эти акты прямо указывают на выселенцев из бывших польских областей, но преимущественно Полоцких и Витебских; таковы например списки Уфимским дворянам, полоцкой шляхты стрельцам иноземцам т. е. иногородным, не природным Уфимцам, а выселенцам из разных мест, подъячим, новокрещённым и служилым татарам и мещерякам, с показанием их поместных и денежных окладов с 1628 г. по 1701, по описи архива, составленной в 1785 г. значущиеся под №№ 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 854, 1521, 1522, 1523, 1533 и 1534. Списки дворян, стрельцов, подъячих и прочих Уфимских служилых людей, начинаются с 1628 года, а шляхты или дворян Полоцких – только 1656 года; значит после того вскоре, как царь Алексей Михайлович взял Смоленск и Полоцк, который, как известно, сдала воеводе Шереметеву русская партия, представителями которой были просто мещане или посадские люди: Фёдор Сатковский, Василий Ульский, Козма Фёдоров и Исаак Иванов, как это значит даже из полного собрания законов¹. Полоцк совершенно закреплён за Россией вместе с Смоленском по тому же вечному миру между Россией и Польшею 1686 года. Но прежде того, когда Смоленск и Полоцк, покорённые в 1654 году, как нами выше было сказано, отошли в 1667 году к Польше, вместе с прочими завоёванными городами Литовской Руси, то высылка из завоёванных городов жителей продолжалась; так в архиве Уфимской Гражданской Палаты есть два указа о присылке в Уфу из Москвы *на вечное житьё* иноземцев и шляхты, без означения, из каких областей выведена эта шляхта или польские дворяне (№ по описи 634).

Значит – это та самая шляхта, которая из всех польских завоёванных областей, вследствие тех причин, которые видны из вышеприведённого нами письма царя Алексея Михайловича к Смоленскому воеводе Пушкину, была первоначально выслана в Москву, и не возвращена, а во время мира, напротив удалена на окраину. – До нас дошло одно это письмо царя к Пушкину, но ясно, что мера выдворения была общая для всех завоёванных у Польши городов.

Но всячески разыскивая чегонибудь в этих столбцах в архиве Уфимской Гражданской Палаты о Смоленской шляхте, всё таки я находил сведения о Полоцкой; таковы например *список*

¹ Т. 1 № 137 – прим. Р.Г. Игнатьева.

служилым людям, присланным на службу в Уфу, Полоцкой шляхты иноземного строя с полковником 1689 года – значит, уже после вечного мира с Польшею; потом *книга о фамилиях дворянских, глаголемая десятня*, где также вписаны Полоцкие дворяне и просто без означения родины, польская шляхта, эта книга, глаголемая десятня относится к 1687 году (по описи №№ 310 и 232). Во ещё акты в архиве Гражданской Палаты о дворянах Полоцких и вообще о шляхтах: 1, о пожаловании Уфимских служилых людей деньгами и поместьями за вечный мир 1686 г.; 2, о производстве жалованья полоцкой шляхте янчевскому, Касабутскому и Залесскому, да о бытии шляхтичу Выслальскому на Уфе в сотниках 1691 года; 3, Челобитье Полоцкого шляхтича Антона Козловского о поверстании на службу в оклад отца (по описи №№ 1112, 1223 и 1230). В списках Уфимских служилых людей, при пересчислении шляхты, некоторые означены так: Мстиславец, Витебец, Оршанин – значит уроженцы Гг. Мстислава, Витебска, Орши; но под большинство имён и фамилий не сделано этих подразделений. В ризнице Уфимского кафедрального Воскресенского собора хранится даже, неизвестно по какому случаю попавший в крайний город Уфу, антиминос церкви Успения Богородицы Свято-духова Буйницкого мужеского монастыря, ныне Могилёвской губернии, освящённый в 1637 году Сильвестром Косовым, епископом Могилёвским, Витебским, Мстиславским и Оршанским, что в последствии был Митрополит Киевский и современник Богдана Хмельницкого. Описание этого антиминоса напечатано в № 33 Уфимских ведомостей за 1865 год; антиминос бросает тень на занесение его сюда в Уфу, на близость соотношений, в силу выселения крайнего города с Литовскою Русью...

И так ничего – и ничего прямого нет о Смоленских выселенцах, во всей этой коллекции свитков и книг в архиве Уфимской Гражданской Палаты. Кто именно поручится, что если в Уфе и существовал храм Смоленской Божией Матери, содержащий в себе хотя и бесспорную копию с чудотворного образа, то он непременно построен Смольянами. Разве, не будучи жителем Киева, Москвы, Воронежа, нельзя основать храма в честь Киевских и Московских святых или свят. Митрофана Воронежского чудотворца? Кажется тут сила в вере, а не в родине; в силу веры кто же мешают, если есть возможность, иметь копии с чтимой Святыни; Икона же Божией Матери Смоленской равно чествуется православным народом, в Великой, Малой России, в Литовской Руси. Имена создателей в Уфе Смоленского собора не известны, а что это были Смоленские дворяне, то это одно предание, внесённое в так называемый Уфимский хронограф или ле-

топищец, напечатанный в № 20 Оренбургских ведомостей за 1852 год, а верить этому хронографу нужно с крайнею осторожностью.

Нельзя отрицать однако древности построения Смоленского собора, и что, как говорит хронограф, в XVIII веке при какой-то переделке алтарной стены найдены два антиминса начала XVI века, которые и отосланы в Казанскую Духовную Консисторию. Любопытно бы знать – кому они принадлежат: Смоленскому собору, или прежней церкви Казанской Божией матери? На антиминсах, по уставу православной церкви пишутся всегда год и число, имя царствующего Государя и, освящавшего антиминс архиерея, вместе с тем: для какой именно церкви выдан антиминс, в какое имя эта церковь сооружена, следовательно антиминс в истории церкви факт не маловажный. Правда антиминсы часто меняются, меняются по повреждению их сыростью, от надорвания и т. д., но всё таки из обозначения года можно видеть в каких годах существовала церковь, а и этого часто достаточно, потому и любопытно бы видеть антиминсы, найденные в стене Смоленского собора, о времени основания которого имеем только предания, а не положительные факты.

Но, не имея сведений о времени и строителях Уфимского Смоленского собора, мы не сомневаемся в его бесспорной древности.

Смоленский Богородицкий собор в г. Уфе, был храмом почётным и кладбищем людей почётных, воевод и проч. Усердный к благолепию храмов, царь Алексей Михайлович пожертвовал Уфимскому Смоленскому собору серебряный вызолоченный крест, хранящийся теперь уже в новом Уфимском Воскресенском соборе, куда перенесена более замечательная и ценная утварь, из Смоленского собора. Крест этот – деревянный, обложенный серебрянным позолоченным окладом с 15 разноцветными камнями в гнёздах; на верхней части задней стороны креста вычеканена надпись: «лета 7170/1666 году Марта в день 30 построен сей животворящей крест на Уфу всоборную и апостольскую церковь казною великаго Государя на просвящение и утверждение христианскому народу». Монограммы на кресте: 1. Н. Ц. І. Цръ слав. Ис. Хрт.; пред распятым спасителем; сделанным рельефно, таковые же рельефные изображения Божией Матери и св. Иоанна Богослова и двух парящих херувимов. Другой крест напрестольный и воздвизальный, длиною $\frac{1}{2}$ аршина серебрянный вызолоченный, тоже принадлежавший Смоленскому, теперь принадлежит Воскресенскому Уфимскому собору; это дар Казанского митрополита Маркела, управлявшего Казан-

скою митрополиею с 1691 по 1698 год¹, обновлённый потом преосвященным Амвросием по фамилии Келембет, первым Епархиальным Епископом в Уфе, по открытии здесь особой епархии, в 1799 году. В этом кресте, как видно из подписей, хранятся частицы св. мощей: свят. первомученика Архидиакона Стефана, свят. Иоанна Предтечи, св. Иоанна Милостивого, патриарха константинопольского, свят. мученика Евстафия, Плакиды, Прокопия, Ипатия, Пантелеймона-целителя, (врача) и Меркурия, свят. Никиты Епископа медиоланского, свят. Гурия Архиепископа Казанского, свят. Варионофия Епископа Тверского, свят. Иоанна Архиепископа Новгородского, преподобного Сергия Радонежского и свят. Великомученицы Варвары. На подножии этого креста вычеканено: «лета 7202/1696 месяца Декабря 2 построися сей животворящей крест господень чудотворными мощами и посла во град Уфу, всоборную церковь Богородицы Смоленския на общее просвещение всех православных христиан, живущих тамо Смиренный Маркел Митрополит Казанский и Свияжский и рода поминоения души своея родителей своих поновлен 7334/1802 года Амвросием епископом Оренбургским и Уфимским». – Эти дары Царя и Митрополита лучше всего доказывают их уважение и благоговение к Святыне Уфимской, её первопрестольному храму.

В Уфимской церкви свят. Пророка Илии хранится Евангелие Московской печати 1687 года, по листам которого сделана скорописью XVII века надпись: «влето 7199/1693 сию книгу двал на Уфе вцерковь святаго пророка Илии, а подписи Евстафии протопоп Уфимский». Так настоятели Смоленского собора назывались протопопами Уфимскими, протопопами всего города Уфы. Мы не можем не привести здесь всех этих надписей; они теже летописи, теже акты, как и вообще все надписи, имеющие характер исторический; часто в этих надписях, на каких бы предметах они не были, открывается то, чего нет ни в каких письменных актах.

В Уфимском летописце или хронографе находим известия, то к каменному собору Смоленской Божией матери в XVII веке сделаны были пристройки, в которых помещались два небольших придела: один, во имя свят. Апосто. Петра и Павла, основанный в 1679 году дворянами Артемьевыми и другой – свят. Николая чудотворца, построенный в 1685 году посадским Курятниковым. До этих пристроек, сделанных с западной стороны собора, Смоленский собор был очень небольшой, крестообразно построенный храм с трочастным алтарём, как во всех древних

¹ Истор. Рос. Иер. ч. 1 стр. 99 – прим. Р.Г. Игнатьева.

церквах; окна были высокие и узкие в виде амбразур; крыша и все пять глав (что помнят и старожилы) были черепичные, вообще архитектура собора – тип древний Византийской, каковых не мало в России; стены Смоленского собора из кирпича, дикого и белого камня. – К сожалению неизвестно имя мастера, строившего собор; он конечно был пришлец сюда из внутренней России, может быть Москвич, потому что бывший Смоленский собор напоминает собою многие Московские храмы до-Петровских времён. – Колокольня Смоленского собора была особо, там – где и теперь; под колокольной был *застенок*, куда сажали важных колодников; бывали в застенке по словам старожилов и пытки, даже во времена пугачёвщины «чинимы были жестокие пытки», говорит Уфимский летописец; но о застенке – после.

Смоленский собор находился среди бывшего кремля или детинца; близ собора жили воеводы, помещалась воеводская канцелярия, тюрьма; жили многие люди почётные; близ кремля был рынок, в кремле же близ Смоленского собора под горою была древняя деревянная церковь свят. Троицы и приделами свят. Николая чудотворца и Псковской Божией Матери и другая деревянная церковь Воздвижения креста. Троицкая церковь сгорела от молнии в 1797 г., как говорит в своих записках собиратель Уфимских преданий, Г. Ребеллинский, а Казанская церковь, существовавшая на месте Смоленского собора, сгорела тоже от молнии в 1579 году вместе с одной из деревянных башен Уфимского кремля, частью полисада и воеводской канцелярии и вот уже тогда то, по словам Г. Ребеллинского, Смоленская шляхта т. е. дворяне основали Смоленский собор¹.

Церковь свят. Троицы, во имя которой после переименован Смоленский собор, сделавшись приходскою, пользовалась тоже царскою милостынею, которою не была оставляема древняя Уфа. В архиве Уфимской Гражданской Палаты есть на столбце (по описи № 866) челобитная троицкого попа Иванища 1684 года, о даче ему из Государевых хлебных запасов государём жалованной руги по 6 четвертей жита, как получал и отец его из великого Государя хлебной казны, поп Степанище. – Приводя этот документ, полагаем, если милость царская была оказана Троицкой церкви, то вероятно ещё более было таких милостей Смоленскому собору, куда царь Алексей Михайлович, как мы видели, пожаловал крест, устроенный собственною его казною; но факты потеряны, как потеряны даже весь архив Смоленского собора, в частые пожары деревянного города Уфы. – Жаль: с историею

¹ Оренб. Губ. Вед. 1864 № 14. Статья Г. Сомова «Описание Уфы» – прим. Р.Г. Игнатьева.

Смоленского собора связана история Уфы, древнего города на Руси, возникшего ещё в XVI веке. Но за истреблением архивов и теперь ещё на долю нашу осталось что сказать о древнем соборе, о связи истории его с историей древнего русского города Уфы, основанного среди башкирии, отторгнутой русскою силою от царства Казанского.

Да: история Смоленского собора – История Уфы.

На кладбище его покоится знаменитый дипломат, думный дьяк царей Феодора Иоановича и Бориса Годунова, потом Великий Секретарь и подскарбий (государственный казначей) во времена Лжедмитрия, Афонасий Иванович Власьев, посланный тотчас же по воцарении Шуйского, в опалу, на воеводство в Уфу. В то время т. е. в 1606 году, как объясняет Никоновская Летопись, (вот её подлинные слова) «царь же Василий (Шуйский) вскоре по воцарении своём, не помня своего обещания, начал мстить людям, *которые ему грубиша*, бояр и думных дьяков и стольников и дворян многих разосла по городам по службам, а у иных у многих поместья поотнима».

Афонасий¹ Иванович Власьев, дьяк царя Феодора, думный дьяк Царя Бориса и великий секретарь и подскарбий (казначей) преемника Царя Бориса, принадлежит истории: дипломатические сношения с Австриею, Германиею, Швециею, Даниею и Польшею ведены Власьевым всегда и везде к славе России и её Царя, Власьев стал любимцем так называемого лжедмитрия, даже представлял его в своём лице в Кракове, где в присутствии Сигизмунда III вместо Царя Димитрия обручался с Мариною Мнишек. – За всё это при Шуйском обвиняли Власьева, что он служит усердно самозванцу. Власьев, вероятно, был «из числа грубивших» боярину Шуйскому, в котором не мог предполагать будущего самодержца, и бывший боярин, забывший своё обе-

¹ Здесь начинается продолжение статьи в № 19 за 7 мая 1866 г., где Р.Г. Игнатъев обратился к читателям газеты. «Автор статьи обращается к просвещённому содействию лиц, которым что либо известно о древнем Уфимском соборе, так как с ним соединена местная история, а потому просит, и с большою благодарностию примет, следующего рода сведения: 1) всякого рода грамоты, акты письменные, 2) сведения о лицах, погребённых при бывшем соборе; 3) о вкладыях и кем и когда они были делаемы. Таковых сведений ни в архиве бывшего собора и нигде в Уфе нет; но могут быть в собраниях частных лиц давнишних Уфимских жителей или им могут быть известны устные предания.

Подобного рода сведения и акты Г. Игнатъев просит сообщить ему, адресуя в Уфимский Губернский Статистический Комитет. – Таковые сведения дополняют настоящее описание старого собора для будущего издания его в трудах Статистического Комитета. – Фамилия лица, которое сообщит сведения, будет напечатано, если это будет угодно ему. Р.И.

щания – не мстить, тотчас же послал Власьева воеводствовать в Уфу, в первые же дни своего царствования, когда он Шуйский, или Царь Василий Иоаннович, клялся не мстить за старое, бывшим сослуживцам. В первые дни царствования Шуйского, ещё Власьев не доехал до Уфы, а имя его уже было укоризненно, «вы верили злодею Власьеву» говорили в Москве бояре послам Сигизмунда III, «а что вам говорил Власьев, была воля лжецаря»¹. С удалением Власьева в Уфу – имя его без следа теряется для истории.

След Власьева отыскивается – он умер в Уфе, древний Смоленский собор принял прах великого русского дипломата.

Помянник или диптик собора, списан в XVIII веке с древнего синодика, диптика или помянника, ныне принадлежащего Оренбургскому жителю, мещанину Ивану Казанцеву, дед которого был родом уфимец, по профессии же художник, писавший иконы и полтипажи для помянников и самые помянники, как человек сильный в церковной грамоте, умеющий писать уставом и полууставом и т. д. Помянник Г. Казанцева писан в полулист на синей бумаге; в нём много разных приличных священных изображений, имён царей, цариц, Великих Княгинь и Казанских архиереев, читаем: «раб Божиих zde лежащих, род Уфимского воеводы Афонасия Ивановича Власьева *зде лежащего*, иноков Варсонофия, Иоанна, Афонасия, Павла, Иоанна, Захария, Анны, Вассы, Елисаветы и Евфимии». Далее уже о роде Власьева ничего нет, но между тем потомство Афонасия Ивановича сделались Уфимскими помещиками и служащими людьми, имена потомков великого секретаря и подскарбия можно видеть в тех, о которых мы прежде того говорили, списках дворян и в книге называемой *десятью*, что хранятся в архиве Уфимской Гражданской Палаты².

Последний из Власьевых был старый подъячий Уфимской приказной Палаты Семён Степанович Власов и в архиве Гражданской Палаты есть следственное дело на столбцах, произведённое им по челобитью дворян Аничковых 1687 года о чинимых обидах и взятках (по описи № 114). Но и сам Власьев кажется за взятки и злоупотребления в том же году сменён из старых подъячих, поместье от него отобрано по распоряжению приказа Казанского Дворца, из Казани же на место Власьева в

¹ Карам. т. XII прим. 15 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Власьевы – Захар Афанасьевич 1663 г., Семён, Степан, Василий Захаровичи (1663 по 1672 г.) считаются в числе дворян Уфимских и владеют помещьем в Уфимском уезде по 200 десятин, а денежного им жалованья 5 и 4 рублей в год Московских. Столбцы и книга по описи №№ 232, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 354, 1521 – прим. Р.Г. Игнатьева.

Уфу в старые подъячие прислан какой-то Абрам Протопопов (по описи №№ 1100, 1101). После этого в списках служилых людей последних лет XVII века не встречается более фамилия Власьевых. В актах Исторических издания Археографической Комиссии т. V под № 253 напечатана память Уфимского воеводы Леонтьева от 20 Мая 1696 года духовным закащикам или благочинным – Успенского Монастыря Игумену Вениамину и соборному (смоленскому) протопопу Евстафию о содержании под началом подъячего Петрушки Власова, а потом далее в самом акте везде называемого – Власьевым, за заклад на кружечном дворе шейного креста. Этот с-кругуспившийся подъячий, которого впрямь до указа, велено держать на покаянии и на цепи, – уж не был ли тоже потомок дипломата? Фамилия Власов, а потом Власьев в самом акте, изданном Археографическою Коммиссиею, не происходит ли от ошибки писца Уфимской приказной Палаты и от недосмотра дьяка?

В том самом диптихе или помяннике Смоленского собора записаны в вечный помин Цари от Иоанна Грозного до Императрицы Анны, царицы же и Великие княжны от 1 супруги Царя Алексея Михайловича Марьи Ильинишны до дочерей царя Иоанна Алексеевича и царицы Парасковьи Феодоровны, Цесаревны Парасковьи Иоановны и Екатерины Иоановны, Герцогини Мекленбургской.

После царственных имён следуют Патриархи российские, Архиепископы и Митрополиты Казанские от первого Архиепископа Св. Гурия, скончавшегося в 1564 году до Митрополита Тихона, скончавшегося в 1724 году. – Преемник Тихона – Сильвестр сослан при Императрице Анне в 1731 году¹ и по этому не попал в синодик; но не вписаны сюда и следующие после сильвестра – Иларион, Гавриил и Лука – уже не Митрополиты, а Архиепископы Казанские; последний умер в 1755 году в царствование Елизаветы, во времена которой кажется и писан помянник Смоленского собора, так как нигде не упоминается имя Елисаветы. – В том же помяннике записаны роды Митрополита Казанского Маркела; князей Нераковых; дворян: Артемьевых, Ахаметевых, Пекарских, Приклонских, Табаевых, Леонтьевых, Лопатиных, Кашкиных, Аничковых, Вязмитиновых и Тарбеевых; роды купцов Котовых, Курятниковых, Саржиных; роды протоиереев, священников и чтецов Смоленского собора, с отметкою «зде лежащих» перед некоторыми именами; но нигде нет нислова о храмоздателях.

Смоленский собор, как выражались наши предки, весь

¹ Истор. Росс. Иер. Т. 1 стр. – 98, 99 – прим. Р.Г. Игнатьева.

стоит на костях почивших. В пугачёвщину 1774 года, во время осады Уфы известным Чикою, кладбище собора было, как говорят, единственным тогда в осаждённом городе¹; кладбища при городских церквях уже были 3 года тому назад воспрещены по именному повелению Екатерины II от 24 Декабря 1771 года. После Пугачёвщины, когда окончательно не стали хоронить покойников в черте города уже в 1797 году вся Уфа заговорила, что по ночам в тёплом соборе т. е. пристройке, где были приделы во имя Апостол Петра и Павла и свят. Николая, видится огонь, но не похожий на обыкновенный, происходящий от свечей, а как будто бы от постоянной молнии. Было много свидетелей: местное начальство вынуждено было донести кому следует, между тем – самое обстоятельство предварительно поручено было исследовать людям благоразумным и опытным. Оказалось, что изстари здесь погребено много знатных лиц, и что сверх того тёплая пристройка к настоящему собору сделана чрез сто лет после его построения и на месте, где было кладбище, а по этому свет был ничто иное, как фосфорическое испарение, происходящее от мёртвых тел. Таковым выводом удовольствовался весь город; шум и толки, а вместе с ними и молниеподобный свет прекратились².

Остатки кладбища и теперь заметны по сохранившимся остаткам могильных памятников около бывшего собора или нынешней церкви св. Троицы; но говорят внутри церкви было много плит в стенах и на полу с надписями, а как все признаки кладбищ при городских церквях старались уничтожить, то уничтожены и те могильные памятники, которые были внутри и снаружи Смоленского собора, старых же диптиков или помятников в церковном архиве нет; нет никаких письменных сведений и мы напрасно бы искали имён здесь погребённых и самую замечательную из всех могил древнего Уфимского собора – могилу Афонасия Ивановича Власьева.

В церковном архиве есть диптик, но он принадлежит сгоревшей церкви свят. Троицы, а не Смоленскому собору; на нём даже выставлен год, когда он писан – именно 1796 год. Здесь имена царственных особ идут от Грозного до Анны Иоановны, потом следуют Архиепископы и Митрополиты Казанские и епископы Вятские. – Эти все имена писаны славянскими с киноварью буквами, но к царственным именам сделана приписка скорописью: «бывшаго Императора Петра Феодоровича». – Любо-

¹ Оренб. Губ. вед. 1864 описание г. Уфы Сомова – прим. Р.Г. Игнатъева.

² Оренб. Губ. вед. 1864 г. № 15 Описание г. Уфы Сомова – прим. Р.Г. Игнатъева.

пытно бы знать: когда эта приписка сделана – в Пугачёвщину ли, как мера благоразумная для уверения народа в истинной смерти Императора Петра III и в самозванстве Пугачёва, или же сделана она именно в 1796 году или позднее в царствование Павла I, когда последовало перенесение праха Петра III из Невской Лавры в Петропавловский собор, когда царствовавший Император везде отыскивал щедро награждал усердных слуг Петра III?

Далее в диптике Троицкой церкви 1796 года ничего нет, а между тем история её по присоединению самой церкви теперь к бывшему собору, тесно связана с последним; но диптик Троицкой церкви решительно ничего не говорит ни о храмосоздателях, ни о вкладчиках, а при Троицкой церкви, как вообще при всех городских церквях, было своё кладбище, и, как говорят, оно находилось у самого берега р. Белой, несколько пониже моста, где ещё старожилы помнят деревянную часовню, теперь давно несуществующую и неизвестно когда и кем построенную; но как ещё недавно открываемы были могилы и попадались человеческие кости, то и предполагают, что часовня была на кладбище бывшей Троицкой церкви.

Смоленский собор находился внутри деревянного детинца; любопытно бы знать в подробности о всех постройках, находившихся в детинце; но к полному сожалению ничего об этом нет в архивах Уфимских; пожары, может быть, истребили много интересного для местной старины. – Удивительно ещё, как сохранилось столько древних столбцов, хранящихся теперь в архиве Гражданской Палаты? Детинец сгорел в 1759 году от грозы, в Смоленском соборе сгорели крыши (вероятно деревянные, потом заменённые черепицею) и иконостасы, уцелели или спасены копия с чудотворного образа Смоленской Божией матери и старинные царские двери, вырезанные из цельной дубовой доски.

Мы говорили уже, что история Смоленского собора есть история самого города Уфы, так как везде в истории всякой русской области, в силу вековых религиозных начал, принимает первое участие первопрестольный храм города и его области. С крестом и молитвою начинается Русь свои перевороты, дни событий, торжеств и воспоминаний.

История первоначальной Уфы – остаётся неизвестною, знаем только что она отражала набеги хищных соседей, помогала окончательному покорению царства Сибирского, и что Уфимские служилые люди ходили далеко в сибирь сражаться с детьми

последнего её Царя Кучума¹. Неизвестно – какое принимала участие Уфа во дни смутного времени, когда здесь воеводствовал, во всяком случае враг Шуйского, Афонасий Власьев; осталось ли верна царю Василию, а потом временному правительству, или, как многие города, сделалась федеративною? Это временное как бы воспоминание удельной Руси, немедленно у нас везде исчезло с избранием всею русскою землёю Царя Михаила Феодоровича из боярского рода Романовых.

Во времена Царя Алексея Михайловича закипел известный в здешнем крае Сеитовский бунт, возстал в 1677 году поголовно башкирский народ против злоупотреблений и притеснений воевод и чиновников, предводимый старшиною Сеитом. Всё русское население было в страхе, ждали помощи из Казани и Москвы, из Москвы шло уже войско с воеводою Зелениным. Башкиры жгли русские селения, грабили и вырезывали жителей и уже подходили к селу Богородскому в 18 верстах от г. Уфы. В этом селении хранилась икона Казанской Божией Матери, по одному преданию явленная в лесу близ села, где теперь колодезь, по другому точная копия с находящейся в г. Казани, и жители села Богородского положили обет: если селение и они сами избегнут опасности, то отнести икону в г. Уфу в Смоленский собор, с тем однакоже, чтобы каждый год в день праздника явления иконы Казанской Божией Матери 8 Июля, приносить её к себе в село, что и исполняется поныне ежегодно.

История Оренбургского края и его Уфимской провинции в XVII и XVIII веке самая кровавая. Эти безпрестанные возстания извечных обитателей – башкир, набеги киргиз, – всё это представляется на каждом шагу.

В 1772 году возстали яицкие или уральские казаки и возстали калмыки, кочующие по берегам урала, начинали волноваться башкиры, соседи Уфы. – Возстание угрожало временами Сеита и временем построения г. Оренбурга 1739–1740 г., когда возсталась вся башкирия. – Причины этих возстаний – тот же недостаток: злоупотребления тогдашней администрации, деспотизм и корыстолюбие тогдашних воевод и их помощников; чисто Бироновское правление казаками и калмыками военной коллегии, управляемой Графом Захаром Чернышёвым.

Уфа трепетала – в это время опять является древний её Смоленский собор.

¹ Рычков Оренб. том. т. 1 стр. 88–89. Сибир. История Миллера стр. 318, 323. Уфимские дворяне при Царе Алексее Михайловиче принимали участие в войнах в Польшею, а в правление царевны Софьи Алексеевны в крымских походах (Дела в столбцах Граж. Палаты по описи 178 года №№ 799 и 802) – прим. Р.Г. Игнатьева.

В марте 1771 г. в сводах тёплого собора стал слышаться колокольный звон или гул подобный звону; гул начинался от сводов настоящего Смоленского собора и, проходя по своду, оканчивался в приделе св. Николая чудотворца; но потом снова начинался. Гул слышался более во время заутрени, во время чтения шестопсалмия (слава в вышних Богу) и так громко, что заглушал чтеца. Чем ближе приходило время к лету, тем чаще звон возобновлялся и громче слышался. – Как уверяют нас Уфимский летописец и неизданные ещё записки Г. Ребеллинского, свидетелем этого явления был (будтобы) целый город. Немедленно донесли Вятскому Епископу Лаврентию и Губернатору Рейнсдорфу; последний прислал из Оренбурга архитектора. – Архитектор нашёл, что звон происходил от креста, слабо утверждённого в главе, выходящей из свода, и что крест, будучи колеблем ветром, производит звук, подобный звону. По указанию архитектора сняли крест, разобрали главу и донесли архиерею и Губернатору, что именно крест, упиравшись на связи нижним своим концом, производил этот звон. Глава сложена была после этого по прежнему и тот же крест утверждён в главе, с предосторожностью, чтобы он никак не касался связей. Не смотря на всё это, звон продолжился до Октября 1774 г., когда Чика осадил г. Уфу; звон был как бы предзнаменованием Пугачёвщины¹.

Замечательно здесь настроение тогдашнего города, стоявшего, что называется, лицом к лицу перед гибелью; это настроение умов – самое суеверно-религиозное – повторилось в пугачёвщину. – Осаждённые с Октября по 25 Марта, Уфимцы видели много сверхъестественного: то ангел на флюгере церкви Благовещения (ныне сломанной или перенесённой куда-то), как рассказывают, стоял неподвижно лицом к селу Чесноковке, откуда шла на город грозная пугачёвская сила, то на главе старинной деревянной церкви св. Пророка Илии виден был стоящим сам св. Илия, в виде мужа весьма старого, сединами убелённого.

В эту осаду г. Уфы сообщником Пугачёва Чикою-Зарубиным, принявшим себе прозвище, для тогдашнего казака непопулярное – граф Чернышёв, весь город соединился как бы в одну добрую семью в старом детинце, вокруг Смоленского собора. Была ли то вновь возведённая крепостца, состоявшая из вала и деревянного тына, или возобновлены были старые укрепления города после пожара 1759 года – остаётся неизвестным? Гарнизон города состоял из 1 роты, называемой штатскою, роты

¹ Однакож происхождение звона остаётся ещё для исторической критики задачей, решение которой предстоит будущему историку г. Уфы. Ред. – прим. редакции газеты.

инвалидов, 20 артиллеристов и 200 казаков. Начальствовали: воевода Борисов, комендант Мясоедов, Майор Пекарский, набравший особую роту из дворян, явившихся из окрестностей Уфы, капитан Пастухов и молодой купец Иван Игнатьевич Дюков. – В городе было 40 пушек разного калибра, у неприятеля же было только 14 и этим всё выиграл город против неприятеля, у которого было мало даже ружьёв. – Нестройные толпы сволочи Чики-Зарубина и другого предводителя пугачёвцев – бывшего Уфимского казака Губанова, за неимением оружия огнестрельного, вооружены были только копьями, саблями, топорами и кольями; но вся эта плоховооружённая толпа превышала 20 т. ч. – Осада началась с 1 Октября; Чика и Губанов, окружив город с 2 сторон, ждали, когда встанет р. Белая, а сами вели переговоры с Борисовым и Мясоедовым, обещавшими сдать город, между тем, выигрывая время, воевода и комендант энергически готовились к обороне. – В разных пунктах города устроены батареи, в том числе одна подвижная из 4 орудий перед Смоленским собором, где днём и ночью не прерывалось моление осаждённых пред иконою Смоленской Божией матери. – Р. Белая встала 18 Октября, а 22-го в праздник Казанской Божией матери Чика и Губанов сделали первый приступ и были отбиты. Весь тот день с раннего утра до вечера соборный протоиерей Иаков Неверов с городским духовенством при колокольном звоне обходил крестным ходом, с преднесением икон Смоленской и Казанской Божией Матери все городские улицы, заходил в церкви и везде совершал молебствие. Вечером, заметив утомление неприятеля, сами сделали вылазку, обратили в бегство толпы Чики-Зарубина, убили 24 чел., взяли в плен 13 человек и захватили 4 пушки. Победители встречены воеводою и комендантом и при радостных криках народа вступили в Смоленский собор, где отправлено было благодарственное молебствие. При соборе же тогда и во всё время осады с честью похоронены убитые на приступах и вылазках.

Чика и Губанов решились на 2 приступ 21 Ноября, в праздник Введения во Храм Богородицы; утро было холодное, Чика начал обстреливать город из единорогов с берега р. Белой, а Губанов появился со стороны села Богородского, стал на Северовосточном возвышении перед городом, но ничего однакож далее не предпринимал. – Воевода и комендант велели ему сказать, что если город будет взят, то они сейчас повесят его жену и детей, арестованных тогда в Уфе в их собственном доме. Чика вероятно ждал Губанова и до сумерек только стрелял по городу, не сделав ему никакого вреда; сторел только от его выстрелов один дом какого-то отставного солдата. Вечером как стало тем-

но защитники Уфы перешли р. Белую, напали на Чику, прогнали и взяли в плен 40 ч., потом обратились против Губанова и взяли в плен 15 ч. Ночью уже за вторичную удачу отслужен благодарственный молебен в Смоленском соборе.

Тюрьма была наполнена захваченными мятежниками: для важнейших или более важных был *застенок* в соборной колокольне, помещающейся, и тогда, и теперь отдельно от собора, и, как говорит Уфимский летописец, – производимы были *жестокие* пытки¹.

Защитники Уфы уже терпели голод, дороговизна была страшная, даже и сено добывалось не иначе как с опасностью жизни; сено лежало в стогах за р. Белою, а это место было занято Чикою. – За сеном отправлялись вооружёнными и под прикрытием. Так однажды отправились за Белую несколько горожан, в том числе священник Троицкой церкви Илья Унявицкий и были захвачены в плен и приведены к Чике; Чика отпустил их домой, с тем, чтобы они, особенно священник, склонили начальство и народ к сдаче города, в противном же случае Чика угрожал казнь священнику и прочим, если он возьмёт город силою. Когда возвратились пленные в Уфу – их арестовали, допрашивали и едва отпустили под надзор Майора Пекарского. Воевода и Комендант не знали, что делать с колодниками при наступившем голоде, решили наконец оставить некоторых для осадных работ, а прочих утопить в р. Белой в *тайной тюрьме*, т. е. избе, поставленной на льду над прорубью, так что кто входил в двери, тот прямо упал в воду².

Чика-Зарубин и Губанов, на этот раз забывший угрозы Уфимского Начальства и гибель семьи, 25 Января 1774 г. повели свои толпы на приступ – Чика уже вломился в город, в Смоленском соборе ударили в набат и вместе с тем началось молебствие о спасении города. Но и этот третий приступ был отбит. – Губанов и Чика бежали, потеряв много убитых, в плен взято при этом 45 чел. – Защитники Уфы потеряли только 18 человек. Сражение кончилось ночью; ночью же в Смоленском соборе отправлен третий благодарственный молебен, за благополучный исход третьего уже приступа. На другой день убитые в бою торжественно преданы земле на соборном кладбище.

Было со стороны Чики и Губанова сделано ещё несколько неудачных нападений на город. в конце Февраля наступила распутица; Чика и Губанов бездействовали; толпы их уже терпели голод и болезни; в Уфе истощались съестные припасы. – Солдаты

¹ Оренб. Губ. Вед. № 20 1852 г. – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Оренб. Губ. Вед. 1864 г. № 51 – прим. Р.Г. Игнатьева.

получали только половину пайка, лошадей кормили пополам с древесными листьями, а помощи ниоткуда не было. – Оренбургский Губернатор сам сидел в осаде, хотели было Уфимцы прибегнуть к отчаянному средству идти против Чики и Губанова, отнять запасённый будтобы ими хлеб – или уж погибнуть.

Наконец для долготерпевшей, и как бы всеми забытой, Уфы настал день спасения – это было 25 Марта, день праздника Благовещения Богородицы: Чика и Губанов бежали разбитые отрядом Полковника Михельсона.

Теперь спасённая Уфа снова молебствовала в своём древнем соборе; и как кстати для неё была тогда торжественная песнь Благовещения: «благовестуй земля радость велию!»¹

Но избавление Уфы ещё не конец пугачёвщины; ещё несколько месяцев, как известно, продолжалось это страшное время; немогла совершенно быть спокойна Уфа. Пугачёв, отражённый от Оренбурга, соединился с Чикою и Губановым, возмутил уральские горные заводы и башкир; слышно было, что и киргизы сочувствуют пугачёвщине.

Наконец Пугачёв пойман, скопища его рассеяны; сам донской казак Емельян Иванов Пугачёв, возмутивший народ именем Петра III, и главные из его сообщников казнены в Москве 5 Января 1775 года. При казни находились Чика и Губанов, которых тотчас же после совершения казни над пугачёвым отправили на ямских подводах за сильным конвоем в Уфу, для совершения над ними таковой же смертной казни – четвертованием², а тела Чики и Губанова велено сжечь вместе с эшафотом. – В Уфу их везли с поспешностью день и ночь.

В Уфе Чикю и Губанова заключили в застенок в колокольне Смоленского собора; были ли здесь новые допросы и пытки – неизвестно; но из этого застенка 16 Февраля 1775 года, окружённые солдатами и драгунами, одетые в саванах, с горящими свечьюми в руках, в сопровождении одного из соборных священников, выведены были на казнь, когда-то страшные Уфе, Чика-Зарубин и Губанов³. На берегу р. Белой, в виду Смоленского собора устроен был эшафот, обложенный смолой, разными горючими веществами и хворостом. – Палачи разнесли по кольям разрозненные члены преступников – руки, ноги и головы; трупы сожгли вместе с эшафотом, а пепел развеяли по ветру.

Долго ещё, как говорит предание, на берегу р. Белой, в виду Смоленского собора, стояли колья с остатками Чики и Губанова.

¹ Канон Благовещ. Б. М. Ирмос песнь 9 – прим. Р.Г. Игнатъева.

² История бунт. Пугачёв. Пушкин. Ч. 1. стр. 318 – прим. Р.Г. Игнатъева.

³ Оренб. Губ. Вед. 1852 г. № 20. Уфимский летописец – прим. Р.Г. Игнатъева.

В Уфе осталось ещё предание о многих казнях, совершённых после того над многими из участников пугачёвского бунта. – В Уфе по распоряжению местных властей повешено несколько десятков казаков, крестьян, мещан, дворовых людей и башкир. По преданию же (не знаем как оно достоверно, но не можем и умолчать о нём) преступники умирали с полным равнодушным отуплением.

Миновалась кровавая пугачёвщина, теперь уже в здешних местах год от году становится она сказкой народной. Степан Разин и Емельян Пугач сделались как бы мифами народными – не более того.

Екатерина II давала России новые порядки, новый суд и администрацию. – Она видела благо народное в учреждении Наместничества. Бывшая тогда Оренбургская губерния была в 1784 году переименована в Уфимское наместничество; город Уфа сначала пригород Казанский, а потом в конце царствования Императрицы Анны с учреждения Оренбургской губернии – провинциальный город этой губернии, теперь стал главным городом, центром Управления. В состав Уфимского наместничества вошли города нынешних Оренбургской, Самарской и Уфимской губерний: Бирск, Мензелинск, Стерлитамак, Белебей, Бугуруслан, Бугульма, Бузулук, Сергиевск, Оренбург, Челябин, Троицк и Верхнеуральск; все они, кроме Оренбурга и Бирска, были до того времени или крепости или просто сёла. Первым Уфимским наместником и вместе с тем Генерал-Губернатором Уфимским и Самарским был назначен Генерал-Поручик Иван Варфоломеевич Якоби.

Торжество открытия наместничества происходило в Смоленском соборе, где по этому случаю священнодействовал Преосвященный Лаврентий Епископ Вятский. После божественной литургии, сказано было этим архипастырем приличное торжеству слово, за тем читан Высочайший указ об открытии наместничества, отправлено молебствие и в заключение приведены все чиновники к присяге. День открытия наместничества окончился воинским парадом, для чего вызваны были войска из Оренбурга.

В царствование Павла I наместничества уничтожены, и Уфимское в 1797 году вновь названо Оренбургскою Губернией, а г. Оренбург Губернским, куда из Уфы, уже ставшей только уездным городом, переведены были присутственные места; но взамен того в 1799 г., когда учреждена была Епархия под именем Оренбургской и Уфимской, местопребыванием епархиального архиерея назначен город Уфа, а не Оренбург; Смоленский собор стал архиерейскою кафедрой. В начале 1800 года прибыл в Уфу первый Епископ Амвросий Келембет, а чрез 2 года Импе-

ратор Александр I возвёл Уфу на степень Губернского города; сюда снова перевезены были из Оренбурга Губернские Присутственные места.

Преемником Амвросия был Епископ Августин Виноградский, архимандрит Новгородского Антоньева Монастыря, и Уфимский летописец рассказывает о приезде этого архиерея в Уфу, в 1809 году, следующее. Весь город знал о времени приезда Августина и все ждали его в Смоленском соборе; но Преосвященный прямо с дороги, ни куда не заезжая, приехал в церковь св. Спаса на Казанской улице, где облачившись, совершил крестный ход в Смоленский собор и там уже служил и приветствовал паству. Преосвященный Августин оставил по себе память в Уфе, как юрист и как аскет в высшей степени; он ходил в ветхих крашеных рясах, ездил в простой кибитке с рогоженным верхом, вёл жизнь суровую, постническую.

В это время, Смоленский собор, сохранял весь свой первобытный вид. – Это была не большая пятиглавая церковь, с троечастным алтарём, тёмная внутри, так как свет проникал в узкие просветы в виде амбразур, заменявшие окна; иконостас главного храма Смоленской Божией матери напоминает и теперь во многом иконостас Московского Архангельского собора; кто знает, может быть строителем или мастером Уфимского храма был и Москвич, выселенец на окраину? Наружность настоящего Смоленского собора, кто видал старинные церкви в Москве, начиная с самих его кремлёвских соборов, совершенно сходствует с церквами старинной Московской постройки; взглянешь на Уфимский храм – и что-то как будтобы говорит об участии в создании его прирождённого Москвича. – Москвич-выселенец вольный или невольный – перенёс свой родной архитектурный стиль на чужбину.

Взглянешь на кресты всех пяти верхов, маковиц или глав настоящей церкви – и они Московские, с полумесяцами, чего нет ни в западных, ни Южных, ни Северных наших областях, а исключительно существуют в Москве и в местах околomosковных.

Видно рука Москвича водрузила на черепичных маковицах Уфимского собора эти кресты Московского образца, теперь уже вышедшего из употребления.

Кто знает – может быть не Литовско-русские люди, Смольяне или вернее Полоцкая шляхта, а прямо Москвичи-выселенцы, основали и строили Уфимский собор.

В 1816 году Уфа погорела, в Смоленском соборе сгорела деревянная крыша и повреждён иконостас; но собор снова каким-то чудом остался цел, тогда как кругом собора всё выгорело, дома, лавки. – Всё повреждённое пожаром было тотчас исправлено.

Но сам собор уже казался мал, не поместителен для увеличивавшегося города, тѣмен и беден. Уфа была главным городом обширнейшей богатой губернии, а всякий губернский город непременно имеет красивый и многопоместительный собор, украшается, гордится своим собором; одна Уфа не имела ничего подобного, а до древности, до исторических воспоминаний – кому какое дело... Кружок почитателей отечественной старины у нас ещё везде так незначителен.

Первоначальная Уфа времён царя Феодора, по словам Рычкова, состояла из 100 дворов¹, не знаем каков был город в XVII и даже в 1-й половине XVIII века и во времена Пугачёва, как велико было его население? Знаем одно, что в 1818 году, как видно из донесения Губернатора, уже было в Уфе более 10 т. д. обоего пола². Старый город занимал очень небольшое пространство, которое и теперь называется этим именем. – С увеличением числа жителей, город выдвинулся далее: проведено несколько новых улиц; город из мест гористых и обрывистых, какова так называемая старая Уфа, выдвинулся на равнину; украсился новыми казѣнными и частными постройками; присутственные места, торговые ряды, всё это перенесено в так называемую новую Уфу там же находился и архиерейский дом, обращѣнный из наместнического; значит – со времён Уфимского наместничества уже город стал распространяться. В новом городе не доставало церквей, все они были в старом городе. Поэтому естественно должна была возникать мысль об устройстве нового собора в новом городе.

Но мы говорили уже о бывшей вблизи Смоленского собора, сгоревшей от грозы, церкви св. Троицы, церкви древней, но о которой так у нас ещё мало фактов, особенно письменных, заключающихся в одной челобитной XVII века попа Ивана Стефанова, хранящейся в архиве Уфимской Гражданской Палаты³.

¹ Оренб. топогр. т. II стр. 87 – прим. Р.Г. Игнатъева.

² Дело в архиве Губ. Прав. по описи 729 – прим. Р.Г. Игнатъева.

³ Выписываем здесь эту челобитную: «Царю Государю Великому Князю Алексею Михайловичу всяя великия малыя И белыя росии самодержцу бѣёт челом нищий его великаго Государя богомолец, Уфимской святотроицкий поп Иванище Стефанов, впрошлых государь годех служил у той церкви Троицы живоначальной поп Стефан Иванов, тому Стефану давано было из твоей великаго государя казны ружное и денежное твоего великаго государя жалованье на год по три рубля, да хлеба житнаго по три четверти, потом же поп Стефан овдовел и постригся по благословению великаго господина преосвященнаго Лаврентия Митрополита Казанскаго посылу состоявшаго указа на Уфе у Троицы живоначальных велено служить мне твоему цареву Государеву богомольцу. Смилуйся Государь царь И великий Князь Алексей Михайлович всяя великия и малыя и белыя росии самодержец, пожалуй

Для постройки вновь каменной церкви св. Троицы с приделом Псковской Божией матери была собрана сумма и изготовлены материалы – кирпич и проч.; но материалы лежали и наконец в пожар 1816 года стали негодными к употреблению. Между прочим с проведением новых улиц или расширением города на новых местах, жители старого города переселялись в так называемый новый город, представляющий собой местность более удобную, – так и запустел бывший приход Троицкой церкви, прихожане, готовые к возобновлению церкви, после пожара 1816 года и Высочайше утверждённого в 1819¹ г. плана, стали строиться на новых местах. Преосвященный Августин, Епископ Оренбургский и Уфимский, который осматривал место бывшей Троицкой церкви и пожаром повреждённые приготовленные материалы, нашёл невозможным построение новой каменной церкви св. Троицы; собранные же деньги полагал употребить на поправление Смоленского собора или даже перестройку его. Но это предположение выполнил уже позднее этого, именно в 1823 г., Преосвященный Амвросий II, Епископ Оренбургский и Уфимский, который об исправлении или перестройке древнего собора советовался с Уфимскими жителями всех сословий, относительно того, чтобы на это употребить деньги, собранные для, предполагавшейся к постройке вновь, каменной церкви святой Троицы.

Решено было – перестроить древний собор².

(Уфимские губернские ведомости. 1866. 5, 19 марта, 7, 14 мая)

**№ 27. Закладка в г. Златоусте часовни в память
события 4 апреля
(Сообщено оттуда)**

Государь Император Александр Николаевич, будучи ещё Великим Князем и Наследником престола в 1837 году осчастливил своим посещением Г. Златоуст, называвшийся тогда ещё

меня твоего богомольца твоим великаго Государя жалованьем денежным и хлебным окладом который оклад был тому попу Стефану дан царь Государь смилуйся пожалуй!» Подлинник написан на столбце, а на обороте сделано рукоприкладство: «на сей челобитной Троицкой поп Иванище Степанов руку приложил».

¹ В газете 1849 – опечатка.

² Сведения эти заимствуем из хранящегося в архиве нынешнего Воскресенского собора указа Оренбургской Консистории на имя протоиерея и братии Смоленского собора от 9 Октября 1823 г. за № 2059 – прим. Р.Г. Игнатьева. Далее в газете было указано, что продолжение следует, но ни в 1866, ни в 1867 гг. окончания этой статьи Р.Г. Игнатьева не появилось.

железоделательным и оружейным заводом. Обозревая все достопримечательности и любуясь живописным нагорным местоположением завода, Государь Наследник, ныне благополучно Царствующий Император, сопровождаемый тысячами народа, вошёл на одну из гор, находящихся в самом заводе, называемую в простонародии «анбарной и бутолочной горою», с которой живописно открывается как бы вся панорама завода, нынешнего города. На самой вершине этой горы, на том месте где остановился Государь Наследник, поставлена была деревянная круглая, открытая беседка, в роде павильона. Беседка эта или павильон, за постановлением в ней иконы, в последствии обратилась в часовню, и сюда, в день праздника Преображения Господня, 6 Августа, вошло в обычай отправлять крестный ход из здешнего святотроицкого собора.

Памятно и незабвенно в народе посещение Златоуста Государем Наследником и оно стало ещё памятнее, когда тот самый, некогда высокий посетитель завода, незабвенным манифестом 8-го Марта 1861 года, с прекращением обязательных отношений горнозаводского населения к горным заводам, воззвал его на новую жизнь.

Когда до Г. Златоуста дошёл слух, о злодейском покушении на священную жизнь Царя-освободителя и о чудесном спасении обожаемого Монарха от руки злодея, тогда решено было увековечить событие спасения жизни Царя постановлением новой каменной часовни на том самом месте, где стоит в память Его посещения на вершине горы анбарной, – деревянный павильон. – Эту мысль взял на себя исполнить и исполнил на собственном иждивении здешний купец, занимающийся подрядами по каменным работам. Яков Агафонович Ершов, (заметим старообрядец поморского согласия), который с разрешения начальства, немедленно, по разборке прежнего павильона или часовни, приступил к делу.

В воскресенье 22 Мая, в день празднуемый св. православною церковью в честь *Всех святых*, после окончания божественной литургии в здешнем Троицком соборе, при стечении народа всех сословий, отправлен был крестный ход на место закладки; здесь отправлено было молебствие с водосвящением, по окончании которого священник Троицкого собора, О. Стефан Комаров, обратился к находящимся при богослужении речью, которую с дозволения самого О. Стефана выписываем здесь слово в слово.

«Господи благослови! Христолюбивые слушатели! Здесь, на месте царской беседки, имеет устроиться часовня усердием одного из жителей Златоустовских, в память чудного спасения

жизни нашего Государя от руки злодея, – и вот мы собрались теперь на этом месте для испрошения благословения Божия на это, начинающееся доброе и богоугодное дело. Да, благочестивые христиане, коварные замыслы тайных врагов нашего отечества рассеялись в прах по благословению Того, который управляет судьбами народов и ведёт Россию вперёд, не смотря на все преграды, делаемые завистью и злобою врагов на пути развития нашего отечества. Пистолетный выстрел, грозивший повергнуть Россию в смятения и бедствия, по благодати провидения, вызывает только из конца в конец России проявление того единодушия, которым силён русский народ в минуты общественной опасности. Это единодушие выражается в общих молитвах Всевышнему за спасение Царя, в общем всесословном заявлении царю радости о Его спасении, в безчисленных благотворениях и пожертвованиях на общеполезные и богоугодные дела.

Да, спасибо русское и тебе строитель этой часовни; ты, должно быть, тоже верноподданный и усердный сын нашего Царя-батюшки! Не смотря на то, что в душе принадлежишь к немощным сынам св. церкви, по приверженности от младых лет к старым обрядам, – ты своею любовью к Государю отцу нашего отечества высказался теперь не менее православных христиан! Что это значит? Значит, благочестивые христиане, что старые обряды не мешают тому, чтобы быть искренним сыном отечества. Старые обряды, подобно старому покрою одежды или платью не мешают быть усердным, истинным христианином, или иначе сказать, верным слугою, или иначе сказать, сыном по благодати и Царя небесного, еслибы старообрядцы состояли только в общении и любви со святою церковию, под руководством законных её пастырей, т. е. правильно, от законного Епископа поставленных... Да, благочестивые христиане, ведь и старообрядцы были бы христианами не хуже нас, может быть даже лучшими, примерными, еслибы только уверились, что их наставники и руководители не настоящие, не истинные пастыри, *а самопоставленные, неверные учителя*, а вследствие этой уверенности обратились бы к единой церкви православной... Ведь в самом деле не обрели дороги... Но довольно об этом – тяжело мне возмущать совесть старообрядцев и без того уже смущённых и неимущих покоя во внутренней храмине сердца своего, по причине сомнения в православной церкви! Восхвалим лучше ещё усердие строителя сей часовни и другого благотворителя, изъявившего желание на свой счёт поставить здесь икону святого благоверного князя Александра Невского. Дай Господи вам за усердие ваше всего доброго и по-

лезного в жизни! Видно, что у вас сердца не чѣрствыые, не каменные, а чувствительные и мягкие, каковыы, значит, способны на добрыые и богоугодныые дела и любовь и общение христианское со всеми, потому что Бог есть вечная любовь и он не гнушался общение иметь с мытарями и грешниками, чтобы как нибуудь – да привести их на путь истины... В заключение скажу несколько слов о чудном спасении Государя нашего от явной смерти, которую готовил Ему злодей. Что я говорю, что скажу несколько слов, – да нет даже слов, чтобы достаточно выразить ужас при мысли о той опасности, которой подвергалась Россия в лице своего возлюбленного Монарха. Один безбожник и безумец из русских дерзнул занести руку на Помазанника Божия! Цель была слишком близка, страшное бедствие готово было совершиться, но – Бог хранит Россию и спас Избранника своего! Земляк Ивана Сусанина, крестьянин Костромской губернии, Осип Иванов Коммисаров, ударом своей руки, отклонил преступную руку, направленную в священную грудь Монарха. Теперь этот крестьянин – потомственный дворянин Российской Империи. Чтож это случай, братия? Нет, – это перст Божий, это действие промысла Божия!.. Иосиф Иванович, бывший в тот день (4 Апреля) именинником, отправился было после обедни помолиться Нерукотворѣнному образу Спасителя, что в часовне домика Петра I. Увидев, что прямое сообщение с Петербургскою стороною чрез Неву прекратилось, он отправился в летний сад и здесь спас жизнь своего Государя. Видно, что лестная чрезвычайная награда досталась не недостойному человеку, – значит тоже не случайно.

Господи! силою твоею возвеселися Царь и о спасении твоѣм возрадуется зело: живота просил есть у тебе – и дал еси ему долготу дней. Велия слава его спасением твоим, славу и велелепие возложиша на него. Яко Царь уповаеет на Господа и Милостию Вышнего не подвижится. Вознесися, Господи, силою, твоею воспоем – и впредь каждый день будет воспевать силы твоя здесь, в новоустрояемой молитвенной храмине о спасении возлюбленного тобою нашего Царя, Аминь!»

После этого слова, при участии самого основателя часовни Г. Ершова, произведена была по чиноположению закладка, и основание будущего молитвенного места, окроплено св. водою, за тем превозглашено многолетие царствующему Дому, святейшему синоду, Преосвященному Филарету, Епископу Уфимскому и Мензелинскому, создателю часовни и всем православным христианам. По окончании всего этого крестный ход, при пении тропаря: *«Спаси, Господи люди твоя»*, возвратился в Троицкий Собор.

Так свершилось общее желание, и памятник торжественного дня спасения Царя воздвигнется на месте и прежде того приснопамятном для бывшего завода, нынешнего города Златоуста.

Окончание постройки часовни будет, как слышно, в скором времени; часовня усердием разных лиц украсится иконами, между которыми будет и икона св. Иосифа, празднуемого 4 Апреля, в тот день, когда тезоименитый наш новый Сусанин, Осип Иванович Коммисаров-Костромской, спас Царя.

Желательно, чтобы в этой часовне установлено было праздновать 30 Августа, день св. Александра Невского, в честь которого в г. Златоусте есть и придел при Троицком соборе, и ещё 4 Апреля, так называемый «Иосифов день». Так наверное поступили бы наши предки, так следует поступить и нам, по вере и любви к отечеству таким же русским людям.

Р. Игнатъев.

*г. Златоуст,
22 Мая 1866 года*

(Уфимские губернские ведомости. 1866. 18 июня)

№ 28. Станица Магнитная

*(Статья Действ. Ч. Уф. Стат. Ком. и Моск. археол. общ.
Р.Г. Игнатъева).*

Бывшая на старой азиатской линии крепость, а ныне Оренбургского Казачьего № 6 полка станица Магнитная находится в Верхнеуральском уезде, в 50 вер. от г. Верхнеуральска, Оренбургской губернии, при р. Урале и на Оренбургском тракте. Название Магнитной происходит от горы этого имени, в которой действительно добывается магнит. Гора Магнитная лежит в 7 вер. от станицы, по тому же Оренбургскому тракту; замечательно, что по этой горе не ездят на кованых лошадях и колёсах с железными шинами. Гора Магнитная одна из малых отраслей Уральского хребта.

Местность, где теперь станица Магнитная, принадлежала кочующим Киргизам, до тех пор, покуда в царствование Императрицы Анны не была основана Оренбургская военная Экспедиция, в последствии сделавшаяся Оренбургскою губернией. – С 1734 г. началось устройство азиатской линии, построены многие крепосцы, в том числе и Магнитная; так мало по малу прекратились набеги киргиз и увод ими пленных для продажи в неволю в Среднюю Азию; кончилась вековая вражда Киргиз с Башкирами, от которой более страдали последние, люди менее воинственные, нежели Киргизы.

Окрестности Магнитной сохранили памятники когда-то живших и исчезнувших народов; укажем на ближайшие из них. В 14 вер. от Магнитной близ так называемого горького озера, на границе Казачьих земель с башкирскими Тамьянской волости, есть кольцеобразно насыпанный курган из песку и чернозёма, называемый «змеиный», действительно весь в скважинах на подобие змеиных нор. – Этот курган вышины 1, в окружности 8, диаметре 4 саж., на вершине насыпи яма глубиною 1 арш., курган оброс травой. В противоположном конце на 3. от Магнитной, в сторону от большой Оренбургской дороги, есть ещё подобный курган суглинистого грунта, называемый «могильным», потому что, будтобы, здесь погребён какой-то князь времён золотой орды; курган могильный также оброс травой как и первый и кустами черёмухи; он вышиною до 2, окружностью 10, в диаметре 4 саж. Предание, что Кипчатская орда и сам Чингисхан жили и кочевали по верховью р. Урала, Яика или Аджика, живо между здешними Башкирами; в Верхнеуральском уезде, где так много курганов и земляных валов, называемых татарскими, есть урочище Кипчак и урочище Чингисово. Карпин-Рубруквис пишет, что 1229 году татары выгнали с берегов р. Яика или Урала каких-то *Саксинов*, по чему то признаваемых Карамзиным за соплеменных Киргизам¹. Но возвращаясь к Магнитной крепостце старой Оренбургской линии, хотя самой в себе ничтожной в военном отношении, но по преданию грозной хищным Киргизам и часто возмущавшимся Башкирам, полудиким соседям старой линии.

Население полинейных тогдашних крепостей состояло из гарнизона и их семейств, потом сюда стали выселять отставных нижних чинов, которые получали жалованье и двойной провиант, с тем, чтобы они в случае нужды помогали гарнизону, конвоировали обозы и проезжающих по линии; посылались на житьё на Оренбургскую линию и по административным распоряжениям, особенно раскольники; в 1772 году присланы на службу в Оренбургские ландмилицкие полки, расположенные по линии, польские конфедераты. Магнитная принадлежит к числу крепостей Верхояицкой инстанции; инстанциею заведывал комендант Верхояицкой крепости, что ныне уездный город Верхнеуральск. В 1773 году начальником инстанции был Полковник Ступишин, а комендантом Магнитной крепости Капитан Тихоновский; какие до этого времени были коменданты и какие события с крепостью, на которую, как говорит предание, бывали не раз киргизские набеги, явление обыденное в Оренбургском

¹ Карам. т. III прим. 355 – прим. Р.Г. Игнатьева.

крае XVIII века, – вероятно обо всём этом можно видеть в Оренбургских архивах. В архиве Верхнеуральского уездного суда хранятся дела Верхояицкой и потом Верхнеуральской инстанций с 1773 по 1798 годы, из которых можно видеть только о числе горнизона в крепости, иногда о числе и жителей, о продовольствии войск, состоянии оружия, пороха и свинца, иногда встречаются справки по военно-судным делам; более исторического интереса представляет переписка повремя Пугачёвского бунта – это инструкции строго смотреть за конфедератами, Башкирами и Киргизами, явно сочувствовавшими Пугачёвскому бунту. В 1773 и в начале 1774 годов в Магнитной крепости было горнизона: 3 офицера и 230 нижних чинов от ландмилицкого полка, 24 драгуна с 1 сержантом, 28 артиллеристов с 1 сержантом, отставных нижних чинов 70, пушек чугунных 6, пороху 50 пуд., пуль и ядер 82 п., в крепости проживало крестьян, мещан и дворовых людей 70 душ обоего пола, жён и детей чиновников и военно служащих и отставных 168 д.¹ В крепости была деревянная церковь, и теперь ещё существующая, во имя свят. Троицы; близ этой церкви был вал и ров; вал обнесён частоколом, с 2 воротами, выходящими на Оренбургскую и Верхояицкую дороги. Таково было состояние Магнитной крепости, когда разгоралась Пугачёвщина, волновались соседи её Башкиры, Киргизы и крепостное население Твердышевских горных заводов. В Марте 1774 г. Пугачёв был отражён от Оренбурга и Уфы; потеряв много людей и всю свою артиллерию, Пугачёв, обратился на заводы и на линию, где встречен был с восторгом башкирами и крепостным населением горных заводов. Пугачёв занял Белорецкие заводы, близкие к линии; там начал отливать пушки, толпы его увеличивались. Но бодрствовал комендант Верхояицкой инстанции Ступишин. Ступишин ловил и казнил подсланных от Пугачёва людей с возмутительными воззваниями, рассылал свои воззвания к Башкирам, обещая прощение и угрожая в противном случае идти на них с войском. «Я пойду на вас», писал Ступишин, из Верхояицкой, Магнитной и других крепостей, «сожгу ваши дома, истреблю скот, а вас буду казнить и за рёбра вешать»². Между тем, предписав также поступать с Башкирами коменданту Тихановскому, Ступишин предупреждал Тихановского быть готовым к нападению от Пугачёва и, не ожидая ни откуда помощи, защищаться на смерть, что он и сам Ступишин сделает, будучи оставлен с малочисленною коман-

¹ Дела коменд. Верхояиц. инст. 1773 и 1774 г. ли. 30, 76, 91, 111 – прим. Р.Г. Игнатъева.

² Дела Верхояиц. инст. 1774 г. лист. 307, 308, 309 – прим. Р.Г. Игнатъева.

дою¹. Тихановский на это отвечал рапортом 27 Апреля 1774 г., что он привёл к присяге гарнизон и жителей Магнитной и будет защищаться на смерть². В самом деле помощи ни откуда не было, не смотря на все настояния Ступишина, ни из Оренбурга, ни от посланного Сибирским Губернатором на защиту азиатской линии Генерала Декалонга³, который в это время удалился с отрядом своим в Челябинскую крепость или нынешний город Челябину. Единственная помощь, которую мог оказать Ступишин, была разсылка по крепостям Верхояицкой инстанции по 50 красноуфимских казаков, возвратившихся из Белорецких заводов, когда заводы эти были заняты Пугачёвым – эти Красноуфимские казаки были посланы в Белорецкие заводы Генералом Декалонгом⁴.

Впрочем когда Декалонг узнал о занятии Белорецких заводов, то пошёл тотчас туда с отрядом против Пугачёва⁵. Пугачёв кажется узнал это и, оставив Белорецкие заводы, спешил окончить дело на линии. Башкиры, на которых начали-было действовать угрозы Ступишина, так что 320 семейств отдали себя под его покровительство⁶, теперь возстали поголовно; между ними явился, до ныне популярный в рассказах и песнях, батырь Соловат Юлаев, уроженец деревни Соловатовой, и теперь существующей в Верхнеуральском уезде. Башкиры под предводительством Соловата усилили Пугачёвские шайки. 4 Мая 1774 г. Пугачёв, с 10 т. ч. явился под Магнитною, но Тихановский и гарнизон сдержали слово, закреплённое присягой. По рассказам старожилов, отбито было два приступа, исторически же известно, что сам Пугачёв был ранен в руку картечью⁷. Магнитная, может быть, как нибудь бы и отстоялась до прихода Декалонга, но измена помогла бунтовщикам, изменнически взорваны были пороховые ящики, в частокале было разобрано несколько запло-тин... На другой день во время обедни начался новый приступ, защитники Магнитной не могли стрелять, и шайки Пугачёва ворвались в крепость. Участь Магнитной была решена, – в ограде церкви св. Троицы повешены комендант Тихановский, его жена, священник в полном облачении, только что окончивший

¹ Там же лист. 320 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Там же лист. 357 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Там же лист. 601; Памят. книж. Оренб. губ. на 1865 г. стр. 109 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Дела Верхояиц. инст. 1774 г. лист. 34 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁵ Ист. Пуг. бун. Пушкина 1. стр. 110 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁶ Дела Верхояиц. инстан. 1774 г. листы 310, 311, 317, 319 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁷ Истор. Пугач. бун. Пушк. 1 стр. 110 – прим. Р.Г. Игнатьева.

службу и двое каких-то отставных солдат. – Уверяют, что Тихановский, его жена, священник и двое ветеранов называли Пугачёва злодеем, вором и самозванцем. К сожалению никто не позаботился тогда о сохранении для потомства имён этих великодушных страдальцев, достойных вечной памяти у всех русских людей, и они так и остались неизвестными. Раз в год 5 Мая, в ограде деревянной церкви св. Троицы, отправляется панихида, «по рабам Божиим ихже имена ты сам Господи веси»... Да и то, кажется, этот добрый обычай установился недавно.

Участь прочих офицеров, сослуживцев Тихановского неизвестна, кажется, что более казней небыло, церковь св. Троицы, что редко бывало, пощажена, гарнизон присягнул Пугачёву, артиллерия взята и увезена за Пугачёвым, в тот же день выступившим из Магнитной. В Магнитную подоспел ещё на помощь к нему Белобородов с 4 т. ч.¹ Пугачёв шёл к Троицкой крепости т. е. нынешнему г. Троицку, и, миновав крепость Верхояицкую, взял и разорил крепости Карагайскую и Петропавловскую. – Но дальнейшие за тем события известны покуда из единственной пока у нас (какова она ни есть) истории Пугачёвского бунта Пушкина и не подлежит настоящей заметке о Магнитной крепости.

Верхояицкая крепость спасена находчивостью Ступишина, его соломенными чучелами, одетыми в солдатское и казачье платье²; но более того, помогли слухи о сильном войске, будтобы сосредоточенном в Верхояицкой крепости. Ступишин тотчас по выходе Пугачёва, когда он прошёл с шайками мимо Верхояицкой крепости явился сам в Магнитную с ротою ландмилиции и 50 красноуфимскими казаками и оставил их там гарнизоном. Ступишин донёс Оренбургскому Губернатору об исправлении им крепости и просил присылки в Магнитную пушек и об усилении тамошнего гарнизона, так как линии без прикрытия воинскою силою оставить нельзя³. После этого комендантские дела Верхояицкой инстанции представляют нам только строевые рапорты о состоянии войск в Магнитной крепости, каковых на лицо бывало до 1789 г. 300, 400, 760 и до 800 ч. при 6, 8 и 12 орудиях, и ничего более о самой крепости, которая безспорно после удаления Пугачёва принимала участие в подавлении внутреннего возстания в своих окрестностях. Впрочем тревожное время для Оренбургского края кончилось вместе с пугачёвским бунтом; бывали правда хищничества киргизов, увод пленных, но

¹ Истор. Пугач. бунта Пушкина 1 стр. 3 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Памят. книжка Оренб. Губ. стат. Г. Верхнеуральск стр. 110–111 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Дела Верхояиц. инст. 1774 г. и 209 – прим. Р.Г. Игнатьева.

линия год от году теряла военное значение, немирные соседи стали стремиться к миру. Пожар 1772 г. в Верхояицкой крепости истребил старые дела¹, в которых может быть чтонибудь нашлосьбы о башкирском бунте 1739–1740 годов, о бегстве тысячей калмыков в Китай с берегов верховья р. Яика. Не может быть, чтобы линейные крепости т. е. их гарнизоны не принимали участия в событиях, совершившихся в окрестностях нашей старой азиатской линии.

В конце XVIII века при образовании Оренбургских линейных батальонов, батальон № 9 расположен был в крепости Магнитной с 1811 по 1830. Магнитною крепостью управлял комендант, Генерал-Майор Иван Иванович Мистром; жители воздвигнули ему памятник на площади, в память его примерного управления, полного правосудия и прямо отеческого попечения о мирном благе, как сказано в надписи на чугунной плите, вделанной в кирпичную колонну, находящейся теперь близ станичного, прежде бывшего комендантского, управления. – Честь, оказанная генералу Мистрому, который не заслужил ещё при жизни никто, или по крайней мере мало кто из администраторов Оренбургского края, всего лучше говорит вместе с народом за генерала Мистрома: его и Ступишина, ещё достойно не оценённого, не забудут жители старой азиатской линии.

Разсказывают, что И.И. Мистром, будучи уже в отставке, проезжал мимо Магнитной, уже не крепости, а казачьей станицы Оренбургского № 6 казачьего полка, и был встречен с полным сочувствием, даже со стороны уже новых людей, переселенцев, только слышавших о временах коменданта Мистрома.

Гарнизон Магнитной, в том числе жившие там люди разных сословий, в 1839 г. обращены в казаки; крепость переименована в станицу Оренбургского № 6 казачьего полка 12 Декабря 1840 года. Теперь в Магнитной ничего не напоминает о крепости, разве признаки рва и вала близ старой деревянной церкви св. Троицы; Магнитная теперь хорошее село, наружность которого свидетельствует о благосостоянии жителей. Памятником старого времени служит разве церковь св. Троицы, в ограде которой похоронены Тихановский и его сподвижники, казнённые Пугачёвым. – Церковь, может быть современна крепости и по клировым ведомостям показывается без означения года её основания; в церковном архиве тоже нет никаких сведений, ни каких документов, ни даже метрик и духовных росписей XVIII века, да и самые метрики хранятся лишь с 1812 года. – Года 2 то-

¹ Памят. книж. Оренб. Губ. ст. Верхнеуральск ст. 106 – прим. Р.Г. Игнатьева.

му отослан в Оренбург св. антиминос 1780 (кажется) года, освящённый преосвященным Варлаамом, архиепископом Тобольским и Сибирским; но антиминосы не всегда служат историческим фактом, так как они меняются и в случае какой либо порчи или разорвания, а не только по случаю ветхости. Предание прямо говорит, что церковь св. Троицы существовала в бывшей Магнитной крепости до Пугачёва и не была даже им ограблена; но не известно, почему в старой церкви не сохранилось старых утварей, здесь всё новое. В Магнитной есть ещё другая церковь каменная св. Троицы, построенная комендантом Мистромом и освящённая в 1828 году.

В станице Магнитной считается 227 домов и жителей: дворян и чиновников: 8 муж. и 10 жен.; духовных 7 муж. и 12 жен.; купцов и мещан 8 муж. 6 жен.; казачьего сословия 720 муж. 729 жен.; а всего 1500; так по крайней мере было в 1864 году. В станице находится 11 деревянных лавок, построенных по контракту с станичным правлением купцами Крюковым и Голубевым, 11 мукомольных ветряных и водяных мельниц; 11 питейных заведений. В станичной школе обучается до 40 ч. казачьих мальчиков; но грамотность, кажется, более распространена между женщинами, судя по сведениям станичного правления (мы не знаем как они верны). Так в 1864 г. в Магнитной считалось грамотными, не считая учеников станичной школы, только 30 мужчин и 130 женщин. – В станичной юрте т. е. в селениях принадлежащих к ведомству Станичного Правления, или нынешней уже волости Магнитной, в 1864 г., по сведениям Магнитного Станичного Правления, состояло на лицо 1669 муж. и 1770 жен. Эти селения, принадлежащие к Магнитной станице и её церковному приходу – отряды: Верхокизильский – 150 домов – 427 муж. 441 жен.; Третьбий, населённый Нагайбаками – 102 дома, 350 муж. 363 жен. и выселок Смелый – 48 домов, 150 муж. и 144 жен. Эти селения расположены по рр. Уралу, Кизилу и Гумбейку. Нагайбаки выселены сюда в 1838 году из Белебеевского уезда; они потомки Арских татар, крещённых по повелению Грозного, после взятия Казани; переселившись из Казани в Оренбургскую губернию Нагайбаки во время башкирских бунтов в царствование Императрицы Анны Иоанновны участвовали в подавлении возстания и за это включены в казачье сословие и жалованы землями. Нагайбаки считаются лучшими казаками; они честны, добродушны, храбры, что доказали многие из них в делах против неприятелей, трудолюбивы и по этому люди зажиточные, но худо исполняют христианские обязанности, хотя в них заметно более суеверий язычества, нежели остатков исламизма; например покойников стараются хоронить без всяких христианских обрядов, на мужчин

надевают шапку, а за пояс закладывают нож... Нагайбаки, говорят по татарски, но не знают татарской грамоты; женщины их одеваются по татарски, носят покрывало и монеты, но жёны людей чиновных, богатых и должностных начинают уже одеваться в обыкновенные платья и даже кринолины.

В день Казанской Божией Матери 8 Июля, вообще особенно чтимый во всей Оренбургской губернии, в Магнитной бывает ярмарка; в этот же день отправляется после окончания обедни крестный ход за 1 ½ вер. от станицы, на ключ, неимеющий никакого особого названия, и совершается водоосвящение по уставу малого освящения св. воды, положенного в 1 число Августа, в праздник происхождения древ животворящего креста. Но почему установлены в Магнитной и крестный ход и ярмарка 8 Июля, нет ни каких известий, кроме того, что всё это совершается издавна, как основана была крепость. На ярмарку стекаются жители окрестностей Магнитной, а торговцы приезжают из гг. Троицка и Верхнеуральска; так в ярмарку 1864 года привезено было фабричных, кожевенных, колониальных товаров, посуды, хлеба, конского корма, приведено лошадей и всякого рода скота – всего на 57 828 р.; продано на 16 864 руб. Оборот ярмарки прошлых лет близок к этим цифрам. Кроме ярмарки в Магнитной бывает базар по Понедельникам, при стечении окрестных башкир, казаков и горнозаводских обывателей Верхнеуральского уезда; впрочем торг начинается всегда с воскресенья, по старой памяти, что прежде в Магнитной бывали базары в этот день, как праздничный, более удобный для сельского люда, жители Магнитной занимаются торговлей и мастерствами; у двух здешних казаков, Василия Бердникова и Семёна Казанцева, есть кожевенные заведения всего в 3 чана, выдывается всякого сорт кож на 3630 руб. в год; кожи расходятся в г. Верхнеуральске, Магнитной и её окрестностях; но исключительное занятие жителей Магнитной и принадлежащих к ней селений – хлебопашество, вообще развитое между Оренбургским казачеством. Почтенное сословие воинов-земледельцев снабжает своим хлебом, вместе с крестьянским сословием, и горные заводы, и города, и золотые промысла и Башкирию. В магнитной более сеют пшеницу, ячмень и овёс и очень мало ржи, неупотребляемой почти здесь в пищу; также по причине сильных ветров и буранов мало сеют озимового, сдуваемого ветрами в местах гористых; так в 1864 г. посеяно при урожае сам – 4–5, озимого 20 четв., ярового 2525 четв. картофеля 100, гороху 106 четв. - Огороды имеют почти все домохозяева, скотоводство тоже – очень удовлетворительно, судя по числу населения; так в 1864 г. в Магнитной считали 1876 лошадей, 1177 рогатого скота, 5840 овец, 130 свиней, 50 коз и 4250 штук домаш-

ней птицы. В селениях станичного ведомства состояние хозяйства в 1864 году было следующее: посеяно, при таком же урожае как и в Магнитной, в отрядах: Верхнеуральском – озимого 10, ярового 1296, картофеля 100, гороху 80; тробии – озимого 12, ярового 779, картофеля 60, гороху 65, выселке смелом – озимого 3, ярового 862, гороху 69, картофеля 72 четвертей, лошадей и прочего скота считалось более 24 т. голов, домашней птицы более 10 т. штук. Огородничеством в особенности занимаются Нагайбаки: сажают капусту, морковь, свёклу и лук, которые развозятся ими по базарам в окрестности; рыболовством и охотой занимаются весьма не многие и то лишь для своих потреб, да и урал здесь изобилует рыбой только в полноводье и то мелкой, крупная не может проникнуть сюда, запертая учугом в земле войска уральского, по этому рыба в базарные дни доставляется вообще в казачьи селения, в самый г. Верхнеуральск и на горные заводы из башкирских рыбных озёр, башкирами; ими же доставляется и дичь на базары, так как у них много лесов, которыми напротив так скудны казачьи дачи.

Не смотря на это однако, дома казаков построены везде из хорошего леса; много есть домов хоть и деревянных, но достойных быть и в любом провинциальном городе; при домах довольно обширные дворы, вымощенные брёвнами, здесь помещаются разные службы погреба, сараи; скот содержится под навесами, обгороженными плетнём. – У зажиточных дома разделяется по две половины – чёрную с русскою печью и палатами и чистую с голландской, часто, печью; стены непременно чисто выбелены, а на чистой половине иногда оклеены бумагой и даже шпалерами. В переднем углу по обычаю божница, на которой во всяком почти казачьем доме первое место занимает – церковная плащаница, писанная на холсте т. е. известное изображение положения в гроб И. Х.; по поверью – плащаница приносит счастье для дома. Иконы на божнице более старинного письма или медные литые; лучшим же украшением, особенно чистой половины считаются лубочные картины, преимущественно духовного и военного содержания. Казаки, несостоящие на службе, носят крестьянское платье, а женщины ничем не отличаются от крестьянок, кроме богатых и чиновных; старики, уже отслужившие, носят и бороды. Нравы и обычаи вообще Оренбургского казачества чрезвычайно любопытны для изучения: сказать о них, и сказать обстоятельно, – нужна целая книга, а не журнальная статья, и тем менее далеко недозволяет нам это настоящая краткая заметка о станице Магнитной. Замечательно особенно быт Нагайбаков отряда тробии, отличающийся от казаков; в домах Нагайбаков вместе с русскими печами видим башкирские камины (чувалы),

пищу варят в котлах, как у башкир вделанных в очаг. - Чистотой и опрятностью отличаются жилища старообрядцев.

(Уфимские губернские ведомости. 1866. 25 июня, 2 июля)

№ 29. Присоединение архимандрита и Иеродиакона Австрийской секты к единоверию

В субботу 13 и в Воскресение 14 числа Августа в здешнем кафедральном соборе, во время божественной литургии, совершено Преосвященным Филаретом, Епископом Уфимским и Мензелинским, присоединение к единоверию раскольников: Иеродиакона Генадия и архимандрита Викентия, принадлежавших к одной из самых разпространённых беглопоповщинских раскольниковых сект, так называемой Австрийской, или *австрийского священства*, как эту секту называют в народе.

Об этой секте так много уже писано: о ней и об известном *окружном послании* видим ряд статей в *Русском Вестнике*.

Цель секты известна – желание установить в России свою иерархию, подвластную Буковинскому Митрополиту, в Австрии; стараться уничтожить единоверие и склонять в свою секту из православия и из тех раскольниковых сект, которые признают священство.

В Уфимской губернии так называемое австрийское священство находит себе наиболее сочувствия среди горнозаводского населения; с этою целию был посвящён в архимандриты, одним из австрийских епископов, о. Викентий.

Австрийская секта теперь терпит постоянные удары присоединением к ненавидимому ею единоверию главных своих членов; так в Москве присоединились самые их бывшие епископы, теперь у нас в Уфе бывший архимандрит. Да – это новое торжество православия, новый удар расколу, среди которого, как доказывает современная литература, идёт сильное движение, сильное колебание, едвали не влекущие к будущему разложению Буковинского раскола!

Торжество присоединения к единоверию бывшего раскольникового архимандрита о. Викентия 14 Августа происходило следующим образом¹.

На божественной литургии пред малым выходом выведен был двумя иеромонахами из алтаря к амвону, где в это время

¹ Таким же образом происходило 13 числа присоединение Иеродиакона Генадия, при подтверждении монашества которого оставлено ему это же имя – прим. Р.Г. Игнатьева.

стоит Преосвященный, до пения известного стиха: «*приидите поклонимся*», бывший архимандрит, в рясе, по прочтении же Преосвященным Филаретом, Епископом Уфимским и Мензелинским, обычной по чиноположению для этого молитвы, подтверждено над о. Викентием монашество, с этим же именем «Викентий», и за тем возложены на него мантия и клобук. За тем со св. крестом и горящею свечёю в руках, монах Викентий шествовал в св. алтарь и божественная литургия продолжалась, при конце её новый православный инок Викентий сподоблен причащения свят. таин. – О. Викентий теперь состоит в числе братства Златоустовского Воскресенского мужеского единоверческого общежительного монастыря. Дай Бог, чтобы пример о. Викентия и о. Геннадия благотворно подействовал на других последователей австрийской секты, особенно распространившейся в Уфимской губернии в Златоустовском уезде.

Кому исторически и практически известен наш раскол – старо обрядчества, тот не может не сознаться, что ни одна из сект, не исключая даже тех, которые против таинств и иерархии, так не враждебны православию, как австрийская секта, следственно чистосердечное раскаяние и добровольное возвращение на лоно православия, а тем более тех, которые были главными деятелями раскола и членами враждебной нам лжеиерархии есть истинное, умиленное торжество веры.

Пожелаем всею душою и сердцем нашему древнему городу Уфе, начатому Иоанном IV и окончательно построенному, одним из благочестивых Царей, Феодором Иоанновичем, взысканному особым вниманием, как видно из вкладов бывшему Уфимскому собору Смоленской Божией матери, благочестивым царём Алексеем Михайловичем, отныне видеть более и более подобных случаев присоединения отторгнувшихся детей к церкви древней и истинной¹.

Р. И-в.

14 Августа
1866 года

(Уфимские губернские ведомости. 1866. 20 августа)

¹ Этот материал вызвал отклик. В № 47 за 19 ноября 1866 г. была опубликована статья «Б-ий», где (в сноске) в частности говорилось: «(а) В Уфимских Губернских ведомостях настоящего года № 34 в статью о присоединении Викентия и Геннадия вкралась ошибка. Викентий в Уфе только утверждён в монашестве, с тем же именем. Присоединение его было совершено в г. Верхотурье 2 Мая.

(б) О. Викентий рукоположен во иеродиакона 30 Октября, а 2 Ноября рукоположен в иеромонахи».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма.

Предполагаемые статьи Р.Г. Игнатьева

№ 1. Два письма Р.Г. Игнатьева к А.А. Краевскому, 1852, 1862 гг.

I.

Милостивый Государь
Андрей Иванович¹!

На письмо Ваше от 7 Ноября, спешу препроводить реэстр актов и статей, предназначенных мною для помещения в Отечественных записках²; акты о которых писал и теперь на обороте этого письма упоминаю немедленно вышлю. – При чём принося Вам искреннюю благодарность за готовность помещать труды мои, я же с моей стороны как редактор не[о]фициальной части Губернских Ведомостей употреблю старания за распространением издаваемого Вами журнала по Губернии, разослав везде особливо отпечатанные по Вашему назначению объявления и программы, и я можно сказать надеюсь в успехе. – Позвольте мне просить Вас при отпечатании моих статей присылать мне особые оттиски в нескольких экземплярах в пользу мою: – Обещанные и поименованные мною статьи составляют более 200 писанных листов.

¹ Опечатка, надо Андрей Александрович. Краевский Андрей Александрович (1810–1889), издатель, журналист, общественный деятель, предприниматель, редактор ряда газет, в том числе «Санкт-Петербургских ведомостей» (1852–1862) и «Голоса» (1863–1884), последний «превратил в одну из лучших газет России. С 1839 издавал журнал «Отечественные записки» (в 1868 сдал его в аренду Н.А. Некрасову, оставаясь номинальным издателем)» (См.: Муратов А.Б. <http://www.encspb.ru/article.php?kod=2804027632> на сайте «Энциклопедия Санкт-Петербурга»; Громова Л.П. А.А. Краевский – редактор и издатель. СПб., 2001; Степанов А.Н. Газета А.А. Краевского «Голос» (1863–1883) // Журналистика и литература. М., 1972).

² Видимо, А.А. Краевский в 1852 г. пригласил Р.Г. Игнатьева к публикации в «Отечественных записках», но не успел издать его труды в связи с арестом Р.Г. Игнатьева. В числе авторов «Отечественных записок» 1850-х гг. тот не упоминается. См.: Алфавитный указатель к отечественным запискам 1849, 1850, 1851, 1852 и 1853 годов. СПб., 1854; [Межов В.И.] Алфавитный указатель к отечественным запискам 1854, 1855, 1856, 1857 и 1858 годов. СПб., 1860.

С совершенным почтением и преданностью имею честь
быть

Вашим
Милостивый Государь
Покорнейшим слугою
г. Новгород
Ноября 16-го 1852 года. Р. Игнатъев (*подпись*)

Оглавление статей
(Р.Г. Игнатъева)

1. Келейная переписка Новгородского Митрополита Иова (с краткою биографиею его, написанной Р. Игнатъевым), заключающая в себе письма Петра Великого, Екатерины, Имеретинского Царя Арчила, Святителя Димитрия Митрополита Ростовского, Стефана Яворского Митрополита Рязанского, А.Д. Менщикова, жены его Княжны Д.А. и дочери княжны М.А. Меншиковых, фельдмаршала П. Шереметева, Апраксина, известных учёных мужей, греков Сафрония и Иоанникия Лихудов и других лиц, равно и ответы самого Иова Государю и другим лицам вышепоименованным. – Содержание переписки имеет, кроме частного интереса, интерес исторический; открывает несколько новых данных для изучения эпохи, в особенности же относительно учреждения так называемых Славяно-Греко-Латинских школ и частью Московской Заиконоспаской Академии. – Переписка извлечена из архивов Новгородских Софийского Собора, Антоньева Монастыря и библиотеки П.П. Шишкина.

2. Алберт фон Бёниг или Ганзеец XIV века, рассказ из народного предания.

3. Соборный храм Святой Софии в Новгороде. – Содержащие Историческо-Археологическое описание этого храма.

4. Андрей Георгиевич Боголюбский, Великий Князь Суздальский.

PS. Поименованные статьи уже изготовлены, но кроме того, в разное время доставится несколько других статей различного содержания.

(ОР РНБ. Ф. 391. Д. 396. Л. 1 и об., 2 и об.)

II
Милостивый Государь¹,
Андрей Александрович!

Вы приглашаете провинциальных корреспондентов для издаваемой Вами с будущего года газеты Голос; в настоящее время я веду постоянно корреспонденцию из Оренбургской губернии в Московских Ведомостях, которые переходят в другие руки. Беру смелость предложить Вам в том же свои посильные услуги, тем более, что я, как участвующий в трудах Оренбургского губернского Статистического Коммитета, полагаю, могу быть полезным.

Я читал письмо Ваше, разосланное при программе Голоса, знаю желание Ваше и постараюсь его выполнить. Корреспонденция там будет постоянная, по возможности – каждую неделю, но она будет касаться исключительно гг. Челябины, Троицка, Верхнеуральска, а главное горного дела и частной золотопромышленности особенно. Так что ежели Вами порученна кому либо губернская наша корреспонденция, то я всё таки не буду лишним для Вашего Голоса. Золотопромышленность Орен. губ. в Челябинском, Троицком и Верхнеуральском уездах – мир мало, да и почти не затронутый, столько у этого мира нужд, потребностей, ему необходим орган для их выражения. Я служу на частных золотых промыслах, безпрестанно в разъездах по этим городам и уездам, во время же известной Мензелинской ярмарки могу быть тоже полезным для Вашей корреспонденции. Кроме того у меня приготовлена статья, описание городов Оренбургской губернии и быта Башкир и прочих инородцев, не будут ли они полезны для энциклопедического словаря²? Как, наконец, дополнение к статьям вышедшим или приготовляемым к печати?

Если Вам угодно принять моё предложение, то осмеливаюсь просить Вашего уведомления о условии и какое я могу получить вознаграждение за труд? Немедленно, после уведомления Вашего, к новому же году вышлются статьи. Я имею старинные, интересные рукописи: они могут быть к услугам Вашим, для Отечественных Записок. Ещё я бы желал иметь оттиски с моих статей по 3 экземпляра или в замен их 1 экземпляр тех №№ Голоса, где они напечатаны. Оттиски или №№ могут быть доставлены в середине или конце года. Затем поручаю себя вниманию Ва-

¹ Наверху приписка: «Игнатьев согласен. Посылать ему экземпляр голоса».

² В этом месте на полях письма приписка карандашом, «обратить редакции словаря».

шему с истинным моим уважением и преданностию имею честь
прибыть навсегда

Вашим
Покорнейшим слугою. Р. Игнатъев.

15 Ноября
1862 года

Адрес постоянного моего жительства:

Оренбургской Губернии, на станцию Тунгатарово, на Иль-
табановские золотые промысла Генерал-Лейтенанта Жемчужни-
кова и Ком

Руфу Гавриловичу Игнатъеву

(ОР РНБ. Ф. 391. Д. 396. Л. 3 и об., 4 и об.)

№ 2. Уфа (возможная корреспонденция Р.Г. Игнатъева)

Уфа. (Корреспонденция «Голоса»). – Уфа наша – старинный город, по истории существовавший уже в 1586 году, а по преданию здешних башкир – с XIV века, когда здесь, будто бы, жили ногайские ханы, подвластные сначала золотой орде, а потом царству казанскому, и откочевавшие отсюда, в лице последнего ногайского хана, на реку Кубань, в XV веке. В четырёх верстах от нынешней Уфы существует так называемое Чортово, или Татарское Городище; здесь-то, говорят, и жили ханы. Уфа представляет собою полуостров; она окружена реками Уфою и Белою, да ещё небольшая речка Сутолка отделяет старый город или старую Уфу, времён XVI века, от нового города или новой Уфы, возникшей недалеко, как в двадцатых годах. Старый город составляет теперь как-бы предместье: все казённые места, промышленность, зажиточные из жителей, с двадцатых годов находятся в новой Уфе, в старой же живёт самое бедное население – мещане, наиболее из мухаммедан, и мелкое чиновничество. Старая Уфа, расположенная по местам гористым и обрывистым, в наружности своей ничего не имеет городского: бедные сельские домики, чрезмерно узкие и неправильные улицы и деревянная, бедная, старая церковь св. Сергия Радонежского. Весною и осенью, благодаря чернозёмному грунту и потоку с гор, грязь здесь непроходимая; то же самое и в новой Уфе; но здесь уже начальство приняло свои меры к устройству мостовых, более шоссейных, и тротуаров. В этом случае прилагали большое усердие начальники губернии Н.В. Балкашин, Е.И. Барановский и нынешний губернатор, Г.С. Аксаков. Уфа разбросана на значительном пространстве – здесь любят строиться широко; обширные дворы, огороды и сады – принадлежность каждого дома. Издали,

если смотреть на город с Чортова Городища, или от казанской дороги, он кажется очень большим, населённым по крайней мере, полсотнею тысяч жителей, когда их нет и семнадцати. Летом Уфа – да простят меня читатели «Голоса» за слишком избитую, но необходимую фразу – буквально утопает в зелени садов. Лучшая из улиц зовётся «казанскою»; она идёт от казанского тракта или въезда в город, до гостинодворской площади, тоже очень красивой. На казанской улице все лучшие дома, магазины; она служит местом гулянья; её зовут здешние жители своим «невским»; здесь же, кстати, есть и церковь св. Спаса, построенная по образцу с.-петербургского казанского собора – конечно, значительно уменьшенному. Уфа улучшается год от году; здесь много есть хороших домов и церквей, последних числом четырнадцать. Замечательны, по архитектуре, воскресенский собор, с огромною перед ним площадью, церковь св. Александра Невского, заложенная лично императором Александром I, в бытность его в Уфе, в 1824 году, и древняя церковь Троицы, при которой схоронен известный в истории думный дьяк Афанасий Иванович Власьев, бывший в Уфе воеводою во времена Василия Шуйского; под колокольнею церкви был *застенок*, где содержался, между прочим, сообщник Пугачёва – Чика. В Уфе много ещё остатков от старины, и особенно от слишком здесь памятной пугачёвщины; не сохранилось только древнего кремля или детинца, бывшего на берегу реки Белой: он сгорел (кремль этот был деревянный) в 1759 году. В промышленном отношении, Уфа славится своею пристанью при р. Белой; сюда из разных мест оренбургской губернии идут, водою и сухопутьем, для сплава, чрез уфимскую пристань в Казань и внутренние губернии, произведения здешнего края: хлеб, лес, железо, медь, сырые и выделанные кожи, сало, а также азиатские товары, из которых главные хлопок, шёлк, шелковые и бумажные ткани, получаемые здесь во время летней азиатской мены в Оренбурге и Троицке. Учреждение, в 1859 году, пароходства по р. Белой было величайшим благодеянием для края; теперь вся промышленность быстро подвинулась, чрез действительное сближение нашего края с внутренними губерниями, хотя на время навигации, чего никак не могло быть при прежнем судоходстве. Теперь, ежегодно буксирные пароходы, ходящие из Уфы до Казани и из Казани до Уфы, принимают не менее 250 000 пудов клади, и почти такое же количество по весу доставляют сюда разных товаров, и проч., доставляемых сюда единственно из внутренней России. Уфимский и ближайшие к нему уезды – бирский, стерлитамакский и белебеевский, изобильны хлебом и лесом; здесь также развит горный, поташный и кожевенный промыслы; один

Стерлитамак отправляет во внутренние губернии, на мензелинскую и ирбитскую ярмарки, разного сорта кож более, чем на 200 000 руб. в год. Итак, Уфа – единственный пункт сношений края с внутреннею Россиею, слишком важный для нижегородской ярмарки. Еслиб в оренбургском крае основалось пароходство, кроме р. Белой, по другим судоходным рекам, в особенности по Уралу, еслиб значительно улучшились пути сообщения, то время и хорошие деятели высоко поставили бы оренбургский край и в промышленном отношении, и во всём остальном, а Уфа была бы ещё более важным центральным пунктом сбыта произведений края. Не говорим уже о далёкой будущности, но еслиб те же самые буксирные пароходы, теперь ходящие из Казани только до Уфы, доходили бы, по той же р. Белой, до городов Стерлитамака и Бирска, известных по своим пристаням, то и эти города, с их округами, не были бы затрудняемы доставкой своих произведений в Уфу теперешним сухопутным сообщением или на судах и барках всё ещё старого рутинного устройства.

Торговля самой Уфы, впрочем, весьма незначительна; между здешним купечеством мы мало видим капиталистов. В Уфе бывает двухнедельная ярмарка, которая начинается с 26-го января, и ограничивается съездом сюда только окрестных жителей; даже купечество на этой ярмарке торгует своё же, уфимское, или ближайших к Уфе городов – Оренбурга, Стерлитамака, Бирска. Для ярмарки отведено особое место, близ гостиного двора, на площади дворянского собрания. По словам торговцев, на здешнюю ярмарку, до сих пор, обыкновенно привозится товаров тысяч на семьдесят, а продаётся на 40 и 50 тысяч руб. Покуда в Уфе жизнь ещё недорого, в сравнении с другими городами, даже с Оренбургом, где на всё такие высокие цены, и на квартиры, и на жизненные припасы, в особенности на дрова, которых сажень стоит 15 и более рублей, в Уфе же всё это гораздо доступнее, и лучший дом в городе можно нанять за 300 рублей в год, и даже менее этого; сажень берёзовых дров стоит 3 и 3 р. 50 к.; а лет десять тому можно было иметь и за 1 рубль. Прежде, бывало, даже люди хозяйственные не покупали саженьями, а нанимали подёнщиков рубить лес, и это называлось «платою с топора». Лес считали ни за что; но теперь и здесь уже дорожат им всё более год от году; леса и здесь начали истребляться, особенно с увеличением числа горных, винокуренных и поташных заводов, в местах, изобильных лесом.

Из учебных заведений в Уфе существуют губернская гимназия, с уездным и приходским училищами, женское училище первого разряда, семинария, духовные уездное и приходское училища, и детский приют. Прежде были два частные женские

пансиона; но они закрылись при учреждении женского училища. В Уфе с успехом было начались воскресные школы, встреченные здесь с неменьшим сочувствием, как и женское училище, так что вскоре после открытия одной нужно было открыть уже другую. Это всего лучше характеризует Уфу, которая, кстати заметить, не из последних когда-то откликнулась на составление комитета по крестьянскому делу, на учреждение школ и публичной библиотеки. Уфа и теперь с благодарностью вспоминает усердного зачинателя всего этого, бывшего губернатора Е.И. Барановского, сделавшегося популярным между нами, конечно, не за одно это, а за всё его, хотя и недолгое, управление губернией. При строгости к малейшим неисполнениям обязанностей или уклонениям от закона, Е.И. Барановский входил в нужды всех и всякого, был доступен каждому; словом, это был человек «народный». Я и передаю это как общий «народный» говор.

Общественных удовольствий в Уфе немного: клуб и благородные спектакли в пользу бедных; правда, были ещё литературные вечера, но об них давно не слышать. При клубе есть публичная библиотека, усердно посещаемая здешними жителями, не исключая воспитанников гимназии и семинарии. В прошедшем году в Уфе было более 100 подписчиков на журналы, преимущественно на «Отечественные Записки», «Время», «Современник», «С.-Петербургские и Московские Ведомости», «Северную Пчелу», «Странник» и «Сын Отечества». В Уфе недавно выстроен деревянный, но красивый театр, очень достаточный для города и снабжённый всем необходимым. В прошедшем году были слухи, что, будто бы, сюда собиралась приехать труппа артистов из Казани; но слухи не подтвердились, и впродолжение зимы, в новом театре дано лишь несколько благородных спектаклей, преимущественно во время выборов. Летом, с прекращением клубных вечеров, уфимские жители очень любят прогулки по окрестностям, действительно превосходным, каковы село Чесноховка, Богородское, дачи Г-жи Балкашиной, Чортово или Татарское Городище, слобода Нижегородка, успенский мужской монастырь – прогулки на пароходах или, просто, по берегу реки Белой, начинающиеся тотчас с открытием весны и появлением зелени. При открытии навигации, на уфимской пристани является ряд балаганов, где помещаются лавки, питейные выставки и т. д. Пристань имеет вид какой-то ярмарки. В мае, именно около 9-го числа, в Уфу приносится из села *Берёзовки-камской* (бирского уезда) чтимая народом икона Николая-чудотворца; много усердных богомольцев провожает её от места до Уфы и обратно. В Уфе икона эта гостит целый месяц, носится

по всему Городу, почти в каждый дом; целый день на улицах слышны гимны св. Николаю и тянется процессия, предшествуемая белым знаменем с золотыми литерами S. N., а вечером факелами. Икона св. Николая найдена в лесу, на берегу реки Камы, в XVI веке, в то самое время, когда владельцы села *Берёзовки-камской*, именитые люди Строгановы, собирались промыслить царство Кучума; живопись иконы древняя и едва ли не греческая.

Говоря об общественной жизни Уфы, нельзя умолчать о том, что здесь развита страсть к музыке; едва ли где в другом месте можно найти, например, *оркестры любителей*, составленные из чиновников, гимназистов и т. п. Оркестры эти можно слышать на частных вечерах; разумеется, любители играют не за деньги, а именно по любви к искусству. Кроме собственно танцевальной музыки, они исполняют и классические пьесы.

Такова жизнь в далёкой Уфе, в которой простой класс и до сих пор – всё находящееся за Казанью называет ещё, по старой памяти, Россию. Оканчиваю настоящее письмо, надеясь ещё многое сообщить об Уфе, потому что, действительно, есть много такого, о чём нужно сообщить. Но всё это, полагаю, будет вполне понятно лишь после предварительного знакомства с нашим городом.

(Голос (Санкт-Петербург). 1863. 2 июня)

№ 3. Верхнеуральск (не подписанная корреспонденция Р.Г. Игнатьева)

*Верхнеуральск*¹. (Корреспонденция «Голоса»). – Благодаря ранней весне, работы на здешних золотых приисках начались с первых чисел апреля, хотя вообще они устанавливаются к концу апреля или началу мая. Нынешний год, к работам на золотых приисках, в первый раз как существует золотой промысел, обратились местные жители из башкир и тептерей, чего никто не предполагал месяца за два тому назад. Башкиры, владея миллионами десятин земли и угодий, плохо ещё занимаются хлебопашеством, тептери – тоже; они бедны и непромышленны, так что едва могут платить подушные, продавая каждую весну, перед наступлением взноса податей, кое-что из своего скота и имущества, нажитого кошением сена и продажей дровяного леса на золотые прииски. А подать с тептерей такая же, как вообще с государственных крестьян, хотя тептери и принадлежат к

¹ Оренбургской губернии – прим. редакции газеты.

«башкирскому войску». При такой бедности башкир и тептерей, им, конечно, давно было бы полезно обратиться на золотые промыслы. Это самые подходящие работники к этому делу. На золотые прииски, собственно в так называемую *контрачную* работу, здесь всегда идут только неисправные плательщики податей, плохие земледельцы, малоземельные и т. п.; а как в оренбургской губернии земледелие идёт везде хорошо, за исключением горных заводов и так называемого «башкирского войска», то здешние золотопромышленники поневоле должны бывают, с хлопотами и издержками, нанимать себе, по контрактам, рабочих в казанской, вятской, пермской и тобольской губерниях, и только в виде большой радости – башкир и тептерей оренбургской губернии. Башкиры же приуральских мест, где происходит золотой промысел, до сих пор оказывались, как мы заметили, несколько нерасположенными к труду, будет ли это земледелие или горные работы. Но с разрешением крестьянского вопроса, с будущим облегчением в податях, рабочие люди вздорожали; они находят работу около себя, не пускаясь отыскивать её за сотни вёрст, на чужую сторону. Поэтому, оренбургские золотопромышленники должны были увеличить плату. Это-то увеличение платы, может быть, и подействовало на умы диких кочевников, которые и обратились с предложением трудов своих к золотопромышленникам. Не знаем, какова будет золотопромышленная операция нынешнего года. Говорят, окончен давно ожидаемый горный устав, составленный, по словам наших официальных органов, на самых прекрасных и либеральных началах. Дай бог, давно пора... Но пока это ещё впереди; а теперь здесь жалуются вот на какую невзгоду.

С падением винной монополии, и у нас, как и везде, все пустились торговать вином – служащие, отставные, чиновные и нечиновные, купцы, мещане, и проч., и проч. По закону (2538 ст. VI т. горн. уст.), неотменённому и при нынешнем положении о питейном сборе, строго воспрещается всякая продажа вина на расстоянии менее пятидесяти вёрст от золотых приисков. Но, как видно, этого закона хотя не отменили, однако, не имели в виду при составлении «Положения о питейном сборе» 4-го июля 1861 г. В этом «Положении» мы встречаем особые правила для каждого ведомства, для каждой местности, но вовсе не находим правил для виноторговли в землях башкирского войска, или вблизи золотых приисков. Из 228, 241, 243 и 258 статей «Положения» мы только знаем, что торговля вином свободна для каждого, в каждом населённом месте, по разрешению местного начальства и с согласия – или общества, или помещика и, вообще, владельца того места, на котором кто желает поставить питей-

ный дом и открыть торговлю вином. Закон «Положения о питейном сборе», в этом отношении, прям и ясен; везде он требует обоюдного согласия торговца с обществом и владельцем. Башкиры и тептеры – вотчинники своих земель; это не подлежит никакому сомнению. Они, в своё время, были вынуждены доказывать свои вотчинные права. Дело их было решено средними инстанциями, и, вследствие этого решения, на их землях была воспрещена заявка вновь золотых приисков. Но, проживя тысячу лет гражданскою жизнью, мы всё ещё не научились ни понимать, ни уважать закона, не отстали от старой привычки, где нам и как для нас выгоднее толковать закон посвоему. Так поступили некоторые виноторговцы в отношении золотых промыслов и, как слышно, так же поступают они с башкирами и тептярями, открыв винную продажу в их селениях, на самой черте отводов под золотые прииски, не то – что без согласия вотчинников и сельских обществ, но среди протестов со стороны этих обществ. Башкиры и тептяри видят в наплыве виноторговцев – насилие, покушение на учение ислама, воспрещающее употребление вина. Чувство же религиозности в мусульманских башкирах и тептярях дотого сильно, что они в каждом питейном доме, открытом или имеющем открыться на их земле, видят – «осквернение правоверной земли». Башкиры, и особенно тептеры, хотя и склонны к воровству, но люди кроткие; преступлений между ними, за исключением воровства и конокрадства, почти вовсе не бывает. Немудрено, что такие люди боятся происшествий и преступлений со стороны рабочих на золотых приисках, если они будут посещать кабаки. А ведь известно, что в приисковую работу идёт народ далеко неотличной нравственности... Тептеры, на основании составленных мирских приговоров, первые подали жалобу начальству. Но, как говорят, один из ближайших начальников, который или не хотел понять, или не понял смысла закона, или находил нужным понять из целой статьи только два слова – «повсеместная продажа», такую, говорят, задал острастку тептерям, что у них и руки опустились, и что они, как говорил купец Авдулин Сквознику-Дмухановскому, сами не будут доводить кляуз до Оренбурга, да и другу-недругу закажут жаловаться. Так и хочется думать, что это было не у нас, а где-нибудь в Китае или земле кафров... С башкирами делается что-то такое, чего не понять никакому политическому мудрецу. Золотопромышленники, разумеется, ещё более находят логичным и основательным, имея в виду прямой закон «Горного Устава», протестовать против соседства кабаков, неручаясь, как за будущие беспорядки, если не преступления, на приисках, так и за кражу и перевод золота с приисков. Ведь запретительный закон VII то-

ма, поэтому и существует. Мы бедны золотом, оно у нас считается собственностью государства – потому-то за ним и такой строгий надзор. Но если, за всеми строгостями, но всё-таки идёт в Бухару и Хиву, то теперь, говорят, пойдёт ещё далее и ещё более... На какие выгоды, спрашивают золотопромышленники, рассчитывают те, которые открыли продажу в башкирских и тептярских селениях, и притом ещё летом, во время приисковых работ? Кругом, кроме приисков, русских селений нет, а если есть, так далеко, да и те имеют своих виноторговцев. Башкиры и тептяри живут нищенски, а пьют из них очень немногие, одни вольнодумцы. Хорошее жалованье на приисках получают конторщики, смотрителя, штейгеры, нарядчики, плотники, кузнецы, шорники и т. д.; но все они составляют самый ничтожный процент относительно всего количества рабочих; предположительно придётся всех таковых господ, обеспеченных жалованьем, не более, как одна двадцатая часть. Рабочий здесь получает несвыше 3 руб. 50 коп. сер. в месяц, на хозяйском содержании, да за работы по праздникам получит, впродолжение всего лета, рублей 10 – итого, впродолжение шестимесячной операции – 42 руб. сер. Но рабочие кругом должны хозяевам; ещё на месте найма они забирают вперёд, то на уплату податей и паспорта, то на домашние нужды и на дорогу; часто случается, что рабочий приходит на прииск без одежды; словом за всеми заборами, рабочему едва остаётся с чем и на что отправиться домой после окончания работ. Зимой, на другом прииске не остаётся никого, кроме сторожа. Не на кого решительно рассчитывать виноторговцу, кроме похитителей золота. Мы, конечно, не вправе и думать, чтобы торговля вином, на настоящем её положении, распространяла злоупотребления, тем более хищничество золота. Положим, что сам по себе ни один виноторговец не будет менять вина на золото, а будет брать только деньгами, но и без виноторговцев найдутся люди, которые займутся покупкою золота у рабочих, а уж рабочие, разумеется, препроводят деньги по принадлежности – в кабаки. Прежде искушение было далеко, а тайная продажа вина сопровождалась большими затруднениями; теперь же искушение перед глазами. А так как «веселие есть Руси пити», а для того, чтобы пить, нужны деньги, то, пожалуй, опасения золотопромышленников не замедлят подтвердиться фактами. Золотопромышленники протестуют; неизвестно, что будет с их протестом, но несомненно, что имеющие разыграть события обратят на себя внимание – кого следует... Если торговля вином, или казённый сбор за эту торговлю, составляет почтенную цифру доходов казны, то не менее того важна и потеря благородного металла, в котором Россия так нуждается. С дру-

гой стороны, если виноторговля, в общей сложности, и приносит почтенную цифру, то, во всяком случае, цифра дохода с вино-торговли в землях башкирского войска, в тех местах, где происходит золотой промысел, никогда не сравнится с цифрой казённого интереса с добытого золота. Вполне понимая это, правительство стремится развить частную золотопромышленность, и, конечно, не пожелает ничего такого, что прямо или косвенно может мешать её развитию, или служить к ущербу тех частных интересов, которые так тесно соединены с казёнными.

Таковы события и таковы мнения в наших местах. Передавая здесь те и другие, мы считаем излишним вдаваться в более подробные суждения, так как недалеко то время, когда заговорят сами факты.

(Голос. 1863. 5 июня)

№ 4. Троицк (не подписанная корреспонденция Р.Г. Игнатьева)

Троицк, оренбургской губернии. (*Корреспонденция «Голоса»*). – В начале мая сюда прибыл караван из Ташкента и начался меновой торг; теперь постоянно приходят караваны из Хивы, Бухары и Средней Азии; и так будет продолжаться до сентября месяца. По азиатской торговле, Троицк давно стал другим Оренбургом. Но в здешнем краю возникает ещё третий: это – бывшая коканская крепостца Ак-мечеть, или форт Перовский. Словом, торговля наша с Хивою, Бухарою и т. д. развивается год от году. Но до какой степени эта торговля нам полезна и необходима, это – такой вопрос, который требует слишком обстоятельного обсуждения; на сколько же она для нас убыточна – это хорошо понимает каждый наш купец и каждый человек, имевший возможность покороче ознакомиться с меновым торгом в городах Оренбурге и Троицке. Нам особенно знаком Троицк; мы с него и начнём, но начнём с самого начала, так как вы вовсе не знаете этого города, одного из центров нашей азиатской торговли.

Троицк основан в 1740 году, при реках Уе и Увельке. Окрестности города – голая степь, зыбучие пески, или опалённая солнцем растительность; в летние жары весь город, с его 3500 жителей, кроме наехавших азиатских и неазиатских гостей, с десятью или двенадцатью тысячами верблюдов, кажется погружённым в какую-то дремоту: окна везде в городе закрыты, всё переселилось за город, на меновой двор; редко встретится какой-нибудь экипаж или вьючный или невьючный верблюд. Троицк – город полуазиатский и до мены, а во время менового торга

его наводняют бухарцы, хивинцы, коканцы и киргизы; квартиры и всё прочее дорожает: азиатские гости платят за небольшую комнату с очагом, да за стойло для двух-трёх верблюдов, по 25 р. сер. в месяц. Некоторые из этих господ приезжают сюда даже не для меня, а чтобы пожить весело, пощеголять шелковым халатом, строго запрещённым в Хиве и Бухаре, попить запрещённого кораном вина, вечером пропеть свою дико-завывающую песенку, с акомпанементом балалайки бухарского устройства, или, ничего не делая, заложив руки за спину, с важностью прогуливаться по Троицку и меновому двору. А вот другие по целым часам сидят, поджавши ноги, и, буквально, ни о чём не думают... Есть ещё и такие, которые навсегда поселились в Троицке, выстроили себе дома и даже застраховали их, как, например, поступил *караван-баш*, т. е. надзиратель над караванами, строитель и владелец очень красивого и поместительного дома в русском стиле... Но заглянемте на меновой двор, находящийся в одной версте от города, на берегу реки Уя. Возле самого собора св. Троицы, здешней единственной церкви (есть, впрочем, другая, за городом, на кладбище, да близ города же недавно основан женский монастырь), мы спускаемся к мелководной реке Ую, вступаем на плохой, ежегодно набираемый мост, достойный просёлочных дорог, и переходим на *киргизскую сторону*, за пограничную таможенную черту. На пути непременно тянется вереница верблюдов, с их жожаками, толпы народа, наши православные и киргизские нищие – *байгуши*, с мешком и дубиной; байгуш-киргиз выучился уже по-русски просить милостыню: *подай, Христа-ради, Христа-ради подай!*.. Единственные ворота под небольшим двухэтажным каменным зданием, где помещаются таможня и гауптвахта, ведут на *пакгаузный двор*, с двумя пакгаузами и 22-мя кладовыми. Здесь, на этом дворе, горы тюков, туго набитых всяким товаром, ещё неочищенным пошлаю, неоштемпелёванным, передвигаемым и перевозимым с места на место, заставляют невольно подумать о значительности нашей средне-азиатской торговли. Тут же и будка для мелочного сбора. Пройдя все эти горы тюков, выходим на площадь, занимаемую экипажами, калашницами, мелочными продавцами муки и служащую нейтральным пространством между двумя дворами: направо – *азиатским*, с 99 лавками, налево – *русским*, с 70 лавками, почти всегда запёртыми более занятыми мукою, железом, чугуном и юфтью. Зато стены азиатских лавок обвешаны халатами, коврами, суссаю, бязью, выбойкою. Здесь снуют покупщики – более заводские крестьяне и мелочные торговцы, сопровождаемые маклерами, без которых ничего нельзя купить ни у бухарца, ни у хивинца, ни у киргиза. Маклер – значит

переводчик или толмач. Здешние маклера большею частью из татар. Ловкий и сметливый маклер, получая за комиссию по несколько копеек с рубля или пуда, в караванное или меновое время зашибает по несколько сот рублей серебром. В азиатских лавках, кроме названных нами товаров, всегда нагромождено множество ящиков с сахарными фисташками, манною, бухарскою сушёною сливою (*алибухары*), изюмом; всё это смешано с песком, пылью и сором – частью на месте, частью от дальней дороги, а более нарочно, вощиками, для большего веса... С азиатского двора входят на *киргизский*, с 120 лавками, наполненными юфтью, металлическими изделиями, шапками, мехами, овчинами и разною разностью. Лавки принадлежат, по большей части, поселившимся в Троицке казанским татарам, которые теперь захватили в свои руки почти всю торговлю, и год от году стремятся к монополии. Киргизский двор, где легко можно задохнуться и в нежаркий день, от удушливой атмосферы, представляет собою настоящий базар, в азиатском смысле этого слова. Посреди двора, на площади, вытянувшись в два, три ряда, татары и татарчата продают белилы, румяны, столь необходимые азиатским красавицам, целибуху, зеркальцы, ножи, ермолки, бляхи с изречениями из корана, для подвязки косы, кисточки, ленты, пуговицы и т. п. Всем этим ловкие татары отлично надувают русских, киргиз, башкир, калмыков, тептерей и мещеряков, отовсюду прибывших на меновой торг. Тут же опять неизбежные продавцы калачей, квасу, мыла, пряников, выставки с продажей вина, развьюченные верблюды, лошади, лошаки, козы, бараны, люди пешие и конные; говор, шум, крик людей и животных. Чтоб не дойти до обморока в этом хаосе, вам приходит желание совсем выйти из менового в рогатки или за рогатки. На устроенной во всю длину менового двора площади, обнесённой рогатками, пять то же самое, что и на киргизском дворе, да в добавок к этому – шкуры, выделанные и сырые, мерлушки, учёные беркуты, которые нетолько всякую птицу, но даже волков убивают, живые волки, медведи и лисицы, приведённые башкирами на продажу. За рогатками помещаются стада баранов и коз и табуны лошадей. Здесь опять маклеры. Воздух здесь чище. Далее – разстилается необозримая и унылая киргизкайсацкая степь. Теперь, когда мы пишем эти строки, покуда пришло только 3000 верблюдов; к осени придёт их значительно более. Но мы невольно приходим к вопросу: стоило ли со стороны этих средне-азиатских господ так далеко везти подобный товар, и по такому трудному и неудобному пути? Для чего нам эти блузы, выбойки, грубые бухарские бумажные изделия, далеко отстающие от самых плохих наших изделий подобного рода?

Взгляните на эти ковры от 3 руб. 50 коп. до 20 и 25 руб., на подбитые бязью, а случается и английским ситцем, халаты – шелковые и бумажные, двуличные и атласистые, азиатского покроя, большею частью полосатые и ярких цветов, ценою от 2 до 23 руб. сер., поражающие своими вечно однообразными рисунками? Смотря и вникая, как всё это продаётся и покупается, никак нельзя понять, что такое, в самом деле, наша *меновая торговля*? Где эта торговля? Ужели вы думаете, что на троицком или оренбургском меновом дворе, вы, положим, торговец, и в самом деле можете *променять* ваш товар на азиатский? Если вы так думаете, то жалко ошибётесь. О *мене* здесь никто не думал и не думает, и всё, что здесь есть – продаётся и покупается на наличные деньги, в смысле благородного и неблагородного металла, так как ни того ни другого не производят ни Хива, ни Бухария. Бухарцы жадно берут червонцы и крупное серебро – мелкое они находят неудобным – а перед отходом каравана выменивают червонцы, платя на каждый от 25 до 40 и более копеек лажа менялам, в которых нет недостатка ни в Троицке, ни в Оренбурге, и которые страшно наживаются от мены. Большинство менял – опять-таки казанские татары. Так-то наша звонкая монета, даже по официальным сведениям (а кто не знает, как верны наши официальные сведения?) уходит в количестве, будто бы, 50 000 рублей, но, в сущности, в четверо более того, в Среднюю Азию, а оттуда невесть куда. Меновая торговля Троицка и Оренбурга – одна из причин, которыми объясняется, куда девались наши деньги, т. е. звонкая монета, вопрос, о котором когда-то у нас так много толковали и в обществе, и в журналах. Впрочем, под конец лета, в Троицке действительно бывает что-то похожее на мену, когда бухарцы решаются, хотя и очень неохотно, променять свои скверные ягоды или остатки негодной выбойки на кожи, железо, чугун и медные изделия. Где же тут, спрашиваем меновая торговля? Наши киргизы продают свои стада и табуны тоже за деньги, на которые, в свою очередь, закупают себе муку, ягоды и проч., ухитряясь всеми силами затаить разве несколько монет для подарка жёнам, чрезвычайно любящим щеголять в нагрудниках из четвертаков и полтинников. По всем этим причинам, наше купечество как можно старается запастись, для нашей меновой ярмарки, звонкою монетою, так как бумажные деньги не уважаются азиатцами; они идут для русских покупателей. Мелкими деньгами вам здесь никогда не сдадут даже одного гривенника; купец скорее откажется продать вам что бы ни было, чем примет условие отдать вам причитающуюся сдачу звонкою монетою: она нужна ему для азиатцев. Везде по этой так называемой мене выигрывают одни

азиатцы. По самому верному расчёту, мы сбываем им разной разности: железа, меди, чугуна, стали, олова и игл, юфти, кож и частью, сукон, шелковых, бумажных и полотняных изделий, чаю, сахару и проч., всего на сумму 350 000 рублей. Сами же мы, не говоря о хлопке, как действительно полезном товаре, платим им за одни негодные их ягоды свыше 100 000 рублей. Местное купечество и вообще русские торговцы сильно жалуются на то, что мануфактурные изделия здесь почти совсем не требуются, и что торговля на меновом дворе переходит почти сполна в руки переселившихся в Троицк казанских татар... Отчего с каждым годом караван, приходящий в Троицк, увеличивается, увеличивается даже в сравнении с Оренбургом, тогда как из Троицка путь в Нижний-Новгород, куда идёт большая часть привоза, нетак удобен? Оттого, что, ничтожный сам по себе, уездный городок Троицк богат соседством с золотыми приисками, как в собственном уезде, так и в ближайших к нему уездах челябинском, верхнеуральском. Соседство это, конечно, никаким образом, не должно бы служить магнитом для азиатцев; но ведь известно, что, как ни строго преследуется у нас кража золота, как ни следят за этим владельцы золотых приисков, власти и горная полиция, содержимая самими золотопромышленниками – всё напрасно: золото, которым так бедна наша Россия, пудами идёт в Среднюю Азию, так что цифра его стоимости, конечно, далеко превышает цифру всего оборота нашей *мнимой меновой торговли*. И это зло, мы полагаем, искоренится лишь тогда, когда золотой промысел перестанет быть монополией, и когда на золото мы будем смотреть как на товар, а не как на что-то особенное. Мнимо-меновая торговля, впрочем, собственно Троицку нисколько ненакладна: ратуша его получает хороший доход с лавок; таможня тоже; домохозяева, трактиры, мелочные торгоши, менялы, гостиница для приезжающих – всё это, бесспорно, блаженствует и всякий раз благословляет приход средне-азиатских караванов.

(Голос. 1863. 3 августа)

№ 5. Троицк, Оренбургской губернии (перепечатка из газеты «Голос»)

[Текст смотри выше]

(Оренбургские губернские ведомости. 1863. 7 сентября)

№ 6. Оренбург (предположительная корреспонденция Р.Г. Игнатьева), фрагменты

Оренбург. (Корреспонденция «Голоса»). – Предполагая сообщить вашим читателям несколько интересных подробностей об Оренбурге, преимущественно в экономическом отношении, считаю необходимым ознакомить их прежде с местностью, о которой намерен писать, в историческом, а частью статистическом отношении, и потому начинаю корреспонденцию изложением обстоятельств, служивших поводом к построению города и началу оренбургской губернии.

По повелению императрицы Анны Иоанновны, указ о построении города Оренбурга состоялся в 1734 году. По прошению хана средней киргизской орды Абулхаира, велено было строить город при устье реки Ори, впадающей в Урал, со степной стороны. Наименование города Оренбургом произошло таким образом: *Орь* – река, при которой он был первоначально построен, *бург* – местечко. При реке Ори город был застроен статским советником Кириловым, в 1735 году. Место это оказалось, однакож, неудобным. По представлению Татищева, управлявшего так называемой оренбургской комиссией, велено было вновь застроить город на другом месте, при урочище Красной Горы: указ об этом последовал в 1739 году, а прежнее место, назначенное для города, переименовано в орскую крепость. Город застроен во второй раз в 1740 году, но и тут, как в первый раз, местность была выбрана неудачно, а потому, когда тайный советник Неплюев вступил в должность первого губернатора оренбургской губернии, то он нашёл более выгодным построить Оренбург на правом берегу Урала, в небольшом расстоянии от впадения Сакмары в Урал, где и находится Оренбург в настоящее время. Таким образом, город был окончательно застроен в 1742 году, в царствование императрицы Елизаветы Петровны. В разные времена оренбургская губерния носила разные названия. При Кирилове она именовалась *известною*, а потом, *оренбургскою экспедициею*. При тайном советнике Татищеве *оренбургской комиссией*. В 1742 году велено её называть оренбургской губернией и первым военным губернатором определён в ней тайный советник и кавалер Неплюев. К управлению губернией, отнесено заведывание всеми крепостями, регулярными и ирегулярными войсками, исетской провинцией и зауральскими башкирами, уфимскою провинциею со всеми башкирскими делами, управление киргизами и пограничными делами.

Безпокойные дикие народы, жившие вокруг Оренбурга, производили грабежи в окрестностях города, уводили пленных

за Урал, с целью получать богатый выкуп, и вообще даже самый город находился в опасности, а потому, одновременно с его построением, был возведён земляной вал, имевший вид бастионного фронта. Этот земляной вал принёс существенную пользу городу во время башкирских бунтов, а впоследствии он дал возможность Оренбургу выдержать упорную осаду Пугачёва и спас жителей от гибели, которою грозил им злодей. По мере восстановления спокойствия в оренбургском крае, население города стало возрастать, и так-как Оренбург был стеснён валом и свободных мест внутри его не оставалось, то вне крепости образовались два предместья: одно, называемое форштадтом, вошло в управление оренбургского казачьего войска (хотя земля, на которой строились казаки, принадлежит городу); другое, именуемое старой слободой, в городском управлении. Впоследствии возникло третье предместье, называемое новой слободой. По правилам о крепостях, постройки вне вала ближе 150 саженей от крепости не возводились, а потому между земляным валом и предместьями образовались пустопорожные места, и предместья растянулись на большое пространство, без всякой симметрии и порядка. Стеснение города от вала было причиной крайней дороговизны квартир в Оренбурге. Притом жилые постройки лепились одна к другой [...]

Но пора, однакож, дать читателям понятие о самом городе. Оренбург выстроен на правом берегу Урала и расположен на песчано-глинистой возвышенности. Главная его улица тянется в прямом направлении от Урала и называется николаевскою. В настоящее время, с уничтожением вала, она будет продолжаться по направлению к новой слободе, где уже места занимают новыми постройками. *Николаевская* улица, пересекаемая многими другими, образует в середине города большую площадь, называемую *александровскою*, на которой устроен главный бассейн, снабжающий город водою. На площади ещё с прошлой осени начались большие работы. Тут устраивается бульвар или, лучше сказать, городской сад. Работы по этому делу подвигаются быстро вперёд. Бульвар уже обгорожен и засажен деревьями. К сожалению, выбор деревьев весьма неудачный. По обеим сторонам главной алеи тянутся совершенно несвойственные почве и климату, тогда как кустарники в роде акации, шиповника и сирени могут приняться легко и даже почти не требуют ухода. Но об этом когда нибудь после, а теперь пойдёмте далее. *Николаевская* улица – лучшая в Оренбурге. Она состоит из целого ряда чистых и красивых домов. В числе её построек замечательны дом благородного собрания и дом генерал-губернатора, выстроенный на берегу Урала, но выдающийся частью на николаев-

скую улицу. Оба эти здания построены по рисунку Брюлова. Александровская площадь обстроена кругом большими каменными зданиями. Лучшие из них здание 2-го эскадрона неплюевского кадетского корпуса (преобразование корпуса в военную гимназию совершается уже мало-по-малу), бывшее здание генерального штаба, в котором помещается, в настоящее время, артиллерийская школа, дом городского общества, штаб отдельного оренбургского корпуса, каменный манеж, обращённый во временный театр. Одно, что портит площадь и часть николаевской улицы – это голые и пустые стены гостиного двора, которые, выходя на лучшие улицы, напоминают какой-то безобразный острог. Гостиный двор в Оренбурге – складочное место товаров, которых не успели продать во время мены. Он построен в центре города и имеет вид крепости. Снаружи, во всех четырёх фасадах, нет ни окон, ни дверей, за исключением двух железных ворот на всё здание, занимающее целый квартал. Внутри этот двор разделён на две части, русскую и азиатскую. В каждой из них есть несколько лавок, в которых торгуют; но большая часть лавок служит местом склада товаров, и самый двор дотога завален тюками, что покупателям приходится совершать чудовищные прыжки, чтоб пройти с одного конца двора до другого. Мы слышали, что оренбургское купечество ходатайствовало о разрешении устроить в наружных стенах гостиного двора лавки, что было бы весьма удобно и выгодно для торговцев и покупателей, и значительно украсило бы город. В настоящее время, к наружным каменным стенам гостиного двора, со стороны базарной площади, приставлены деревянные домики и будки для мелочных торговцев, что крайне безобразно и не даёт возможности купцам расширить круг своей деятельности.

Николаевская улица пересекается неплюевской, на которой находятся, 1-й эскадрон неплюевского кадетского корпуса и оренбургский николаевский институт, значительно увеличенный и хорошо обстроенный после посещения Оренбурга его императорским высочеством принцем Ольденбургским. В конце неплюевской улицы находятся большие каменные постройки, принадлежащие оренбургскому казачьему войску, а далее, за орскими воротами, на новых местах, между городом и форштадтом, выстроен недавно каменный хлебный магазин и заложен фундамент новых казарм, возводящихся вместо погоревших в 1860 году, в том же направлении строится артиллерийская лаборатория. Пожар 1860 года истребил целый квартал, который в настоящее время застроился большею частью каменными домами, и эта часть города, бывшая последнею, сделалась чуть не первою. К числу значительных построек относится здание караван-

сарая, выстроенное графом Перовским, в первое его пребывание в оренбургском крае. Это здание первоначально предназначалось для склада товаров, привозимых из средней Азии, но, по отдалённости караван-сарая от менового двора, постройка эта отдана в распоряжение башкирского ведомства, и там размещаются служащие в канцелярии командующего войском, или, лучше сказать, управляющего башкирским народом. Это здание имеет обширный двор, внутри которого выстроена богатая мечеть. Трудами башкиров, при караван-сараях разведён большой сад, служащий местом общественного гулянья. В начале прошлого лета в этом саду устроен весьма порядочный воксал. К числу новых капитальных построек относится женская больница, ещё недостроенная и помещающаяся в промежутке между городом и первым порядком старой слободы.

Относительно снабжения города водою, заметим следующее: работы по этому делу предприняты, и с весны начнут проводить воду в частные дома. Благодетельные реформы, производимые в крае в последние годы, а также и развитие внутренней торговли, принесли свои плоды, и народонаселение Оренбурга возросло значительно. [...]

[На берегу Урала находится район бедноты]. Если кто попробует туда заглянуть, то требуется большая ловкость, чтоб безопасно проникнуть в это жильё. Чего вы тут не встретите: и подземелья и витые лестницы, и жильё без крыши, закладываемое на ночь досками, чтоб снег или дождь не проникал в него. Помещения тесны до крайности: человеку высокого роста стоять в них нельзя, надо сидеть или лежать; в некоторых мазанках, вместо дверей, сделаны отверстия, в которых входиться нельзя – жильцы вползают в них. А какая чудовищная бедность, какие лохмотья в этих закоулках – об этом и говорить страшно; а наряду с ними, как и всегда, идёт порок. По вечерам в этих подземельях разврат и пьянство находят себе постоянный, верный приют. Тут же притон воровства и приём и сокрытие ворованных вещей. Дума предлагала, с своей стороны, отвести места домохозяевам бесплатно за городом, с тем, чтоб уничтожить эти развалины, но близость воды, а может быть и другие выгоды удерживают это население на прежних местах жительства, и всё идёт, попрежнему, своим порядком.

В некоторых губернских и уездных городах, как видно из корреспонденций, печатаемых в газетах, учреждаются общества взаимного от огня страхования. К несчастью, это дело у нас не клеится, несмотря на очевидную пользу и выгоду. Преобладающее число домохозяев из мещан не доверяет этому учреждению и смотрит на него, как на отяготительный налог. Не без того,

конечно, что и агенты страховых обществ стараются поддерживать такое сомнение, с очень понятною целью. Торговля вином значительно расширяется в Оренбурге; распивочные растут как грибы, и повсюду выручки хорошие. В Оренбурге, на берегу Урала, выстроен новый винокуренный завод. В последнее время, в оренбургской губернии, сверх 23-х действующих винокуренных заводов, открыто вновь ещё шесть.

Внутренняя торговля в Оренбурге принимает с каждым годом более обширные размеры. По недостатку путей сообщения, за исключением предметов первой потребности, остальное продаётся дорого. Правда, выбор товаров самый разнообразный, и весь привоз из Петербурга, а не из Москвы. Особенно в последнее время возвысились в цене ситцы и табак. Внешняя торговля производится на меновом дворе, находящемся на расстоянии двух вёрст от города. Меновой двор построен на степной стороне Урала. Внутри этого двора устроен ещё другой двор, для азиатских купцов. Над воротами, идущими к таможене, построена часовня во имя Захария и Елизаветы. Все исторические памятники и рукописи семисотых годов ясно указывают, что построение города Оренбурга на берегу Урала, в пограничной черте с азиатскими народами, имело целью устройство прочных торговых сношений с средней Азией и Индией. Такое заключение безошибочно подтверждается привилегией, данной Оренбургу в царствование императрицы Анны Иоанновны. В этой привилегии дано разрешение всем сословиям русского народа, за исключением беглых и крепостных людей, селиться, жить в Оренбурге и свободно заводить торговлю. Такое же право распространено, по той же привилегии, на иностранцев и на азиатцев. В этой привилегии указано также, какие меры необходимо предпринимать для распространения средне-азиатской торговли и вменено в обязанность управлявшему в то время оренбургской экспедицией статскому советнику Кирилову посылать караваны в Хиву, Бухару и далее. До основания Оренбурга азиатские купцы из бухарцев, хивинцев и ташкентцев приходили караванами в киргизские улусы, кочевавшие по берегам Урала и Ори.

Торговля их была незначительна; она состояла преимущественно в мене бумажных товаров, за которые они получали от киргизов баранов и лошадей. Когда Абулхаир-хан принял подданство России, вместе со всей средней киргизской ордой, и вслед затем, в 1735 году, начал строиться Оренбург на реке Ори, то ташкентские купцы послали от себя депутацию к Кирилову с просьбою учредить в Оренбурге ярмарку, обещаясь посещать её ежегодно, в большом числе караванов, с тем, чтоб и русские купцы отправляли караваны в их владения. В 1736 и в

1737 годах, по случаю башкирских бунтов, не было проезда в Оренбург, но, несмотря на то, между русскими и киргизами уже происходила мена товаров на скот и лошадей. В 1738 году состоялся высочайший указ о построении менового двора, что и было исполнено. В 1742 году Оренбург был окончательно застроен на берегу Урала, и меновой двор был переведён из старого Оренбурга в новый, т. е. на то место, где он находится и в настоящее время. Тут возведено каменное здание, имевшее на первый случай 200 лавок и 150 амбаров. Мы посвятим отдельную статью меновой торговле, а теперь, объяснив только её начало, скажем, что она шла успешно до 1857 года. Но с этого времени упадок её делается заметен. Такое обстоятельство нельзя себе объяснить ничем, как потерю значения менового двора. С тех пор, как учредилась новая линия и впереди Оренбурга есть целый ряд фортов на Сыр-Дарье, Оренбург перестал быть пограничным городом и, мало по малу, становится внутренним рынком. Средне-азиатские купцы везут свой товар прямо в город и закупают его там очень скоро; на меновой двор они его возят только для соблюдения всех формальностей, требуемых таможеней. Меновой двор сохранил некоторое значение в мене русских с *киргизами*.

(Голос. 1864. 18 (30) апреля)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОР РНБ – отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.А. Лабузов</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	3
<i>М.И. Роднов</i> НАЧАЛО НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ Р.Г. ИГНАТЬЕВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ	6
ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУФА ГАВРИЛОВИЧА ИГНАТЬЕВА, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ	36
<i>1859 год</i>	
№ 1. Церковь Святого Благоверного Князя Александра Невского, в г. Уфе	36
№ 2. Чортово городище близ города Уфы	40
<i>1860 год</i>	
№ 3. Вопрос о преобразовании губернских ведомостей	47
<i>1861 год</i>	
№ 4. Ещё о губернских ведомостях	53
№ 5. Корреспонденция Р.Г. Игнатъева из Верхнеуральска, 12 августа 1861 г.	62
№ 6. Корреспонденция Р.Г. Игнатъева из Мензелинска, ноябрь 1861 г.	63
№ 7. Корреспонденция Р.Г. Игнатъева из Верхнеуральского уезда, от 23 ноября 1861 г.	66
<i>1862 год</i>	
№ 8. Корреспонденция Р.Г. Игнатъева из Верхнеуральска, от 22 июля 1862 г.	69
№ 9. Письмо из Оренбурга	71
№ 10. Письмо из Оренбурга [второе]	75
№ 11. Из Стерлитамака	78
№ 12. С золотых промыслов Оренбургской губернии	81
№ 13. Село Тобынск	83

1864 год

№ 14. Из Верхнеуральского уезда 88

1865 год

№ 15. Царские грамоты и челобитье о землях башкира,
Тархан Акинчака Таникеева, XVII века 90

№ 16. Гора Аушкуль и озеро того-же имени 97

№ 17. Топографическое обозрение
Воскресенской волости 98

№ 18. Из г. Верхнеуральска 102

№ 19. Канур Буга 104

№ 20. Заметка о школе при церкви
св. Спаса, в г. Уфе 106

№ 21. Древний антиминс в г. Уфе Буйницкого
Монастыря из Литовской Руси 110

№ 22. Чудской городок и городьба в Челябинском
уезде Оренбургской губернии 112

№ 23. Курганы в при-уральских местах
Оренбургской губернии 117

№ 24. Г. Верхнеуральск 143

№ 25. О месте кончины и погребения
думного дьяка Афонасия Власьева 164

1866 год

№ 26. Церковь свят. Троицы или старый
(Смоленский) Собор в г. Уфе 167

№ 27. Закладка в г. Златоусте часовни
в память события 4 апреля 190

№ 28. Станица Магнитная 194

№ 29. Присоединение архимандрита и Иеродиакона
Австрийской секты к единоверию 203

ПРИЛОЖЕНИЯ 205

Письма. Предполагаемые статьи Р.Г. Игнатьева 205

№ 1. Два письма Р.Г. Игнатьева к А.А. Краевскому, 1852, 1862 гг.....	205
№ 2. Уфа (возможная корреспонденция Р.Г. Игнатьева).....	208
№ 3. Верхнеуральск (не подписанная корреспонденция Р.Г. Игнатьева).....	212
№ 4. Троицк (не подписанная корреспонденция Р.Г. Игнатьева).....	216
№ 5. Троицк, Оренбургской губернии (перепечатка из газеты «Голос»)	220
№ 6. Оренбург (предположительная корреспонденция Р.Г. Игнатьева), фрагменты	221
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	227

Научное издание

Руф Игнатъев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
(уфимский и оренбургский период)

Том I
(1859–1866 годы)

Ответственный редактор
Лабузов Вячеслав Александрович

Составитель
Роднов Михаил Игоревич

Подписано в печать 20.02.11. Формат 60×84/16.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 13,4.
Тираж 500 экз. (1-й завод 200 экз.) Заказ № 3957

Издательский центр ОГАУ.
460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18.
Тел. (3532) 77-61-43

